

УЛУТ- ХЕМ

12

ЛИТЕРАТУРНО-
ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
АЛЬМАНАХ

Ровен
1971

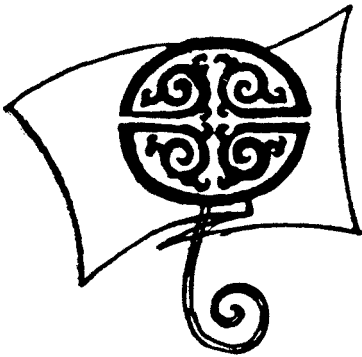
**ПРАВЛЕНИЕ
СОЮЗА ПИСАТЕЛЕЙ
ТУВИНСКОЙ АССР**

УЛУГ- ХЕМ

12

**ЛИТЕРАТУРНО-
ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
АЛЬМАНАХ**

**ТУВИНСКОЕ КНИЖНОЕ
ИЗДАТЕЛЬСТВО
КЫЗЫЛ — 1971**

Сергей ПЮРБЮ

О ВРЕМЕНИ ✦ СОВРЕМЕННОКАХ

(Поэма)

ГЛАВА I

Старики мои были
обыкновенный народ:
подвигов не свершили —
кто славу им воспоеет!
Было у них семь тощих,
рыжих коз и козлят,
две коровенки пестрых,
да и те без телят.
Старый конь на аркане
пасса зимой и летом.
В юрте со стариками
жили дожди и ветры.
Что ж, это было нередко.
не удивительно было:
мимо той юрты ветхой
дороги не проходило.

Мать искусной швеею
в то время слыла вокруг,
она наперсток с иглою
не выпускала из рук.

Времени не хватало
даже сварить нам чай...
С зарей от работы вставала
и распрямлялась авай.¹
Маленькому, мне казалось,
будто ес игла
в темную ночь вонзалась,
к свету людей вела,
и люди, изнемогая
под тяжким грузом, в пыли,
падая и вставая,
держались за нить и шли.

Молот отца не пылился
в кузнице бесполезно:
он словно насмерть бился
с раскаленным железом.
Поздно, когда уже в горне
небесном огонь полыхал,
яростный и упорный
бой этот затихал.
А мне казалось, что нож,
который отец ковал,
врезался в темную ночь,
мечом богатырским сверкал.
Грохочущей кузницы ад
мне часто снился в ночи:
мне снилось — сшибаясь, гремят
на поле битвы мечи.

Старики мои были
обыкновенный народ.
Подвигов не свершили —
кто славу им воспоеет!
Горечь нужды горька ведь,
как желчь, горька и темна...
Они большими глотками
пили ее до дна.
Как на углях раскаленных
пылают бугристые раны,
на спинах их изможденных
скрестились багровые шрамы.

---

¹ Авай — мама.

Что ж, это было нередко,
не удивительно было:
тогда палача метку
полнарода носило.

Осенью, когда плыли
журавлей караваны,
многие уходили
в царство Эрлик-хана.
Желтая злая думаа¹
тогда по аалам бродила:
в юрты входила одна —
но всегда не одна уходила.
А хлеба колыхались,
в рост человека поднявшись,
и на корню осыпались,
хозяйских рук не дождавшись.
А по степным просторам,
все больше и больше дичая,
скот бродил без надзора,
совсем людей не встречая.

Как остановишь бурю-то?
Она приходит сама...
И нашу бедную юрту
не обошла чума.
На жизни родных, не медля,
костлявой смерти рука
стянула тугую петлю.
Как сбросишь смерти аркан!..
Старики мои вскоре,
страданий не пережив,
ушли, печали и горе
за пазуху положив.
Остались мы с братом двое,
в наследство от них получив
к жизни, счастливой, вольной,
страстной мечты порыв.

Болезни по юртам кочуют,
и косит смерть, как литовкой...
А ламы поживу чуют
и орудуют ловко.

---

¹ Думаа — болезнь.

Жизнь старика и ребенка
хищникам не дорога:
последнюю коровенку
угонят за барылга¹.
Две пестрые коровенки...
Все, чем богаты мы были,
ламы, шаманы да волки
поровну поделили.
Мы с братом, к несчастью, не померли...
А к бедам — не привыкать:
сложили юрту и по миру
отправились долю искать

Г Л А В А 2

Куда нам идти?
Сироте нет другого пути:
куда ни пойдешь —
все равно в батраки попадешь.
Листва облетала...
Свершилась и наша судьба:
к мейрену попали,
нам выпала доля раба.
Поднимешься рано,
огонь в очаге разведешь
и чашку далгана²
холодной водою запьешь.
И бродишь потом
по предгорьям с хозяйским скотом,
воротиться с первой звездой,
голодный и еле живой.

Однажды мой брат
меня тихо из юрты позвал
— Настала пора.
Ухожу. Жди весны, — он сказал.
Задумчив стоял он
с кремневкой отца на плече,
и обнял меня,
и, в ночи растворяясь исчез.

---

¹ Барылга — плата шаману за камланье.

² Далган — жареная мука.

Отправился в горы,
быть может, разыскивать след
в тот край, о котором
нам в сказках рассказывал дед.
А может, подался
в Танды, на Алтай -- в тех краях
охотничать взялся?
Там хищного много зверья!..

Я мерз, голодал,
и чего только не испытал!
От тягостных дум
истомился, измучился ум.
Я в тяжком несчастье
о близких печалился так,
что с губ моих часто
срывалось: «Халак! О, халак!»...
А слезы порой,
как ручьи из-под камня, бежали.
корой ледяной
на глазах и щеках замерзали.
Куда я пойду?
У кого состраданье найду?
Как должен я жить,
чтобы лед на душе растопить?..

Он ал с вербы цвет
и развеялся пух тополей —
а брата все нет...
Тосковал я о нем все сильнеей.
В отрепья одетый,
на пугало я походил:
зимою и летом
в штанах из овчины ходил.
Дождешься как раз,
чтоб хозяин одежду сменил:
да он бы хоть раз,
хоть бы раз досыта накормил!..
К какому нойону
с тяжелой обидой пойду?
Какие законы
и где против бая найду?

Ни часа покоя
до смерти не знает бедняк,
и вечно с нуждою
живет он... А мается как!
Богач за всю жизнь
не ударит и пальцем о палец...
Богатства откуда взялись?
Или с неба упали?
Кому это надо?
Кто сделал все наоборот?
Растоптана правда,
а несправедливость живет.
От мыслей таких,
мне казалось, в огне был мой мозг.
Ответа на них
я искал... Кто ответить мне мог?
Униженным был я.
Насмешки, обиды — все было.
Познав их впервые,
в груди моей сердце застыло.
Еще не обвык я,
а труд был свинца тяжелей:
как камень — травинку,
меня придавил он к земле.
Как жить? Как бороться?
Я лучше б хотел умереть,
чем доли сиротства
безмерные муки терпеть.
Но в тяжелой доле
звездой мне надежда сверкала
на счастье, на волю...
Она мне пропасть не давала.

Г Л А В А 3

Луга заалели,
как щеки девчонок влюбленных:
на них загорелись
костры нежно-алых пионов...
Как в бархат зеленый,
оделись леса и опушки.
Слышны отдаленно
тоскливые стоны кукушки.

Коврами на пашнях
    хлеба поднимались все выше...
О брате пропавшем
    тогда, наконец, я услышал.
Людская молва,
    как морская волна, приносила
о брате моем толки, слухи...
    Немало их было.

В то время чангы
    и другие чины, словно волки,
все в юрте Чалбы
    собрались и спорили долго.
— Он против законов!
    Он головорез и бандит!—
один из нойонов
    слюною исходит, шипит.
— С нечистым связался
    и тем опозорил наш род!
Он русским продался!—
    другой, надрываясь, орет.
О, милый мой брат!
    Я не знаю, чем ты виноват...
И как мне узнать?
    Как тоску в моем сердце унять?

А слухи, как дым,
    все ползут, в мое сердце въедаясь...
Я часто один
    на высокий утес поднимаюсь.
Склонились над ним
    тополек да сосенка кривая...
И им, как родным,
    я всю душу свою открываю.
— В аале Алдын-Шынаа
    и в аале Усту-Шынаа,
мой брат, о тебе одна
    дурная слава слышна.
Скажи, какой совершил
    ты в жизни великий грех?
Скажи, чем ты заслужил
    такую ненависть всех?

Однажды к хозяину поздно
Билчээ чангы прискакал.
Ловил он губами воздух,
усталый, злой, как шакал.
— Ну, что? Слыхал о проклятом?
Этот бандит Маадыр-оол
с партизанским отрядом
проводником пошел!
И скоро окажет нам честь —
с отрядом объявится здесь!
Ведь он их ведет напрямик:
уже перешли Эзерлиг!
— Так, охая и вздыхая,
шептались они, как воры...
А я, затаив дыханье,
слушал их разговоры.

Вот Чалба наклонился
и говорит чангы:
— Беда, как камень, нависла.
Скоро придут враги!
Как можно скорей скачи,
предупреди чагырчы,
придумай, что предпринять —
как Маадыр-оола унять!
Отнимет овец, богатства...
И, продолжая шептаться,
стараясь ступать неслышно,
тихонько из юрты вышли.
А вслед за ними, мгновенно,
на ходу я собрался
и на коне мейрена,
обрезав повод, умчался.

Зарею утренней алой
окрасился Эзерлиг.
Всю ночь с коня не слезал я —
подножья горы достиг.
Навстречу грозным обвалом
спускался большой отряд.
Знамя над ним полыхало,
как утренняя заря.

Чего я струсил? Не помню.
Назад повернул коня.
Но семь или восемь конных
уже окружили меня.
И вдруг я увидел брата...
Он был среди них, солдатом.
От радости я онемел:
молчал, на него смотрел.

Чалба и друзья его тайно
готовились выступать.
Приказ им пришел из Чадана:
надежных людей собрать
и увести их в горы.
Бандиты вооружились.
В дремучих таежных норах,
как хищники, притаились.
Не помогли им ни речи,
ни наговор, ни обман:
простые люди сердечно
встретили партизан.
Готовили угощение,
в передний угол сажали,
белое подношение,
как высшим гостям, подавали.

На эту встречу с отрядом
быстро народ скопился.
С речью к тувинцам-аратам
командир обратился:
— Великую революцию
в России свершил народ.
На битву за жизнь лучшую
Ленин его ведет.
Власть богачей и нойонов
свергнута навсегда.
Новой жизни законы
пишут люди труда.
Старому не вернуться!
Вы слышите, бедняки?
Да здравствует революция!
Да здравствует Ленин-башки!

Жара и холод столкнутся —
    рождается грозный вихрь...
Народные революции...
    Настало время для них.
Такие уж дни настали,
    что богач и бедняк
вместе, в одном аале
    не могут ужиться никак.
Забурлил и поднялся
    весь народ трудовой —
так Енисей разъярится
    в половодье, весной.
Темная ночь отступала.
    Из тающей синевы
Ленина солнце вставало
    в небе Танну-Туву.

Брат мой — парень неробкий.
    А как он метко стрелял!..
Знал охотничьи тропки
    через любой перевал.
За свободу, за правду
    жизнь готов был отдать...
Так и пристал к отряду
    и ушел воевать.
Годы боев былинных
    метелями пролетели...
Белоказаки, «камыны»,
    прахом в земле истлели.
Мой брат с партизанами вместе
    против бандитов бился,
да так и пропал без вести —
    так и не возвратился...

Сколько юрт обошел я!
    О брате хотел узнать.
Никто мне про Маадыр-оола
    не мог ничего сказать.
Однажды, совсем случайно,
    зашел я в юрту к соседу.
Неторопливо, за чаем,
    о разном вели беседу.

Прохожий из Чаа-Холя был там.
Он-то и рассказал:
— В прошлом году бандиты
нагрянули к нам в аал.
Парня, связав покрепче,
с собою они пригнали:
Маадыр-оол его звали.
Партизанский разведчик.

Сердце во мне упало.
Дрожью охваченный вдруг,
смутно воспринимал я,
что происходит вокруг.
Но, кое-как успокоясь,
волнение переборол...
И выслушал страшную повесть:
как погиб Маадыр-оол.
— Всю ночь продолжался допрос.
Ни слова он. Никому.
Отрезали уши и нос,
и пальцы — по одному.
В землю его по горло
заживо закопали.
А глаза еще долго
смотрели в степные дали...

Этот рассказ мое сердце
до глубины прожег.
Так я в зрелость из детства
перешагнул порог.
Стал я, как брат, солдатом...
Революции вихрь —
не за него расплата:
за тысячи братьев моих.
Могилა погибшего брата
давно заросла травой.
но горсть земли с нее свято
храню я, ношу с собой.
В земле этой крови и тела
частицы его живут,
а имя его и дело
никогда не умрут.

ГЛАВА 4

В годы горькой нужды,
когда горе арата согнет,
кто поможет? Лишь ты,
всемогущий, сердечный народ.
Как бороться с бедой?
На кого я надеяться мог?
Лишь на тех, кто со мной
разделил свой последний кусок
С детства близок мне был
друг — сорвиголова Сарыгбай.
По соседству он жил,
с ним одна нас связала судьба.
А отец его мог
смастерить и седло, и сундук,
и раскрасить их мог
так, что все озарялось вокруг.

Сарыгбай рос в нужде.
Был тяжелым трудом закален.
В самой страшной беде
не терялся, не плакался он.
Часто мерз, голодал,
но я в нем был уверен всегда:
если дело начнет —
все равно до конца доведет.
Прилипала, как грязь,
свора байских кичливых сынков.
Потешаясь, смеясь,
оскорбляли они бедняков.
И не раз, и не два
Сарыгбай собирал нас. Гурьбой,
засучив рукава,
мы бросались на недругов в бой.

Были мы бедняки,
но дружны и сильны были так —
словно пальцы руки,
когда крепко сожмешь их в кулак.
Кочевать, скот пасти
помогали друг другу мы все,

как в колхозе почти —
хоть о нем не слышали совсем.
Тяжек рабства аркан.
Как его разрубить, разорвать?..
Мы в отряд партизан,
как один, все пошли воевать.
В страшном пекле войны,
в жарких, яростных вихрях атак
были мы так дружны,
так сильны, что боялся нас враг.

Нашей жизни заря —
это нашей Отчизны заря.
Вел на бой наш отряд,
вел народ — Ленин, вождь Октября.
До костей нас сдавил
ненавистного рабства хомут.
Ленин нас распрямил —
мы тянулись, как к солнцу, к нему.
Стан кривой разогнув,
мы хомут этот сбросили с плеч,
полной грудью вздохнув,
взяли в руки карающий меч.
Размахнулись — и так
был могучий удар нанесен,
что и донгу, и саак¹
оказались в музее времен.

Но Чалба и Билчээ,
хоть утратили прежнюю власть —
не считаясь ни с чем,
существуют, живут себе всласть!
Шарик или султан²
красовался на шапке у них —
а теперь неспроста
их сорвали и прячут они.
Кто хошун, кто сумон
возглавляет, нарушив закон.
Этот — дузалакчи,
а тот — даже и торгалакчи!³

¹ Донгу, саак — орудия пытки.

² Шарик и султаны из перьев — чиновничьи знаки различия.

³ Дузалакчи, торгалакчи — чиновничьи звания.

Вновь, посмотришь куда —
их повсюду пасутся стада,
их барбы, аптара¹
так и ломаются от добра.

Так за что же, скажи,
партизанский боец восвал?
А ведь он свою жизнь
за друзей-бедняков отдавал!
Богачи, как клещи,
снова в тело народа впились,
снова грабить, тащить,
кровь народную пить принялись.
Сарыгбая тогда
мы отправили срочно в Кызыл,
чтоб людей повидал,
у правительства все расспросил.
День весенний сверкал,
когда друг мой назад прискакал.
Все пришли в наш аал
слушать ленинской правды слова.

— Всем скотом, всем добром,
всем, что нажито нашим горбом —
всем владеет народ:
он один это все создает!
Никогда этих слов
богачам не понять, не принять.
Как оскалились зло!
И за ружья схватились опять!
Что ж, имели и мы
и берданки, и патронташи,
что ж, умели и мы
нашей волею дорожить.
Вновь мы с другом моим,
оседлав самых лучших коней,
ускакали в бой.
Снова были мы с ним на войне.

Нет, не просто дались
нам поминки о нашем враге:

---

¹ Барбы. аптара — мешки и сундуки.

всю весну мы дрались
на Чадане и на Хендерге.
Враг метался, как зверь,
когда ранен он и окружен.
Издыхая, все злей
и коварнее делался он.
Мы, бандитов разбив,
шли за ними в горах по пятам.
Не сдавались — хоть их
лишь десяток попрятался там.
Из кустов в темноте
выстрел гулко в горах прогремел —
на звериной тропе
так, бывает, пальнет самострел.

Был коротеньким бой.
И победу отряд одержал.
Но какую ценой!..
Сарыгбая я там потерял.
Уж не помню, как я
по земле-то в то время ходил:
мне казалось, что я
в целом мире остался один.
Я о нем слезы лил,
горевал, как о брате родном.
Лишь друзья помогли,
чтоб не сдался я в горе моем.
Мы друзей боевых
схоронили меж каменных глыб...
Друг мой лег среди них:
он за счастье народа погиб.

Вот винтовочный залп
нашей клятвой в горах прозвучал,
и отряд ускакал.
Путь еще нам большой предстоял.
Нашей жизни заря —
это нашей Отчизны заря.
Вел на бой наш отряд,
вел на труд — Ленин, вождь Октября.
Кто нас мог одолеть?

Мы презрели и голод, и смерть,
и сплотились в бою,
защищая свободу свою.
Страшно вспомнить теперь
все лишенья, всю тяжесть потерь.
Враг хотел — но не смог
задержать наш железный поток.

Г Л А В А 5

Несется времени скакун —
сумей догнать, взнуздать:
промчится даром — не вернешь,
назад не позовешь...
Но будут в памяти всегда
тридцатые года,
в бескрайнем океане лет
их след всегда найдешь.
Они в грозу двадцатых лет
под стать ей родились:
те дни в сверкании клинков
и в свисте пуль неслись.
Судьбу строптивую и жизнь
рванув за поводья,
направили в социализм
тридцатые года.

Тяжелый, беспросветный мрак
веками нас давил,
но вот завеса поднялась,
настал тридцатый год —
и новой письменности свет
дорогу озарил:
он в юрту каждую входил,
как солнце в дымоход.
В тот год с тетрадкой, с букварем
мальчишка и старик,
не расставаясь ни на миг,
ходил, как ученик.
И каждый обо всем тогда,
чем жил, о чем мечтал,

с великим Лениным-башкы
советоваться стал.

...Суровый двадцать первый год
вступил в свою весну,
метели кончились, и вот
уж май вершит дела.
Взглянули первые цветы
на полную луну...
В то полнолуние жена
мне сына родила.
Как раз захал почевать
Денис, мой лучший друг:
он научил меня пахать,
дал борону и плуг.
Ночь беспокойная была.
Никто из нас не спал.
В честь дружбы сына мы тогда
назвали Оруспай.

Прекрасен юности огонь,
но он тогда горит
и светится, когда его
высокий труд зажжет.
Знал Оруспай: бесценный дар
для всех в работе скрыт.
Безделье было для него
страшней, чем байский гнет.
Аратов грамоте учить
с утра умчится в степь.
Бывало, пробужусь в ночи —
пуста его постель.
Заедет, радостный, на миг —
поест, передохнуть —
и снова в руки связку книг,
да на коня и в путь.

Через таежный бурелом,
в котором нет следа,
как без ошибок, напролом,
пройдешь прямым путем?
Но правды ленинской звезда
светила нам всегда —

по ней сверя каждый шаг,
мы много лет идем.
Стоянок не было в пути —
сил не жалели мы.
Препятствий много на пути
преодолели мы.
Из старых песен льстивых слов
я вновь не собирал —
лишь правде я служить готов
и правду написал.

Вчерашний нищий и батрак,
ходивший к богачу,
чтоб выклянчить сухой кусок,
негодный байским псам,
сегодня в лучшие шелка
одет и в чесучу,
на иноходцах, рысаках
летает по степям.
В степях ковыльных, где агы
пахуча и ярка,
казалось, начали ветра
от счастья напевать,
и волны бились все сильнеей,
сверкая среди скал,
как будто стал и Енисей
от радости играть.

...То там, то здесь свои костры
война уж разожгла.
Уже удушливая гарь
по всей земле ползла.
Одним желаньем жили мы:
мир в мире защитить.
В борьбе за мир сплотились мы,
чтобы войну убить.
Чтоб не было сирот и вдов,
убитых и калек,
чтоб даже этих горьких слов
не слышал человек,
чтоб каждый мог счастливым быть —
мир защищали мы.

Дорогу смерти преградить
не раз вставали мы.

Но к нам подкрался сильный враг,
прикрывшись темнотой.
Нож окровавленный в руках
он прятал подолой.
Не ждали мы его тогда.
А он — изо всех сил
вдруг размахнулся — и удар
нас в спину поразил.
Но наше сердце не убить
ножом, не сжечь огнем.
Бессмертен богатырь-народ —
нас миллионы в нем.
Четыре года мой народ
был кровью обогрен,
четыре года день и ночь
с врагом сражался он.

Когда, как хищный зверь, начнет
враг Родину терзать —
как сможешь в стороне стоять,
смотреть да выжидать?
Иди, в ряды бойцов вступай,
орлов степей родных...
Сын-доброволец Оруспай
был тоже среди них.
На Украине, где хлеб
необозрим простор,
достойно встретили врагов
орлы Саянских гор.
Карпаты, Ровно... Те края
еще полны молвы,
как бились насмерть сыновья
и дочери Тувы.

Что ж, на войне — как на войне:
опасен каждый шаг...
Земля и небо — все в огне,
смерть всюду ищет нас...
На Икве было. В темноте
засаду сделал враг,

открыл огонь — и в тот же час
атака началась.
Вперед рванувшись, Оруспай
на пулемет упал,
родную землю и людей
собою заслонил...
И эту девушку с косой.
Она всегда весной
ему цветы несет... Народ
о сыне не забыл.

Потеря сына тяжела —
безмерно тяжела,
но мысль одна меня спасла,
согнуться не дала:
мой Оруспай, мой славный сын
не зря на свете жил —
родную землю и людей
собою заслонил.
Глаза туманятся от слез:
о сыне я скорблю.
Я оруспаевых друзей,
как сыновей, люблю.
А сердце старое болит —
что ж, горе и года...
Но горд я: Родина моя
свободна, как всегда!

Мы победили потому,
что с нами Ленин был,
что в нашем знамени борьбы
он в каждой складке жил.
Он сына моего друзей-гвардейцев,
весь народ
и на войне, как в Октябре,
к победе вел, вперед.
Людская память сохранит
нам сорок пятый год.
Одетый в бронзу и гранит,
он время победил.
Великий подвиг совершил
наш богатырь-народ:

от гибели весь шар земной
собою заслонил.

ГЛАВА 6

В сорок третьем, в России
мой сын погиб на войне,
а жена ему — сына
родила по весне.
Назвала Чолубаем,
чтобы счастливо жил...
Какая мать не желает,
чтоб сын ее счастлив был!
Много из памяти камнем
на дно забвенья уйдет,
но не забыть никогда мне
весну, сорок третий год.
Стал он сердца частицей,
этот памятный год...
Правильно говорится,
что в сыне отец живет.

Не было еще в мире
такой, как наша страна.
чтобы шагала шире
и радостней, чем она.
Уверенно и красиво,
год от году вперед,
идет, набирает силы
наш богатырский народ.
В сорок четвертом прошли мы
самый крутой перевал,
лавиной неудержимой
наш напор нарастал.
Зверя в его же нору
мы гнали перед собой.
Приближался упорный,
завершающий бой.

Родина-мать, Россия!
Счастлив тобой и горд,
в памяти сохранил я
сорок четвертый год.

В дружной семье и сильной,
обретая права,
родилась у России
младшая дочь — Тува.
Храбро с врагом схватилась
маленькая Тува,
строила и трудилась
золотая Тува.
Родине дочерью верной
подрастала Тува
и сестрою примерной
навек стала Тува.

Враг сокрушить стремился
счастье твое, Тува,
в сердце твое вцепился,
маленькая Тува.
Вместе со всей Отчиной
ты поднялась, Тува,
ты не щадила жизни,
маленькая Тува.
Вместе со всей страной
ты победила, Тува,
тост на великом тое
поднимала Тува.
Радостью молодою
вся расцвела Тува.
С первой своей весною
так повстречалась Тува.

ГЛАВА 7

Разруху, голод — много бед
нам принесла война,
но днем и ночью о Туве
заботилась страна.
Ее народу и земле
давала все подряд —
так самых маленьких в семье
лелеют и растят.
Я с детства на родной аал
смотрел — аж боль в глазах!

И снова я в родных краях,
но я их не узнал:
немало сказок и легенд
слыхал я с детских лет,
я снова на родной земле —
и лучше сказки нет.

Здесь раньше тропы, как аркан,
змеились между скал,
и пешком, верхом и на быках
свивали их века —
теперь шоссе здесь пролегло
сверкающей стрелой,
а по нему поток машин
летит, неудержим.
Чабан! Он раньше никогда
по небу не летал,
он в Ие не был, и Салдам
ни разу не видал —
теперь далекий Тоолайлыг
нам близок стал совсем:
он в гости к свату напрямик
летает в Тоора-Хем.

Все помнят, как уныл и пуст
был прежде Кара-Шат:
увидишь карагана куст —
и то, как брату, рад.
А ныне — весь степной простор,
весь этот Кара-Шат
покрыл один сплошной ковер
ненсчислимых стад.
Был здесь и мой земли клочок,
бесплодный и сухой.
Ленивый бык на нем, как мог,
таскал меня с сохой.
Теперь — хлеба кругом слегка
качаются, звеня,
и нужно доброго коня,
чтоб в день их обскакать.

Родных и близких навестить
приехал я в тот край.

где довелось мне в детстве жить,
где рос мой Оруспай.
Здесь юрта старая была —
но где?.. Я не могу
найти. Шагаю вдоль села...
Вдруг — надпись на углу.
Читаю имя: Оруспай —
так улицу зовут!
Мой сын! Ты сам, твоя судьба
в любом доме живут.
Кругом черемуховый цвет
шумел, как снегопад,
поселок был в него одет,
как в праздничный халат...
Я снова сыном был согрет.
Когда я шел назад,
казалось мне: все окна вслед
с улыбкою глядят.

ГЛАВА 8

Тува Советская моя
год от году росла,
а вместе с нею подрастал
и Чолубай, мой внук.
Учись! Открыты для тебя
все двери всех наук —
охота только бы была,
да ум, да пара рук.
В горах рожден был Чолубай
и полюбил их так,
что не вернуться в отчий край
мой внук не мог никак.
Кто первый инженер-горняк в Туве?
Мой внук им стал!
Теперь бурит он Кара-Даг —
дает стране металл.

Он в жизни парень боевой,
в работе молодец.
Не удивляюсь: у него
таким был и отец.

Во всем добьется своего,
хоть не упрям, но тверд —
не удивительно: его
так воспитал народ.
Не удивительно, что он,
мой внук, со всей Тувой
наградой высшей награжден
за подвиг трудовой:
со знамени Тувы глядит
знакомый всем портрет —
у Чолубая на груди
такой же силуэт.

...С тех пор, когда надо мною
впервые солнце взошло,
семьдесят зим над землею
метелями промело.
Семьдесят весен буйно
расцвели на земле,
свет, тепло и багульник
щедро дарили мне.
Трудную половину
века я одолел:
словно, встав на вершину,
я с нее посмотрел.
Вот он — из темной дали
тянется длинный след...
Это, борясь и страдая,
мы выходили на свет.

Вот он — тянется нитью,
и, словно бусы, на нем
нашей жизни события
светят вечным огнем.
Революции пламя
в нас горит и теперь.
Горечь горькая с нами
невозвратных потерь.
Тяжесть наших лишений,
счастье наших побед,
наших дел и свершений
немеркнущий свет.

Космонавт, наше знамя
несущий к звезде —
все достигнуто нами
в борьбе и труде.

...Везде, куда бы ни ступил
советский человек,
посевы жизни — дружно вверх
встают в горах, в степи.
В пустынях мертвых, где песок
безжизненный царил, —
ковром цветов, ковром лесов
все человек покрыл.
Он за Полярным кругом смог
растаять толщу льда,
сияньем Северным зажег
большие города.
Есть много сказок и легенд —
но даже в сказках нет
того, что в жизни создает
наш богатырь-народ.

На мир открыла нам глаза
Октябрьская гроза,
куда, и как, и с кем идти,
нам Ленин указал.
Завалы, бездны на пути
нам Ленин осветил,
он дал нам силу, дал нам жизнь —
мы строим Коммунизм.
И если вновь посмеет враг
на нас напасть в ночи —
ему отпор дадим мы так,
как Ленин нас учил.
Мы совершаем все, что нам
завещано вождем.
Растет и крепнет вся страна —
мы в Коммунизм идем.

* * *

Олег САГАН-ООЛ

ОДЕРЖИМЫЕ

(Главы из романа.)

I.

Стояла середина августа. Солнце поднялось уже высоко над землей и щедро разливало свой свет на долины и горы. Над горизонтом струилось марево.

Слышался однообразный гул реки. Это стремительная Чадана, выскользнув из каменных объятий Танды, неслась напролом, не зная никакого удержу — все сметала, заливала, тащила с собой. Однажды своенравная река изменила свое русло — пришлось потом переносить гидростанцию поближе к ней. Вьется серебряная нитка, но шутки с ней опасны.

Хеймер-оол жадно вдыхал родной запах степи, слушал приглушенный напев реки, подставлял лицо нежаркому солнцу осени. Давно он здесь не бывал, отвык, но стоило ему здесь появиться — и словно никогда не уезжал он из этих мест. Все было привычно знакомо и дорого и освещено сказками детства.

Вдруг Хеймер-оол уловил шум машины и увидел густой шлейф пыли. Хеймер-оол поднял руку, и черная «Победа» остановилась. Он сразу узнал своего сверстника Агар-оола,

ставшего теперь заведующим сельхозотделом райисполкома. Агар-оол высунулся в окно:

— Ты еще не уехал?

— Не успел, задержался в районе.

— Ну, садись, подвезу по старой дружбе.

Хеймер-оол разместил свои чемоданы в багажнике и сел на заднее сиденье. Агар-оол пересел к нему. Часто помаргивая короткими ресницами, он заговорил первым:

— Веселее будет ехать. Вчера у меня времени было в обрез — сам видел. Даже приказ на тебя подмахнул не присев.

Машина шла ходко, и за окном замелькали знакомые луга и перелески.

— Вот ты и стал зоотехником. Я ведь там до тебя был, недавно перевели в район. Хорошо, что ты согласился в «Алаак». Будешь ворочать большими делами,— засмеялся Агар-оол, сверкнув снежно-белыми зубами.

— Постараюсь,— в тон ему ответил Хеймер-оол.

— Ты, говоришь, в Иркутске учился? Куда ездил на практику?

— Побывал в Бурятии и Читинской области.

— Ну, тогда тебе и карты в руки. Много видел, много узнал, а?

— Есть кое-что,— скромно ответил Хеймер-оол.

— А вот я учился — практики было маловато. Все больше теорией занимались.

— Это где же?

Агар-оол словно только и ждал этого вопроса и несколько хвастливо заговорил:

— В Москве, в Тимирязевской академии. Это знаменитое заведение — сколько докторов и академиков дало стране, а кандидатов наук и не сосчитать. Сельским хозяйством страны управляют наши выпускники. Некоторые в Туве работают,— скромно добавил он.

«Агар-оол интересен, напорист, разговорчив. Вот только хвастлив немного, перебивает человека, словом, не из последних удалцов», — думалось Хеймер-оолу.

Машина проскочила по овражку и выехала на пригорок. Овцы шарахнулись в сторону, услышав шум машины. Отпрянул в сторону и конь девушки-пастуха. Она едва удержалась в седле.

Хеймер-оол закричал:

— Ойт! Беда с девушкой!

Шофер резко затормозил. Молодые люди вышли из машины. Девушка уже справилась с конем. Успокоились и овцы.

Агар-оол подозвал девушку. Она подошла и заговорила тихим голосом:

— Смирный у меня конь, но машины боится.

Агар-оол поддержал разговор:

- Из трех бед одна — это конь со сбившимся седлом.

- Да, испугавшийся конь опасен.

Агар-оол познакомил Хеймер-оола с Хураганмай. Хеймер-оол подал ей руку и назвал ее. Девушка застеснялась — ей не приходилось еще знакомиться за руку. Она молча перебирала в пальцах бечевку своего кнута и не поднимала глаз, что упорно разглядывая на земле.

— Будете работать вместе — легче будет, — сказал Агар-оол. Девушка промолчала. Хеймер-оол вынужден был заговорить:

— Мы вас испугали, извините.

Девушка улыбнулась.

— Хураганмай — не чета другим девчатам. Ее не так легко выбросить из седла. Любого скакуна сумеет объездить, — похвалил ее Агар-оол. Девушка смущенно закрылась рукавом халата и вымолвила:

— Дарга просто шутит.

Агар-оол рассмеялся:

— Ну, что у вас хорошего, интересного?

Хураганмай примолкла и просто ответила:

— Пасти овец интересно, когда из района гости приезжают — тоже интересно. Что я могу еще сказать?

Поговорили о соседних отарах, о других молодых чабанах. Девушка отвечала кратко и разумно. Хеймер-оолу это понравилось.

Прощавшись, они пошли к машине. Хеймер-оол оглянулся — девушка неспешно перегоняла овец. Агар-оол, проследив за взглядом молодого зоотехника, прибавил:

— Славная девушка. Из молодых чабанов — лучшая и хороша собой.

Хеймер-оол промолчал, но перед глазами все еще стояла стройная черноглазая девушка.

2.

Хеймер-оол сошел около дома матери. Он пригласил Агар-оола зайти, но тот отказался. Подняв завесу пыли, машина умчалась.

Проходившие мимо школьники переговаривались:

— Кто это такой?

— Какие красивые у него ящики!

— Наверно, большой дарга?

Вдруг один из мальчишек перемахнул через забор, приоткрыл дверь и что-то сказал хозяйке. Вышла Чанчыкма.

Она обняла своего долгожданного сына, и слезы ее падали на щеки Хеймер-оола.

— Ну, что ты, мама. Ну, не плачь,— бормотал он, неловко поглаживая ее по волосам.

— Как же не плакать? Так долго я ждала тебя — 5 лет. Это я от радости, сынок...

Хеймер-оол вошел в дом, поставил чемоданы, снял плащ и, устроившись на сундуке, ласково следил глазами за матерью, за ее несуетливыми, но ловкими движениями. Чанчыкме было под шестьдесят, но она была проворна, поворачивалась вертко. Легко разожгла огонь, сполоснула пиалы, приготовила зеленый чай, поставила на стол тару со сметаной и все не знала, чем бы еще порадовать своего любимца.

Потянулись соседки поглядеть на Хеймер-оола.

— Ни за что не узнала бы.

— И лицо, и фигура изменились.

— Красив собой стал парень, — переговаривались они между собой.

Одна из старух поинтересовалась, где теперь Хеймер-оол будет работать. Мать, щедро раздававшая ребятишкам конфеты и сахар, ответила за него:

— Здесь будет он работать. Никуда больше не отпущу.

Хеймер-оол согласно кивнул. И мать вовсе повеселела и раздурманилась. Никого на свете сегодня не было счастливей ее.

Старухи с детьми разошлись. В тепло протопленном доме остались вдвоем сын с матерью. Чанчыкма все не могла успокоиться. Она то и дело подходила к сыну, обнимала его, проводила рукой по волосам, зачесанным назад, снимала застрявшую в одежде пушинку и все поглаживала его неширокую, но ладную спину. Вырос сын. Вернулся.

Матери дитя дороже всего на свете. Дороже собственной жизни. Думы матери о детях, а мысли детей о дорогах. Как часто она говорила соседям: «Один сын у меня. О нем только и думаю — как встал, как поел. Тяжело одной вдове...»

Действительно, это был ее единственный сын. Будто знала об этом и назвала Хеймер-оолом — самым маленьким. Когда мальчик закончил начальную школу, пора было подумать о дальнейшей учебе. Представитель министерства про-

свещения предложил Кызыльскую среднюю школу. Чанчыкма воспротивилась, ее уговаривали.

— Ведь сын твой станет ученым человеком. Или ты не хочешь помочь делу революции? Или ты отказываешься выполнять указания правительства? — нажимал командированный представитель. Чанчыкма удивилась такому серьезному обороту дела и, вытирая слезы, сказала:

— Я вообще не против учебы. Но он у нас один-единственный, потому и беспокоюсь. Все же малый ребенок еще...

— Чего тут беспокоиться? Хотят, чтобы у вашего сына глаза открылись. Выучится — вернется. Для вас же лучше будет потом.

Приезжий был прав. И муж был на его стороне. Сын уехал. А через 3 года умер муж. Осталась одна. Когда сын вернулся с учебы — радости матери не было конца. Но радость была недолгой: вскоре сын собрался в институт. Мать пыталась отговорить его, но безуспешно. Сын уехал за Саяны, в Иркутск. Письма шли бесконечно долго или так только казалось матери. А когда приходило письмо, то и прочесть сразу не могла — бежала к соседке. И еще ей казалось, что при чтении что-то пропускается в письме, очень важное для нее.

И вот теперь она хотела выложить все, что накопилось в душе за эти 5 лет. Она удобнее пристроилась на кровати и, обнимая сына взглядом, все говорила, нанизывая слова одно за другим, как бусы.

— Ты уехал. С тех пор я потеряла покой. И все беды словно сговорились и свалились на мою голову.

— А что было, мама?

— И-и, чего только не было, спроси лучше.

Решили объединиться в колхозы, и осталась я без скота, при одной только корове и нескольких овечках, а остальное все угнали, забрали в колхоз.

— Ну что ты говоришь, мама? Силком в колхоз не тащат, если сама не пожелаешь.

— Да уж какое там желание. Пришли и сказали, что я должна вступить в колхоз. Я сказала, что без скота жить не смогу, подожду сына, что он посоветует... Так такие слухи распустили... Чего только не говорили. А что с меня возьмешь? Ты был у меня в мыслях, не стала я упираться — берите сколько хотите. И попала из огня да в полымя. Оставшихся овечек зарезали волки. И как только у них клыки не сгнили, как только на пулю не наскочили, проклятые.

Лицо матери покраснелось, на глазах вскипали слезы. Хеймер-оол обнял мать за худенькие плечи и успокаивал:

— Не вспоминай, мама, о худом. Все это прошло. Теперь заживем хорошо, я буду рядом. Ничего не случится.

Мать, размягченная лаской сына, засмеялась сквозь слезы. И все хотела выговориться до конца.

— И коня твоего не уберегла. А как хотела. Я говорила, что это конь моего единственного сына, что он скоро вернется. Для мужчины конь, что крылья для птицы. Не могла убедить. «Ох и хитрая ты, старая,— говорили мне. — Спиной сына прикрываешься. Он далеко и катается на машинах, а не думает о твоём коне. Будешь упираться, напишем куда следует, и сына твоего, как миленького, выгонят с треском». Как я могла тебя подвести, сынок? Забрали. Я потом видела его изъезженного, со сбитой спиной, а то привязанным на весь день. И он узнавал меня всегда — еще издали. Подбежит, ткнется мордой и идет за мной, как малое дитя. Теперь его уж нет.

Хеймер-оол не перебивал мать и только мягко проводил рукой по ее серебряной голове. Волосы пахли чем-то до боли знакомым — то ли дымом очага, то ли кислым молоком, то ли свежевыведанной овчиной, а может, польньёю — чашпаном.

Тихо лилась речь матери:

— Я долго не могла жить в этом доме. Поставила рядом юрту. Но без овец как в юрте жить — и починить ее нечем. Перебралась в дом. Слишком велик он был для меня.

А конь-то твой привык, что я его солью подкармливала. Все, бывало, кружит возле дома, ждет меня — потом вдруг его не стало. Я думала: в табун угнали.

И тут меня вызывают к председателю. А он посмотрел на меня так строго и важно и говорит:

— Ты кому, старая, отдала своего коня?

Я удивилась и испугалась.

— Вы же у меня его забрали. Откуда мне знать?

— Брось прикидываться. Знаем, что ты ездила на нем.

Тут уж я не выдержала. И все сказала дарге — нечего на меня клыки выставлять зазря.

Потом оказалось, что его украли. Видели шкуру и голову.

— Весело жила ты, мама, без меня,— поднялся Хеймер-оол. Мать с тревогой посмотрела на него:

— Куда ты? Отдохни. Заговорила я тебя.

— Не беспокойся, я долго не задержусь.

Хеймер-оол вышел на улицу и спустился к говорливой речке. Вода в ней была холодная до ломоты в зубах и прозрачная до самого дна. Он был снова дома.

3.

Рано поутру Хеймер-оол поднялся и пошел в правление колхоза. У председателя Боражика уже сидел Агар-оол. Хеймер-оол поздоровался и присел у стены.

Агар-оол сказал председателю:

— Вот тебе повый зоотехник. И родом отсюда.

Смуглолицый Боражик внимательно присмотрелся к нему своими круглыми черными глазами и проговорил:

— А ведь я сго, кажется, знаю. Это сын Ак-Кадай. Давненько ты уехал, дунмам. Ну, присаживайся поближе, — пригласил он широким жестом руки.

— Вот и хорошо, — обрадовался Агар-оол и с интересом стал ожидать их разговора. Он вообще был открытый, прямой человек — что на уме, то и на языке, никогда не отмолчится, а, наоборот, первым начинает разговор, ничего не стесняясь. Это было хорошо и в то же время ново в поведении тувинца.

Хеймер-оол присел на табуретку. Боражик заметно изменился, появилась седина на висках, но он был подчеркнут аккуратен и даже моден в одежде. Явно не хочет поддаваться возрасту.

Разговор, как водится у мужчин, затянулся. Боражик все выпросил подробно: и где учился, и как проходил практику, и какие оценки в дипломе. Хеймер-оол неторопливо отвечал. Агар-оол то и дело вступал в разговор и вскоре всю инициативу взял на себя, мотивируя тем, что он спешит и ему предстоит много работы.

Агар-оол всей душой болел за разведение каракуля в Туве. Этому он отдавал много сил и времени. Ему казалось, что высокогорье Тувы и широкие долины дают прекрасное сочетание для успешного разведения каракуля. В Туве всегда главным направлением было овцеводство. Это видно даже на примере колхоза «Алаак». Научные работники опытной станции поддержали затею Агар-оола. Несколько отар колхоза стали экспериментальными. Словом, из разговора выходило, что вопросы развития овцеводства в этом колхозе стояли на научной основе. Разговор перешел на колхозную тему.

Хеймер-оол заинтересовался:

— Это просто здорово, если в колхозе применяются научные методы ведения хозяйства. Только я не уловил, причем здесь отары колхоза и опытная станция.

«Ну и чудак, такую простую вещь не поймет», — подумал Агар-оол и сказал:

— Сейчас, когда в Туве создаются колхозы, нам нельзя жить по старинке. Овцеводство надо развивать на научной основе.

И он снова сел на своего любимого конька — каракуль. Тут он не преминул отметить собственные заслуги, высокую оценку его работы опытной станцией.

— Учитите, я говорю не столько о себе, сколько о достижениях этого колхоза и его правления.

Хеймер-оол задумчиво заметил:

— Все это хорошо, конечно. Но главное — каковы будут реальные итоги...

Агар-оол укоризненно покачал головой:

— Что ты имеешь в виду?

— Я говорю о том, что это даст в перспективе.

Агар-оол с энтузиазмом продолжал:

— На данном этапе самое важное, на мой взгляд — получение помеси местной породы с каракулем. Тогда появится своя база. Это вопрос вопроса и линия перспективы.

Увидев одобрение и внимание на лицах своих собеседников, он увлеченно продолжал:

— Араты охотно поддерживают наш эксперимент с гибридом. Он годится для наших климатических условий. Чабаны сами настаивают на разведении каракуля и не дают мне покоя. Теперь я сумею протолкнуть затею в масштабах района и думаю, что добьюсь положительного решения вопроса.

«Что-то не слышал я о требовании чабанов, вот статейку одну о каракуле видел в «Трудах Тувинской опытной станции», — думал Боражик.

— А сколько мяса дает эта помесь! Один курдюк чего стоит. Это любимое тувинское угощение для гостей, — восхищался Агар-оол.

— Да-да, — рассеянно поддержал Боражик.

— С мериносом не сравнишь, у него курдюк тощий, как у козы. Каракуль всем хорош: и шкуркой, и жирным курдюком, — подхватил Агар-оол.

— Дело не в одном курдюке, заметил Боражик.

— Да, вы правы, дарга. Главное — шкурка. Возьмешь за колечко, потянешь, а оно упругое, как пружинка, и само сворачивается в кольцо. Модницы сойдут с ума. Все растраты покроются с лихвой. Будут миллионные прибыли.

Тут Боражик явно засомневался. Он давно слышал эту шумиху с каракулем:

— Пока расходов больше, чем прибыли. Сколько денег угробили, а пока неизвестно, чем это кончится еще...

Агар-оол резко заметил:

— Придет еще время, когда прибыль завалит вас.

— И хорошо бы, — спокойно ответил председатель.

Тут Агар-оол закипел:

— Здесь не каракули виноваты, а неумелое ведение хозяйства, распыление сил. Овцеводство у нас еще плохо развивается, и надо много сил, чтобы сдвинуть его. Кто за это дело должен болеть, как не вы, председатель? Один я, даже при поддержке опытной станции, ничего не сделаю.

Боражик понимал, что доля истины есть в словах Агар-оола:

— Что правда, то правда. С овцеводством мы отстаем.

— Не мы. Не надо скрываться за этим словом. Надо прямо сказать, — резко отрезал Агар-оол и посмотрел на Хеймер-оола, каков был эффект сказанного им.

— Значит, где успех — там «мы», а где промах — там «я», председатель, — рассмеялся Боражик.

Агар-оол примирительно улыбнулся, взял Хеймер-оола под руку:

— Ну, пойдем, сдам тебе бумаги.

Боражик, не вставая, сказал:

— Потом заходи ко мне, дунмам. Надо еще поговорить.

Они зашли в комнату напротив. Там никого не было. Стоял стол и несколько табуреток. Агар-оол разместился за столом, вытащил папки из ящичков, порывшись в шкафу, достал еще кипу бумаг и, передавая связку ключей, сказал внушительно:

— Здесь результат моего десятилетнего труда. Разберись и продолжай начатое мною дело.

Хеймер-оолу все это показалось несколько навязчивым, и он подумал:

«Учиться надо не у бумаг, а у жизни, у народа».

Агар-оол, ничего больше не сказав, направился к двери. Хеймер-оол пошел к председателю. Боражик встал, прошелся по кабинету, сказал:

— Сама твоя работа заставляет думать. Энергии тебе не занимать. Я думаю, ты из удалых парней. Давай действуй.

Хеймер-оолу понравился председатель. Видно, что он неунывающий человек, твердый. На него можно положиться. Он простодушно улыбнулся в ответ:

— Как же теперь прожить без удали, без грома, на то и живем.

Боражик обрадовался:

— Что верно, то верно. В наш век нельзя прожить без раскатов. Хочется оставить свой след на земле.

И он подробно познакомил с положением дел в хозяйстве:

— Если хочешь двинуть дело вперед, надо самому положить руку ко всему. Главная твоя работа — на фермах, в отарах чабанов. Советуйся с ними почаще, не бойся лишний раз спросить. Поезжай, посмотри, как готовятся к зимовке. Возьми коня. Есть у нас тут один красавец, чем больше едешь на нем, тем резвее становится. Ну, желаю успеха, зоотехник, — Боражик крепко пожал ему руку. «Есть еще в нем сила молодецкая, — подумал Хеймер-оол. — С таким можно работать».

4.

На широкой поляне паслись овцы. Чуть в стороне шла пастушка, ведя за собой коня в поводу. Вокруг была высокая сочная трава. Через каждые три-четыре шага она нагибалась за ароматной клубникой, а иногда срывала листья необычной формы и окраски и любовалась ими. Все ее поражало. Обыкновенная трава могла привлечь своей неповторимостью, как цветные камешки у ручья. Это были ее тайные сокровища — она все складывала в укромных уголках и, приходя сюда, снова могла вдоволь любоваться своим богатством. Иногда ей казалось, что все это становилось за дни отсутствия еще краше и интереснее. Загадочно поблескивали камешки, изменился цвет листьев.

Весна была ее любимым временем года. Целый день среди цветов под чистым голубым небом, среди аромата разнотравья, стрекота кузнечиков. Хураганмай могла разговаривать с ними, как с людьми. Как-то ее обидел отчим, и она выбежала из юрты, не помня себя от обиды. Она бежала, и ветви осушали ее лицо от слез. Задохнувшись, она остановилась у черемухи в белом цвету. Провела по лицу нежными пахучими гроздьями и забыла о своих слезах и обиде.

Она любила все красивое. Вот ее конь. Какие у него теплые губы, большие ласковые глаза, как охотно подставляет свои бока, чтобы она птицей взлетела в седло. И как чутко он подчиняется ее негромкой команде. Он никогда не знал узды. Так хотела хозяйка. Вот и сейчас. Он немного пощипал траву и перестал. Девушка тут же перевела его в другое место:

— Смотри, какая свежая трава! И запах приятный.

Она оставила его и пошла вслед за овцами. Горы, доли-

ны и снова пригорки — с детства знакомые и близкие. Она тихонько перебирала кончик своей длинной косы и негромко напевала что-то нежное и мелодичное. И напев этот удивительно сливался с окружающей степью. Девушка завернула овец, рассыпавшихся по всему склону, и направилась к коню. Он дремал, и она не стала его тревожить. Опустилась в траву рядом и задумалась.

Вспомнилось детство. Хураганмай очень любила отца. И отец не чаял души в ней. Никогда из поездки не возвращался он с пустыми руками. Нехитрый подарок всегда у него был за пазухой. Хураганмай старалась не отставать от отца, быть всегда рядом. Особенно, когда отец уезжал в тайгу за дровами.

Сколько цветов в тайге! И что может быть лучше, чем затеряться среди высокой травы и кустов, рвать спелую ягоду, заолодевшую от росы, или построить свою юрту и жить там, пока отец не разыщет маленькую хозяйку. И теперь, когда она бывала в тайге, всегда вспоминала игры детства и отца. Однажды она спряталась среди высоких желтых зонтиков и долго не откликнулась. Отец был очень добрым и мягким человеком, всегда заботился о семье, не знал покоя, ухаживая за скотом.

Как-то отец пошел за конем. И тот, испугавшись чего-то, вдруг сильно лягнул отца. С тех пор он заболел. Лечили его ламы, но безуспешно. Кость ноги сгнила, и отец умер. Девочку не подпускали к отцу. В день похорон ее заперли в соседней юрте. И больше она не увидела любимого отца. Запомнила плакавшую мать и старух в их юрте.

Хураганмай осталась с матерью. Они перенесли свою юрту ближе к сумону, и девочка стала учиться в школе.

Вскоре в их юрте появился незнакомый человек. Мать тихо с ним переговаривалась и чему-то улыбалась. Так Хураганмай стала привыкать к мысли о втором отце — отчине. Это был недобрый человек, вечно всем недовольный, страшный ворчун. Сколько укоров выслушала от него девочка.

Как говорится, из кости вылетает мозг, а из слова — другое слово. Девочка подросла, стала замкнутая, она не обращала особого внимания на вечные укоры и упреки и всю любовь и нежность отдала цветам, деревьям — природе.

Между тем дремавший конь поднял голову, понюхал траву и нехотя встал. Девушка засмеялась: «Проснулся, лентяй! Ну, поехали». Она легко взлетела на коня и поехала

бслед за овцами. Солнце клонилось к закату, спешило спрятаться за горы. Предвечерний ветерок освежал лицо. Лес уже начал желтеть, был тихий и грустный. В воздухе стоял запах осени. Овцы мирно паслись у опушки леса. Она догнала их, приласкала ягнят. Оставила их недалеко от юрты и поехала домой.

Хураганмай остановила коня возле речки, дала ему напиться. Девушка привязывала коня у коновязи, когда из юрты вышел отчим Чудурук.

— Овцы сыты? — спросил он.

— За день, наверное, наелись, — ответила она.

— Где ты их пасла? — допытывался отчим.

— В Хараганской степи.

— А напоила?

— Я думаю, они сейчас напьются, я оставила их у речки.

— Мало ли чего ты думала. Этого овцы не знают. Им нужна вода.

С этими словами Чудурук зашел в юрту. Проходя через низенькую дверь, стукнулся головой и забормотал ругательства.

Хураганмай вернулась к овцам, загнала их в воду, напоила и пошла не спеша домой.

5.

Чудурук был странным человеком. Из тех, кто никому спуска не даст, не отвяжется, пока совсем не надоест. Он всегда вдавался в точные подробности, детали, выпрашивал, выпытывал и при этом никогда не спешил что-нибудь сделать. Он долго не мог сообразить, в чем суть дела, и всех родственников предостерегал:

— Подожди, не торопись, узнай как следует, а уж потом...

На собрании, где шел разговор о вступлении аратов в колхоз, Чудурук умудрился задать докладчику из центра сто один вопрос. Приезжий добросовестно отвечал до тех пор, пока не запершило в горле. Он казнил себя и думал: «Почему люди не понимают таких простых вещей, значит, у меня не получается». Он дошел до того, что стал приводить пример с муравьями — их сила в дружном труде. Но чем больше он приводил доводов, тем сильнее запутывался Чудурук. Некоторое время он ошарашенно молчал, а потом брался за свое — сыпал новые вопросы, требовал разъяснений. И после долгих объяснений сказал, вздыхая:

— Ну, ладно, потом еще спрошу.

Тут собрание грохнуло хохотом.

Чудурук оглянулся, понял, что смеются над ним и, обиженно поджимая губы, сказал:

— Не пойму я вас, что тут смешного. Да и время теперь не такое.

— А что ж нам делать, акый? — выкрикнул молодой голос.

— Надо уточнить все сначала, а потом уж посмеяться, — назидательно ответил Чудурук.

Араты весело переговаривались между собой. Тут Чудурук не выдержал снова:

— Все сместесь. Смотрите, как бы плакать потом не пришлось.

Словом, никогда он не пропускал важных собраний, был там всегда на виду и терзал очередных докладчиков:

— Куда денем наш скот?

— Где будем держать?

— Как будем жить?

Вы говорите, что работать придется много. А как насчет того, чтобы получать из колхоза? Молчите? То-то.

То же самое происходило и в его юрте. Сколько раз своими бесконечными бестолковыми вопросами он выводил из себя жену и дочь.

Как-то Чудурукпай собралась в село. Для старика нашелся отличный повод — и посыпались бусинки-вопросики.

— Куда идешь-то, старуха?

— Куплю в магазине чаю, соли, табака.

— А есть ли эти товары в магазине?

— Приеду туда и узнаю. Ну, чего тебе еще?

— Да я так просто...

Когда жена села на коня, Чудурук подошел к ней:

— Подожди-ка, жена, немного. Сколько у тебя денег, надо уточнить.

— Так ведь мы еще вчера с тобой подсчитали.

— Мало ли что...

— Ча, ладно, — проговорила жена и тронула повод коня. Чудурук остался. И так бывало не раз. Хураганмай иногда веселили эти вопросы, но чаще раздражали своей непутевостью.

Девушка стала помогать матери, которая доила корову. Она оттащила упиравшегося теленка, спущенного с привязи. Но он продолжал рваться к корове и жалобно мычал. Тогда

Хураганмай крепко привязала его, ласково приговаривая: «Ах ты, ненасытный!»

Из юрты вышел отчим. Он странно озирался, будто что-то потерял.

— Коровы все? Почему не видно белолобой телки?

— Здесь она. Куда денется?

Чудурук недовольно пробурчал:

— Разве мало на свете воров и волков? Нужна осторожность во всем.

Хураганмай ответила:

— Она в овраге за загоном стоит.

Отцу только этого и нужно было. Он разразился длинной тирадой:

Почему ты ее не пригнала? Уйдет, а потом ищи-свищи ветра в поле. Это же скотина. Кто знает, что ей вздумается. Девушка промолчала. Она старалась не обращать внимания на слабость отчима или пыталась переубедить его. И он смолкал, убежденный ее доводами. В семье знали об излишней осторожности хозяина, которая, кроме помехи, ничего не приносила. Так и жили они втроем в своей юрте.

6.

Хеймер-оол целый день разъезжал по стоянкам чабанов, знакомился с их работой. Под вечер он добрался до третьей стоянки. Еще издали была видна черно-белая отара овец. Одни овцы уже отдыхали, мирно жуя свою бесконечную жвачку, другие столпились у солонца и лакомились солью, около третьих брыкались ягнята, ища сосок матери и взмахивая хвостиком от нетерпенья. Возле юрты хозяин колол дрова. Остро пахло свежей смолой.

Новый зоотехник привязал своего коня к баглашу¹ и поздоровался с хозяином:

— Пусть дело спорится.

Старик, обрадовавшись гостю, всадил топор в полено и приветливо ответил:

— Пусть ваши желания исполнятся.

Ему было под шестьдесят. Лицо его было смуглым и обветренным, глубокие морщины избороздили лоб.

Хозяин осведомился:

— Откуда приехали к нам?

— Из колхозного центра, акый. По делам.

---

¹ Баглаш — коновязь

К Хеймер-оолу подошла большая, ростом с телка, лохматая собака, лениво помахивая хвостом. Парень поглядел на нее с опаской. Старик махнул рукой:

— Ничего, это спокойная собака. Не тронет.

Да, с такой не справишься, если бросится на человека, — заметил Хеймер-оол.

Она у нас такая. В отаре незаменима, никого чужого к овцам не подпустит. Хотя старик и успокаивал гостя, тому было не по себе. Собака подошла к нему и, обнюхав, улеглась у его ног. Старик пригласил в юрту. Хеймер-оол поспешно воспользовался этим, желая освободиться от неприятного соседства. Он облегченно вздохнул.

В юрте было светло и чисто. Хозяйка подкладывала дрова в очаг, ветки весело трещали и освещали лица красноватым пламенем. Только теперь Хеймер-оол узнал Хураганмай. Он поздоровался и сел на полу на коврик, по-тувински скрестив ноги. Хозяйка украдкой разглядывала гостя. Хеймер-оол заговорил:

— Напугала меня ваша собака.

— Это только на вид она такая. Давно живет у нас. постарела. — ответила старуха.

Чудурук (а это был он) по своей любимой привычке не удержался от вопросов:

— Вы работаете в колхозе? Кем, в какой должности?

Хураганмай, поправив на голове яркий золотистый платок, поспешила сказать:

— Это наш новый зоотехник, отец.

И, обратившись к гостю, добавила:

— А это мои родители, познакомьтесь.

«И когда это она успела узнать нового зоотехника?» — подумал про себя Чудурук и, взглянув на дочь, сказал, растягивая слова:

— Эта молодежь везде успевает первой. Что-то мне кажется, у нас зоотехником был дарга Агар-оол...

— Он теперь в районе работает, — сказал Хеймер-оол.

— Вот как? А вы родом откуда? — спросил снова хозяин.

Хозяйка подала гостю пиалу свежезаваренного зеленого чая. Прихлебывая чай, Хеймер-оол подробно рассказал о себе: из каких он мест, кто его родители, где он учился. Словом, поведал всю-всю свою короткую биографию. Хозяева внимательно слушали, не перебивая. Между тем наступила темнота. Потянуло вечерней сыростью. Хеймер-оол вышел из юрты, чтобы отпустить своего коня поpastись. Старик вышел следом и указал, в какую сторону лучше выпустить коня.

Когда Хеймер-оол вернулся, девушка загоняла овец в стайку. Овцы были смешанных пород, попадались каракулевые мериносы, но больше было тувинской местной породы.

— Я вам помогу, — сказал Хеймер-оол. И, не дождав-шись ответа, стал помогать. Он хотел помочь закрыть ворота, но девушка покачала головой:

— Не надо, я сама, привыкла.

И она ловко справилась со своим делом. Девушка была проста, скромна, одета к лицу. Тугой поясок резко подчеркивал хрупкость ее фигурки. Хеймер-оола тянуло побыть с ней еще и поговорить. Но девушка направилась домой, и Хеймер-оол последовал за ней в наступившей темноте.

На узорном аптара уже стояла зажженная лампа, заботливо протертое стекло давало хороший свет. Хеймер-оол уже успел позабыть керосиновую лампу, и ему было несколько странно. Вечер шел своим чередом. Старуха готовила нехитрый ужин. Девушка подкладывала хворост в огонь. Пока варился суп, Чудурук успел задать несколько вопросов и получить обстоятельные ответы. В свою очередь, гостя заинтересовала каракулевая порода овец, как она привилась з Туве.

Старик заметно оживился и, подставляя огню свою спину, начал рассказывать:

— О, это целая история. Помнится, было это в начале сороковых годов. Наша юрта стояла тогда в Хараганской степи. У нашего соседа старика Шаажана появился странный баран, весь в завитках. Я из любопытства зашел к нему поглядеть, как он знакомит своих овечек с этим новым ухажером. Дело шло успешно. К нему часто приезжали разные даргалары, и все об одном твердили: «Каракули, каракули». Нам и поручили это дело. Потом эти каракули по всей Туве развели.

Хеймер-оол старался запомнить сказанное стариком. Он спросил:

— Как вы считаете, отец, выгодно разводить каракуль у нас или нет?

— А что я скажу? — выбивая пепел из трубки, проговорил Чудурук. — Что нам скажут, то мы и делаем. Размножаются они хорошо. Меня за это даже в газете хвалили. Дарга Агар-оол постарался. Значит, дело хорошее, раз в газете пишут.

— Ну, нет, акый. Я спрашиваю ваше личное мнение. Что вы сами думаете о каракуле? Ведь бывают же собственные мысли.

— Бывают. А как же? Мы много возимся с этими овцами.

Как сказать? Овцы вроде бы как овцы. Точнее, скот есть скот и растить его можно.

Чудурук явно хитрил. Он решил, что новый зоотехник собирается его «проработывать». И он на всякий случай пустился в философию. Хеймер-оол решил проверить рентабельность каракуля в хозяйстве колхоза. Задумавшись, он не сразу заметил, что ужин уже готов. Хураганмай пригласила его поближе к очагу и подала пиалу с супом.

Все стали ужинать. В наступившей тишине слышно было, как Чудурук прихлебывал, отдуваясь всей грудью, крепкий горячий бульон. Затем он вытащил кость и дочиста объел мясо.

После ужина Хураганмай сбросила сапоги и присела на кровать. Старик, не глядя ни на кого, сказал:

— Гостю пора бы отдыхать, а?

— Не беспокойтесь, ничего мне не нужно,— смутился Хеймер-оол.

Хозяйка постелила на войлоке одеяло и теплую овчинную шубу.

Чудурук вышел:

— Я пойду к овцам.

Хозяйка легла на кровать. Хеймер-оол устроился на полу. Девушка погасила лампу и стала укладываться на своей койке. Вдруг на голову парня упало что-то мягкое. Это была подушка. Хеймер-оол улыбнулся, положил подушку под голову и стал смотреть в дымоход на высокие яркие звезды. Его волновала близость девушки. Но вскоре он уснул, сморенный дневной усталостью и впечатлениями дня. И последним видением перед сном были глаза Хураганмай.

7.

Люди, вышедшие из глубин народных масс, всегда привлекают своим размахом и удалью. Они прекрасные практики, хорошие организаторы и деловые люди. Таким был в основе своей Боражик. Мальчишкой, едва доставая до стремени, он уже ездил на коне до соседних аалов. Вскоре до Тувы дошел слух об Октябре. В народе заговорили:

— Появился великий башки И-Ленин.

— Совершился хувискал!

— Говорят, теперь все араты свободны и равноправны.

— И женщины тоже.

И народ как-то стал даже ходить по-другому. Лица озари-

лись достоинством и бодростью. Боражику было 16 лет. Как-то он вернулся домой с пастбища. Мать угостила его свежим хойтпаком. Он с наслаждением осушил пиалу. За стенкой юрты слышался топот коня. В юрту стремительно вошел отец с каким-то приезжим. Незнакомец был веселый, энергичный человек. Посмотрев на Боражика, сказал:

— Давай-ка я подстригу тебя. Неси ножницы.

Мальчик удивился. Длинная коса отца и других мужчин давно была для него предметом зависти и восхищения. Именно таким должен быть настоящий мужчина. Боражик допил вторую чашку хойтпака и степенно сказал:

— Не дам косу резать, не хочу быть лысым, как лама.

Не ожидавший отказа отец сердито сказал:

— Ты что это? Хочешь опозорить нас? Люди решили жить по-новому, по-революционному. Давай быстро подставляй голову.

— А что значит революция?

— Революция? Это... значит победа бедняков. Она установила новые порядки в жизни.

И косу победила?

— Кто за революцию, тот не должен носить косу. Вот посмотри на меня — отец наклонился, и мальчик увидел короткую стрижку отца.

Ничего красивого в этом он не увидел и с сожалением смотрел на голову.

— Мы теперь все равны. А коса только вшей разводит. Не бойся, сын.

Отец взял огромные ножницы, которыми стригли овец. Боражик со страхом закрыл глаза и стал ждать. Ножницы щелкнули, и косы как не бывало. Он всегда стеснялся своей небольшой косицы, но перед ним на земле лежал не мышинный хвостик, а целый хвост сарлыка — коса была довольно толстая и черная. Это немного его утешило. Голова была странно легкой. И когда он показался своим друзьям и увидел, что и они подстрижены, он совсем успокоился и даже был горд, что не отстал от соседей.

Вскоре он стал ревсомольцем и активистом. Сколько километров отмерил, выполняя разные поручения. Смело выступал на собраниях и, если был не прав, не стеснялся признать ошибку. В 30-х годах не было в их хошуне человека активнее Боражика. Он принимал участие в конфискации имущества феодалов и разделе его между бедняками.

Энергия в нем была неиссякаемым ключом. Он лихо скакал с арканом в руке, сгоняя байские табуны в хошун. Новая

вольная жизнь прибавляла ему сил. Одним из первых он выучился тувинской грамоте, когда ее создали, и вскоре стал активным ликбезником.

Молодежь охотно тянулась к веселому, справедливому парню. Вскоре его заметили и отправили на учебу в далекую Москву. Мир открылся перед ним заново. Сколько удивительных чудес есть на земле, о которых не ведал парень из-за Саян: железная дорога, самолеты, радио, кино, книги. Вернулся он после окончания партийной школы и стал работать в родном хошуне. По призыву партии пошел работать в колхоз председателем.

Боражик не пасовал перед трудностями создания колхозов, умело работал с народом и быстро завоевал доверие и авторитет в селе.

Он сидел в конторе и подсчитывал доходы колхоза за этот год. Исписал не один лист бумаги колонками цифр, лихо щелкал на счетах, проверяя расчеты бухгалтерии.

Резко зазвонил телефон. Боражик нехотя поднялся с места и подошел к висевшему на стене телефону. Говорил Агар-оол:

— Вы закупили партию каракулевых баранов, как мы договорились?

— У нас совсем нет на счету денег. Наверное, сейчас не сможем, дарга.

— Ну как же так?

— Пока у нас каракулевых достаточно.

— Не может быть, чтобы у вас не было денег.

— Правление решило пока больше не брать производителей.

— Найдите возможности и закупите, если думаете о научном ведении овцеводства.

— Решение принято, и мы не можем его изменить.

Голос в телефоне повысился, и Боражик отстранил трубку от уха подальше:

— Все уже продумали.

В кабинет вошел парторг Аяжик.

— Ну вот что. Нечего разводить дебаты. Закупайте. Вот мое указание.

Телефон смолк. Боражик раздраженно поделился с парторгом:

— Опять хочет пичкать нас каракулем.

— Ну и что ты решил?

Боражик хотел израсходовать имевшиеся деньги на строительство кошар.

- Пока торопиться не будем с этим.
- А этот горячий человек не обожжет нас?
- Что ж, будем решать по-своему.

Аяжик улыбнулся:

- Никуда сегодня не собираешься?
- Сегодня нет. Надо еще раз просмотреть финансовый отчет.

— А меня вызывают в район. Придется ехать. Сюда должен приехать Аксы-Байбан, поговори с ним, пожалуйста.

— Хорошо. А что такое?

— Сложное дело. Бунтует против колхоза. Вот посмотри кое-какие материалы. О результатах будем докладывать на бюро.

— Я разберусь, поезжай спокойно.

Аяжик вышел.

8.

В кабинете председателя шло заседание партбюро колхоза. Заседание началось после работы и продолжалось до полуночи. Слово брал почти каждый и говорил без всякого регламента, сколько хотел.

Первым заслушали бригадира полеводов Барба. Он подробно выложил все факты: сколько скошено, сколько обмолочено, сколько осталось. Главной темой был случай на Ыйгылаке, где было особенно много огрехов в жатве. Много полос было пропущено и, кроме того, плохо скошено. Выступающие члены партбюро обвиняли бригадира и агронома в низкой требовательности к комбайнерам и требовали наказать виновных в браке.

Вмешался Боражик:

— Мы должны ревностно относиться к своему труду. Ни одного пропавшего колоска — таким должен быть наш девиз. А мы оставляем огрехи и тем самым обесцениваем свой труд. Нужно развернуть воспитательную работу. Но при этом не допускать перегибов — искать только плохое, не видеть положительных фактов, даже обвинять во вредительстве. Парторганизация недостаточно работает с людьми. Вот мое мнение по этому вопросу.

Потом стали разбирать дело Аксы-Байбана. Вызвали его из коридора. Он вошел, сдернул шапку с головы и стал растерянно оглядываться по сторонам, ища сочувствия.

Аяжик огласил суть дела:

-- Аксы-Байбан пьянствует и при этом бросается разными словами против колхоза. Мы имеем на этот счет заявление одного товарища. Проверка была поручена товарищу Боражику. Есть предложение заслушать его.

— Я думаю, сначала дадим слово виновнику, — отозвался председатель.

Все согласились. Аксы-Байбан встал и начал:

— Я не говорил ничего плохого против колхоза. Не знаю, как и оправдываться. Уж что скажут товарищи.

— Ты не прикидывайся, а говори толком, — строго сказал Аяжик.

— К нам приехал гость. Ну, я его угостил аракой. Раньше мы в честь гостя резали барана, обязательно угощали ханом. Я сказал, что после того, как объединились в колхозы, у нас не стало собственных овец и коз и угостить нечем. А меня обвиняют в том, что я выступил против колхоза — раньше, мол, жили зажиточно, а теперь вместодох носим фуфайку и ей рады вроде бы.

— Ты правильно рассказал, что говорил о колхозе. Был такой факт? Был, и ты не отрицаешь, — и секретарь дал слово Боражику. Его мнение не совпало с мнением остальных членов бюро. Они ждали, что председатель сейчас устроит разнос. Однако тот спокойным тоном предложил наказать его за пьянку, посоветовал быть осторожным в выражениях и этим ограничился. Это показалось некоторым странным.

Встал с места Докпак:

— Аксы-Байбан в нетрезвом состоянии позволил себе опорочить колхоз. Это большой политический вопрос. И мы не можем на это смотреть сквозь пальцы. Нужно принять самые строгие меры к клеветнику. Иначе мы развяжем языки. Он не маленький, знал, что говорил, и пусть получает на всю катушку. Слова порицания — это не мера наказания.

К его мнению присоединился и Аяжик:

— Я думаю, что товарищ Докпак прав. Никому не позволим чернить колхоз, тем более всяким пьяницам. Есть предложение исключить его из рядов партии как политически разложившегося элемента. Есть другие предложения, товарищи?

Снова поднялся Боражик:

— Партия должна внимательно относиться к каждому своему члену, и такие вопросы надо решать осторожно, тактично.

— Но вы прекрасно знаете, товарищ Боражик, что в партии не должно быть контрреволюционеров, — бросил реплику Аяжик.

— Он сказал необдуманно — в этом его вина. А в целом это наш человек.

Аяжик не обратил внимания на эти слова и предложил ограничиться строгим выговором.

Против голосовали Боражик и еще два члена партбюро. Председатель думал между тем: «Ну и время пришло, за любую оговорку приклеивают ярлык контрреволюционера. Не может это долго продолжаться. Без веры в человека жить нельзя. Вскоре все станет на место, партия не примирится с этим явлением. Я верю в человека, в каждого советского человека».

9.

Боражик ушел, как всегда, ранним утром. Янма еще немного полежала после ухода мужа. Потом потянулась всем молодым гибким телом, резко встряхнулась и принялась за уборку. Очень скоро навела порядок и отправилась в магазин.

Янма была намного моложе своего мужа. Она частенько не знала, куда деваться от скуки. Вставала обычно рано, потому что держала корову. Подоив и отправив ее в стадо, готовила завтрак вечно спешившему мужу. Тот наскоро закусывал и торопливо уходил на работу. И Янма целый день была предоставлена самой себе. Убрала посуду, начинала думать о том, что приготовить к обеду. Иногда горячо бралась за шитье какой-нибудь обновы — платья или блузки. Но скоро ей надоедала эта работа, и она шла к соседкам посудачить, узнать новости — кто поругался, кто за кем ухаживает, что нового продают в магазине. Любила погулять и выпить при случае. И не терпела никаких замечаний в свой адрес. Янма придиралась к мужу по пустякам, требовала внимания к себе, и в этом она была права по-женски. Боражик не замечал настроения жены. Его больше волновали колхозные дела. Однажды он так ей прямо и отрезал:

— Не дури. Некогда мне с тобой нежничать.

Этого Янма не могла стерпеть.

— Ах, так! Ну и обнимайся со своим колхозом, нюхай своих овец. Больше ты ни на что не годишься, старый дурак. Уж куда лучше твоя долюшка.

Боражик говорил всегда то, что думал.

— Я горжусь такой долей. Колхоз — моя главная забота, а остальное — мелочи. Некогда думать о теплой постели и разных нежностях.

— Да уж ты такой, — с горечью сказала Янма. Между тем

разные мысли бродили в ее голове. И только резкость жестов да быстрый взгляд этой маленькой женщины говорили о многом.

Сегодня Янма рано закончила работу по дому и некоторое время сидела в раздумье, куда бы пойти, и решила сходить в магазин. Она шла по улице, высоко подняв голову, полная величия и достоинства, как и положено председательской жене. С ней почтительно здоровались, и ей это нравилось. Янма вошла в сельмаг и стала обводить взглядом полки с товаром, ища повнишку. Она с удовольствием перебирала матерню, прикидывала на себя и не обращала никакого внимания на людей.

Ничего не купив, постояла еще немного, прислушиваясь к разговорам женщин, вышла из магазина. На улице никого не было видно. Проехала мимо машина с зерном да старик на лошади с двумя мальчишками. Обходя стадо гусей, навстречу шел какой-то молодой парень. Большая белая гусыня так и норовила схватить его за пятку. Парень буквально налетел на Янму.

— Простите, эти проклятые гуси..., — и остановился удивленный. Перед ним стояла молодая красивая женщина, которую он когда-то хорошо знал. Янма! Они выросли с ней в одном аале, вместе гоняли коз по горам, играли и дружили. Тогда она была босоногой девчонкой с тонкой косичкой... А теперь перед ним предстала женщина в полном расцвете. Хеймер-оол заговорил первым:

— Это ты, Янма? Какая встреча!

Янма узнала его сразу. Она молча посмотрела прямо в глаза Хеймер-оолу, потом повернулась и, не сказав ни слова, ушла.

Хеймер-оол попробовал ее остановить:

— Ты что, не узнала меня? Давай поговорим.

Янма продолжала молча идти своей дорогой. Она не услышала даже сигнала машины. Еще мгновение — и она могла бы попасть под машину. Шофер побледнел и резко затормозил. Он открыл дверцу и, высунувшись, заругался вслед женщине:

— Ты куда лезешь, а? Возьми ноги в руки и глаза тоже, глупая баба!

Он в сердцах сплюнул, завел машину и дал газ. Сидевшие в кузове девушки засмеялись. А одна заливалась сильнее других.

Хеймер-оол пожал недоуменно плечами:

— Чего тут смешного? Человек чуть под машину не попал,— и пошел по своим делам.

Янма же, вдруг опомнившись около своего дома, быстро отворила калитку и скрылась за оградой. В ее резких движениях была заметна скрытая тревога и еще что-то. Она не шла, а летела, как надвигающийся вихрь.

Обычно она подолгу бывала на улице, во дворе. Бродила бесцельно, выглядывала за ограду, гладила ластившуюся к ней собаку. А теперь она пролетела, не обратив никакого внимания на собаку, приветливо помахивающую хвостом. Янма легко вбежала на крыльцо, торопливо стала искать ключи, которые были где-то в сумке. Наконец, она нашла их, долго не попадая ключом в скважину слепыми от смятения глазами, с трудом отперла дверь. Женщина рассеянно положила замок с ключом на кухонный стол, оперлась одной коленкой о стул и задумалась. Долго она так простояла, пока не почувствовала, как затекли ноги и побежали по телу мурашки. Она потерла покрасневшую ладонь, на которой отпечатался ключ. Янма медленно разделась, скинула тон на кровать и снова задумалась. Ее обступили воспоминания детства, милые и невинные.

Семьи Хеймер-оола и Янмы кочевали рядом. Они вместе росли, вместе бегали в лес за хворостом, помогали друг другу при случае. У них не было секретов, всем они делились между собой. Что случилось у одного — обязательно известно другому.

Как-то летом они пошли за ягодой, которая только-только начала поспевать. Ребята быстро набрали в берестяные туесочки ягоды, сами наелись в ягоднике и уже возвращались домой. Хеймер-оол шел, как всегда, впереди, торя дорогу среди зарослей кустарников и высокой травы. Неожиданно Янма взмахнула руками и вскрикнула. Хеймер-оол оглянулся и увидел, что Янма сидит на земле, держась рукой за ногу. Хеймер-оол подбежал к ней:

— Что случилось?

— Ой, змея, кажется, укусила...

Он оглянулся и увидел неподалеку в траве блестящую тоненькую змейку. Мальчик несколько раз ударил по ней палкой и закинул подальше в кусты. Змея укусила девочку чуть выше щиколотки. Кожа на ноге вспухла и покраснела, на месте укуса были заметны две точки, похожие на занозы. Хеймер-оол сразу принялся за дело.

Он намочил свой головной платок в ручье и перевязал де-

вочке ногу. Затем собрал рассыпанные Янмой ягоды, добавил в туесок своих и, подхватив девочку за плечи, дотащил ее с трудом до юрты. В аале все всполошились:

— Что случилось?

— Нашли занятие — ягодой сыт не будешь!

— И вечно что-нибудь да натворите!

Быстро закололи козу, освежевали и приложили к ране внутреннее сало. Сверху наложили кошму и туго завязали. Девочка осталась в юрте. А Хеймер-оол понуро поплелся домой, выслушав вдоволь обидных попреков. На душе было неспокойно. Мальчик часто прибежал к Янме и смотрел на нее сквозь клеточные просветы (кошму летом поднимают, чтобы было прохладно). Девочка печально улыбалась своему другу, уверяла, что рана уже заживает, и не отпускала от себя. После выздоровления Янма сказала:

— Я тебя так ждала всегда.

— Я же приходил.

Покажешься и сразу убегаешь.

В ее словах был упрек. Но Хеймер-оол быстро нашелся:

— Твои родные прогоняли меня. Невестка, так та прямо сказала, что это я подставил твою ногу змее.

— Она у нас такая сердитая. Все ворчит, всегда недовольна. И мой брат стал таким же. Он может даже побить.

— Я знаю.

— Это потому, что я сирота. Мы скоро подрастем, и тогда никто нас не посмеет обидеть, правда? Ты не обращай на них внимания. Лучше послушай, как мне тебя не хватало, когда я лежала в юрте одна.

Янма присела на бревно, а Хеймер-оол — рядом.

— Мне очень хотелось, чтобы ты пришел и не уходил. Я даже во сне тебя видела. Будто ты пришел, сидишь возле меня и помогаешь мне строить сайзанак.¹ А я тебе снилась? — лукаво спрашивала девочка.

— Я не люблю говорить о снах, — хмурился мальчик. — Просто я хотел, чтобы ты скорее поправилась.

Так они исповедовались друг другу о мыслях своих. День за днем, месяц за месяцем. Вот-вот их отношения из детской дружбы должны были перейти в нечто большее, но случай развел их надолго. Хеймер-оол должен был ехать учиться. Под вечер он прибежал в аал соседей. Подбежав к высокой лиственнице, он перевел дыхание и запел песню-вызов. Янма сразу же птичкой метнулась из юрты.

¹ Сайзанак — игрушечная постройка из камней.

Они отошли подальше от аала. Не было ни радости, ни смеха. Они перебрасывались короткими фразами. Это звучало клятвой.

— Я должен ехать, Янма. Где бы я ни был — всегда буду помнить тебя...

— Я остаюсь одна, Хеймер. Я буду ждать тебя. Смотри, не заставляй меня напрасно ждать...

10.

Прошло несколько лет. Всякое бывало в жизни Янмы: и хорошее, и плохое.

Однажды она пасла овец и увидела всадника. Это был Боражик. Он был старше Янмы, но выглядел молодцевато. Был подтянут, аккуратен, вся сбруя его коня была украшена серебром и красиво звенела при езде. Он сидел боком на коне и расспрашивал девушку о ее житье-бытье. Она неторопливо, с достоинством отвечала. Боражик запомнил эту встречу и разговор. Уезжая, все оглядывался, словно хотел запомнить ее. Янма двинулась следом за овцами.

Через несколько дней Боражик снова появился на пастбище. На этот раз он сошел с коня к Янме, поздоровался за руку и долго не отпускал ее. Янма тихонько пыталась освободить руку, но не смогла. Она решила про себя — больше с ним не встречаться. Но Боражик часто появлялся с шутками и разговорами, с веселой улыбкой. Янма смеялась, иногда и схотно. Было в его жизни много забавных случаев и интересных историй. Она не заметила, как увлеклась сама.

Боражик и правда был приятный человек и интересный собеседник. А тут еще пошли разговоры, что уехавшие на учебу в город парни всегда возвращаются не одни, а с семьей. Янма вспоминала Хеймер-оола и думала: привезет жену и познакомит со своей подругой детства и все. Она еще сомневалась, в ней жила тайная надежда, но Боражик был постоянчив, и она постепенно забывала своего друга...

Однажды Боражик явился с подарками, она приняла и конфеты, и платок, хотя он, честно говоря, боялся ее отказа. Теперь он стал более уверен, то и дело брал Янму за руку, и она не вырывалась, как прежде.

Победу нужно было закрепить. Боражик появился в их юрте. Брат и невестка приняли его как своего человека. Он стал часто бывать у них.

Янма была сирота, брат с женой то и дело попрекали ее, хотя она делала всю домашнюю работу. Много она выслуша-

ла обидных, несправедливых слов и молчала, потому что некуда ей было пойти. Когда она подросла, стала давать отпор, ей хотелось досадить им, сделать что-нибудь назло. Она часто пела частушку о своей невестке и в этом находила успокоение. Боражик незаметно для нее стал опорой. С ним она забыла о своих горестях, много смеялась; она даже удивлялась, что может так беззаботно, от души хохотать.

Вскоре к ним пожаловала с аракой и курдюком мать Боражика. Это было сватовство. Сначала они жили в юрте с матерью, а потом переехали в дом, завели свое хозяйство — корову, теленка, кур, собаку. Янма стала полновластной хозяйкой.

11.

С тех пор, как вернулся домой сын, никого не было счастливее Чанчыкмы. Она делилась своей радостью с соседями, бегала по дому проворно, как молодая. С улыбкой она рассказывала каждому о своем сыне. Многие разделяли ее радость, а иные относились равнодушно или говорили невпопад:

— Это тот, твой потерянный сын, приехал?

Это корбило ее и обижало, но она терпеливо поправляла незадачливую знакомую:

— Что ты говоришь? Как это человек может потеряться? Скот и тот знает свою кошару. Мой сын учился, а теперь приехал работать. У него большое образование. Не каждому это удается.

Но ее сейчас больше волновала не его работа, а его женитьба. Его надо было срочно женить. А вопрос этот был не из легких. Кого попало она к своему сыну не допустит. Чанчыкма ревниво оглядывала знакомых девушек, кто же из них достоин ее сына.

Один случай заставил ее ускорить розыски невестки. Однажды к ней зашла соседка Шорулба, явно заинтересованная Хеймер-оолом. Она вошла, оглядела все в доме и заговорила:

— Нынче уж такое время, что ничто на месте не лежит. Ой, что это я, дура, говорю? Ничто на одном месте не останавливается. Да, да, словно сквозь решето все видно, все слышно...

Чанчыкма хорошо знала свою соседку: ничего попросту не скажет, сначала прощупает почву. И Чанчыкма решила выведать у нее правду.

— Верно ты говоришь, соседка. Ничто теперь не проходит мимо наших ушей и глаз. Поэтому я ничего не хочу скрывать или таить — все равно будет известно.

Соседка плутовато взглянула на Чанчыкму и подхватила:

— Мы давно живем рядом, все у нас открыто, а теперь ты скрываешь от меня невесту. Кто она, когда ты решила женить сына?

Чанчыкма не ожидала такого резкого перехода, но не выдала своего замешательства:

— Вечно ты что-нибудь выдумаешь.

— Я-то что. Это твой сын находит. Ты говорила раньше, что будем сватьями. А теперь как?

Чанчыкма знала дочь соседки и знала также, что она не может понравиться ее сыну.

Однако она решила выведать от соседки, с кем же ходит ее сын.

— Где? Что ты говоришь? С кем? — нарочно удивилась старуха.

Шорулба была из тех, что задай пару вопросов — потом не остановишь; хлебом не корми — дай язык почесать.

Чанчыкма услышала, к своему удивлению, что ее сын гуляет по вечерам с библиотекаршей и вызывает зависть всех девушек.

Это очень обеспокоило старуху. Она вышла под предлогом проводить соседку и пошла к центру поселка, чтобы воочию убедиться, с кем же гуляет ее сын.

Не доходя до правления, она заметила, как оттуда вышла красивая стройная русская девушка в сером платье, а следом за ней, торопясь и догоняя девушку, прошел ее сын. Чанчыкма опешила и, чтобы не подать виду, быстро прошла мимо них.

Хеймер-оол хотел остановить ее, но решил, что она куда-то спешит по своим делам и, не торопясь, пошел в библиотеку.

Старуха же не знала, что и думать. Она знала, что эта девушка — библиотекарь, и часто встречала ее в поселке. Встретившая, она пришла домой. От озабоченности не знала за что приняться. Машинально поставила на печку варить чай. Затем взяла свою старенькую в трещинах длинную трубку, набила крепким табаком и закурила. Она молча сосала трубку, сбивала пепел, смотрела на огонь в печке и думала, думала.

В таком положении застал ее сын. Она проворно вскочила, быстро стала накрывать на стол. Когда бы ни зашел к ней, у нее всегда наготове вкусный зеленый чай, который хорошо согревает зимой и утоляет жажду летом. Каждому, вошедшему в ее дом, она предлагала пиалу чая. Для сына она выложила все свои припасы. Ее руки были заняты работой, а в голове

одна мысль, одна забота. Мать начала издалека. Ей хотелось, чтобы сын ничего не заподозрил. Но Хеймер-оол хорошо знал свою мать. Ее озабоченность он почувствовал с порога. Ему было и смешно, и неловко. Мать вела себя, как ребенок, — ходила по поселку и хвалилась сыном. Но мать есть мать — особый человек. Нельзя ее обижать, и поэтому Хеймер-оол приготовился выслушать мать.

Старуха рассказала, как прошел день, где она была, с кем встретилась.

— Утром, когда погнала корову к пастуху, встретилась мне эта самая, как ее... жена Кулчукпана. В гости, говорит, приехала.

Не поняв, к чему это, Хеймер-оол осторожно спросил у матери:

— Ну и что?

— С ними рядом в одном доме живет девушка, которая книги раздает.

— Ну?

В это время в сених послышались шаги.

Вошла Светлана — та самая библиотечка — с книжками в руках. Она поздоровалась с хозяйкой и передала Хеймер-оолу книги. Они поговорили о чем-то по-русски, и девушка торопливо вышла.

Мать не теряла времени даром. Она украдкой разглядывала гостью и, когда та ушла, заговорила:

— Не понимаю, о чем вы говорили? Разберись попробуй.

Хеймер-оол промолчал. Мать не унималась и приступила прямо к наболевшему.

— Сынок, я хотела бы понимать речи твоей жены.

Только тут Хеймер-оол понял. Так вот оно что — Светлана не понравилась, и мягко сказал:

— Какая будет по сердцу, с той и буду жить, мама.

Старуха взглянула на сына, и лицо ее сразу стало жалким и старческим:

— Тебе-то по сердцу, а мне как быть? Сколько я могу одна в доме, ведь стара уже и силы не те.

— Не торопись, мама. Сначала надо найти невесту, полюбить ее.

— Так невеста давно есть. Я нашла ее, договорилась.

«Ну и мама, как у нее все легко и просто», — подумал Хеймер-оол.

— А кто это?

— Ты знаешь ее — это Янма, — очень спокойно ответила мать, не взглянув на сына.

Хеймер-оол, следивший за выражением лица матери, проговорил:

— Наверное, сначала надо поработать, устроиться, а потом уже и подумать...

— Я не согласна. Нечего судить да рядить, надо устроить женитьбу. Так будет лучше и для меня, и для тебя, сынок. А так я не знаю покоя ни днем, ни ночью. Все думаю и думаю. Голова толстеет.

Хеймер-оол усмехнулся и сказал:

— А невеста-то замужем.

— Ну и что?

— Как ну и что? У неё свой дом, семья. Человек устроил свою жизнь.

— А, какая у нее жизнь? Нет у нее жизни. Мучается она, бедняжка.

— Что ты, мама? Откуда взяла?

— Я знаю то, что говорю. Когда тебя не было, она всегда прибегала ко мне и жаловалась на свою судьбу. Ведь она же вышла за неровню, не по любви, лишь бы выйти из трудного положения. Да ты и сам знаешь, как она росла, как невестка изводила ее.

Хеймер-оол вспомнил, как однажды она прибежала к ним в слезах, избитая невесткой за то, что рассыпала тару. У него искала защиты и не нашла. Вполне возможно, что беззащитность толкнула ее к Боражику, — подумал Хеймер-оол и твердо сказал матери:

— Не выдумывай, мать. Нечего лезть в чужую семью. Что было, то прошло. Или ты хочешь попасть на язык всему селу?

— А она-то, бедная, все ждала тебя, все спрашивала, когда вернешься. И вот ты приехал. Тебе надо встретиться и поговорить с ней. Она будет рада — вот увидишь. Она хотела услышать от тебя слово. «Наверное, мать выдумывает», — подумал Хеймер-оол и засмеялся. Мать обрадовалась — значит, не пропали ее слова даром, он встретится с ней. Ободренная, она продолжала:

— Давно мы с ней договорились, что друг друга не оставим в беде, все будем делить пополам — и горе, и радость. Ты порадовал меня. Живите в этом доме, я где-нибудь около вас, сынок. «Видимо, мать давно лелеяла эту мечту, и говорить ей поперек бесполезно», — думал Хеймер-оол. Он хотел переменить тему разговора, но взволнованная мать была неуправляема, слова лились потоком:

— Янма такая милая, славная. Я давно решила, что она в конце моей жизни успокоит мои кости.

Что мог сказать Хеймер-оол, пожал плечами и собрался в баню.

После жаркой бани было легко телу, но не душе. Он прилег, выпив пиалу прохладного хойтпака. Но что-то не спалось. В голове вновь и вновь перебирал разговор с матерью. Янма в самом деле стала красивой, и она здесь, рядом. Мать не зря затеяла этот разговор. Видно, пришла пора сделать выбор, остепениться. Но все это не так просто, как кажется матери. Кого же я люблю? Или это только кровь молодая бродит, не удержи́мо зовет — любви...

12.

После разговора с Хеймер-оолом, особенно после слов «скоро приеду еще» и крепкого пожатия его сильных рук, Хураганмай ходила сама не своя. Что-то необычное свершилось в ее жизни. Она вспомнила встречу с этим парнем, все ей в нем понравилось. Слово невидимые крылья подхватили ее, понесли вперед. Из груди сама собой рвалась песня:

Все думаю и думаю,
А в думе кто-то есть.
Вот милый показался,
Властитель дум моих.

«Он говорил скоро, но прошло уже две недели, а его все нет. Когда это — скоро. Но он все равно должен приехать. Если не из-за меня, то ведь ему овец надо поглядеть», — хитрила с собой девушка. Неужели можно обмануть человека? Она еще в жизни своей никого не обманула. Да и нет у нее таких странных желаний.

Однажды в школе был такой случай — один мальчик обманул другого. Как она переживала за обманутого, утешала его как могла. Она спросила учителя — может ли человек обманывать. Башкы собрал всех ребят и сказал:

— У нас, у тувинцев, есть пословица: «Товарища за щенка не принимай, а себя за бога не выдавай». Народ не любит зазнаек, высокомерных людей и высмеивает таких. Человек без друзей, как кол в сухой степи. Наши ребята должны любить правду, жить с чистой совестью, потому что в нашей стране человек человеку — друг и товарищ. И тяжело бывает тем, кого лишили этого высокого звания товарищ. Бори-

теть, ребята, с сбманщиками и болтунами. Товарища обманывать нельзя.

Эти слова надолго запомнились Хураганмай. И она жила своей верой и надеждой, и внезапной, как молния, любовью.

Девушка долго не могла уснуть. В голове проходили желанья и мечты, прекрасные и удивительные. Она видела себя в нарядном голубом халате на лугу среди веселых и задорных девушек, и Хеймер-оол выбирал ее для игр.

Девушка вспомнила нынешнюю маевку. Собралось много колхозной молодежи. Получив плату за трудодни, Хураганмай выбрала в раймаге блестящий шелк с орнаментом, сшила за вечер красивый халат, подобрала в тон косынку и опояску и была на маевке нарядной и веселой. Пахло цветущей черемухой, на лицах у всех сияла улыбка. Парни с девушками затеяли игру, встав парами по кругу. В паре с Хураганмай оказалась доярка с фермы. Она обратила внимание на ее красивую косу и шутливо сказала:

— Не дашь ли мне взаймы свою косу, подружка?

— У тебя и у самой хороша, — отшутилась Хураганмай.

— Ну, разве мою, короткую, сравнишь с твоей, — завистливо вздохнула доярка. У тебя вон какая, ровная и блестящая. Будь я парнем, я бы с ума сошла от одной косы.

Хураганмай не придавала особого значения ее словам. Между тем перед ними встал парень. Доярку как ветром сдуло — она с криком побежала по кругу. Перед Хураганмай стоял смуглый высокий парень с огромной шевелюрой. Он оглянулся и улыбнулся. Девушке было приятно, что парень обратил на нее внимание. Она чувствовала, как ему хочется оглянуться еще раз, но он сдерживал себя. «Я бы давно оглянулась», — подумала Хураганмай. Но тут кто-то подбежал к ним и встал. Хураганмай быстро перебежала и встала к паре девушек, а потом вернулась к тому парню. Он обрадованно сказал:

— Я рад, что ты пришла.

Хураганмай хотела убежать, но он крепко обхватил ее за плечи. Она тихонько сняла его руки с плеч и ничего не сказала. Тут как раз игра и закончилась.

Все разошлись, и парень потерялся и больше не показывался. И она ушла с подружками.

...Хураганмай, наконец, уснула, и ей приснился сон. Будто тот парень стал Хеймер-оолом и была та же маевка. Хеймер-оол вышел к ней из толпы парней и посмотрел так ласково и

таким глубоким взглядом, что у нее сжалось сердце. Они шли рядом по поляне, заросшей цветами.

— Что тебе подарить? — спросил он внезапно. Перед ними стояла пушистая верба, вся в заячьих лапках. Хураганмай попросила сорвать ей несколько веток. Хеймер-оол выполнил ее просьбу и теперь щекотал пушистыми ветками ее щеки, шею.

Было так хорошо. Век бы стоять так с милым. Вдруг Хеймер-оол начал удаляться, и она, пытаясь остановить его, проснулась.

Она быстро оделась, вышла на улицу, принесла дров и начала растоплять очаг. С трудом разожгла сырые дрова берестой, поставила на очаг черную чугунную чашу и стала варить зеленый чай с молоком и солью. Вскоре чай закипел, и она принялась зачерпывать половником чай и выливать его с высоты в чашу — так чай вкуснее уваривается. Мать всегда учила ее проделывать такой слив раз сорок.

Потом она пошла в загон. Привязала теленка, чтобы он не лез к корове. Мать села доить. Девушка подошла поближе и спросила простодушно:

— Мама, ты видела сегодня сон?

— Нет, дочка.

— А я видела такой интересный сон про нашего зоотехника, который приезжал тогда. Приедет он еще или нет, как ты думаешь?

Мать понимающе улыбнулась, сразу догадавшись, о ком идет речь.

— Не знаю, доченька. Нечего ему пока у нас делать.

— А он говорил, что приедет и будет вместе со мной работать.

Мать удивленно взглянула на дочь:

— Как это будет вместе работать?

— Ну, он сказал, что у него такая работа — помогать чабанам, быть с ними вместе. Старуха облегченно вздохнула.

— И зачем он тебе нужен? Чем он может помочь тебе?

— Все равно он должен приехать, раз обещал, обманывать нехорошо.

— Разве ты найдешь человека, который бы не обманывал?

— Тогда и ты можешь обмануть?

Мать подивилась про себя: «Странная сегодня дочь».

— Что ты говоришь, дочка? В нашем роду никогда не было обманщиков. Люди всегда хвалили нас за честность и справедливость.

— А я? — спросила Хураганмай.

— Ну, это тебе лучше знать. Что ты сегодня все выпытываешь у меня?

Девушка чуть приметно улыбнулась и проговорила задумчиво:

— Ты же сказала, что нет человека, который бы не обманывал. А оказывается, есть и не один-два, а целый наш род.

— Как? — удивленно раскрыла мать рот.

— Раз хорошие люди не обманывают, значит, зоотехник приедет.

— Кто их знает, людей-то...

— Обязательно приедет, вот увидишь, мама, — твердо уверила дочь, хотя сама не переставала про себя сомневаться.

Мать выдоила корову и впервые задумалась над тем, как выросла дочка. Теперь предстоят новые заботы.

13.

Листва с деревьев давно опала и грустно шуршала по дорогам и оврагам. Насквозь стали просматриваться густые летом леса. Степь опустела; она отдыхала, набираясь силы, до следующей весны. Наступила осень. Был тихий вечер. На небе уже сияли первые вечерние звезды, а затем выплыла круглая полная луна и залила всю землю серебристым светом. Где-то среди деревьев ручейки вели монотонный тихий разговор. Каждый ручеек имел свой особенный голос.

На берегу реки на поваленном дереве тихо переговаривались Хеймер-оол и Хураганмай, любуясь красотой лунной ночи.

Хеймер-оол ездил весь день по стоянкам чабанов, и вечер застал его у Чудурука. Завтра предстоял перегон овец на пункт, а сегодня была прекрасная ночь рядом с милой девушкой.

Волшебную тишину ночи нарушил шорох. Влюбленные переглянулись. Шагах в десяти от них, растопырив уши, сидел заяц. Он отпрянул в сторону и начал хрустеть в кустах. Заяц отдирал зубами кору кустарника. Вдруг уши его наострились, и он мгновенно замер, превратившись в неподвижный комочек. Над ним пролетела сова. Она опустилась неподалеку — заяц был недвижим. Потом снова послышался шелест крыльев, и сова улетела ни с чем. Заяц все еще не шевелился. Затем опомнился и стал хрумкать веточку, а вскоре скрылся во мраке. Девушка внимательно проследила его путь, ей хотелось, чтобы он еще посидел рядом с ними. Молодые люди про-

шли в ту сторону, куда он скрылся среди могучих высоких деревьев, но заяц больше не показался. Они остановились, прислушались к ночным шорохам.

Луна поднялась высоко, и стало светлее. Парень и девушка шли, взявшись за руки, вниз по течению речки. В одном месте перебрались на другую сторону и устроились на поваленном дереве. Голубоватый лунный сумрак все делал таинственнейшим. Казалось, что деревья, укрыв их под тенью своих ветвей, хотят принять участие в их беседе. Но влюбленные молчали. Хеймер-оол перед встречей готовился высказать девушке самое заветное. Но сейчас не находил нужных слов, красивых и убедительных. Он знал, что если напрямик бухнет ей, то она может рассердиться. А найти подход не умел и мучался.

Он взглянул на спокойное безмятежное лицо девушки и спросил:

— Тебе нравится здесь?

— Очень. Иногда мне хочется в такую ночь обойти весь лес и обнять каждое дерево, — ответила Хураганмай.

— А ты слышала песню «В лунную ночь наиграемся вдвоём»?

— Нет, не приходилось.

— Хочешь, я расскажу тебе об играх молодежи в лунную ночь?

— Конечно, с удовольствием послушаю.

— Ну так вот, раньше молодежь часто собиралась в такую ночь, парни и девушки пели песни и частушки, играли в разные игры, например, в «Хромую старуху» и «Белую палочку». У бурят есть молодежная игра «Ехор», а у киргизов эту игру показывают в опере «Ай-чурек» — «Сердце луны». Сердце, которое билось в лунную ночь.

— Красиво, — задумчиво согласилась девушка.

— Да, так вот в такую ночь состязались парни на лучшую песню и хомей.

— Я готова тебя слушать хоть всю ночь, — сказала Хураганмай.

Хеймер-оол взглянул в смутно белеющее лицо:

— Ты же завтра не встанешь, и овцы твои разбегутся.

— Ты разбудишь меня вовремя, — просто ответила она.

— Так и быть. Ну, а теперь слушай дальше. Парни и девчата играли всю ночь, каждый показывал, что он умеет делать. Например, некоторые мастерили свирели и свистульки и забавляли девушек. Другие состязались в горловом пении, в

игре на хомусе первенство одерживали девушки. У тебя есть хомус?

— Есть, и я немного играю, беру с собой на пастбище.

В ее словах не было ни тени бахвальства или ложной скромности.

— Я бы послушал тебя с удовольствием.

— В другой раз, у меня нет его с собой.

— Я люблю мелодию хомуса, — проговорил Хеймер-оол. После песен начинаются игры. Соберутся на полянке у лесочка, кто-нибудь прячет белую палочку, а потом все начинают искать. Сколько смеху при этом!

— А тебе приходилось самому играть?

— Нет, я только слышал об этом. Сейчас появилось много новых игр и развлечений, а эти игры как-то позабылись.

— Жаль, а ведь это интересно.

Девушка оглянулась и первой заметила густой сумрак.

— Что это случилось с луной? — удивилась она.

Половина луны скрылась, свету становилось все меньше и меньше, надвигался мрак. Установилась какая-то особенно чуткая тишина. Девушка невольно прижалась к Хеймер-оолу. Они поднялись с дерева и пошли. Скоро луна потемнела вся целиком, на ее месте виднелось только серое пятно. Молодые люди тихо переговаривались, следя за лунным затмением.

— Это Чылбыга проглотила луну, — сказала девушка. Она была очень жадной, и бог решил ее наказать. Он бросил в нее свою палку, и Чылбыга разорвалась пополам. Люди, проглоченные ею, рассыпались и живут на земле, а она навсегда попала в верхний мир. Что ни съест, все выкатывается назад. Вот и сейчас луна появится с другой стороны.

— Хорошо ты разбираешься, — засмеялся Хеймер-оол. Кто это тебе рассказал?

— Бабушка. Она много знает такого.

— А ты сама как думаешь? Люди придумали объяснение непонятному для них явлению. Знаний было мало, а вера в бога велика.

— А ты не испугался, что я такая дикарка? — засмеялась девушка.

Они уже подошли к юрте. Луна снова заливала землю расплавленным серебром.

Когда Хеймер-оол проснулся, хозяева давно уже были на ногах: всю горел свет и кипел чай. Хеймер-оол вышел во двор. Было пасмурно, но не холодно. Овцы теснились возле кошары, там была Хураганмай. Одна овечка подошла к ней, девушка потренила ее по голове, но тут подбежали два кудрявых ягненка и, ткнувшись овце в вымя, припав на колени, принялись сосать. Весело мелькали короткие хвостики.

Хеймер-оол спустился к речке, умылся и привел стреноженного на ночь коня. Привязав его, подошел к Хураганмай.

— Что это у тебя все овцы смешались?

— Как? — не поняла девушка.

— Ну, все разной породы.

— Так лучше, красивее.

— По-моему, одна масть выглядит лучше.

— А мне нравится пестрое. Овечки мои, как цветы, разные. Вот посмотри, этот листок шиповника был сначала нежно-зеленым, потом потемнел, а теперь стал золотисто-красным. Разве от этого он стал хуже? Наоборот, красивей. От него пахнет солнцем и степью...

Девушка любила природу и многое наблюдала в ней. Хеймер-оолу показалась она прекрасной с веточкой в руках, при утреннем солнце.

«Надо было по-другому сказать о смешанных овцах», — подумал было Хеймер-оол, но тут к юрте подкатила легковая машина. Хозяева вышли навстречу гостям. Из машины показались Агар-оол и Абрамов с опытной станции. Агар-оол представил его:

— Это товарищ с опытной станции, хочет познакомиться с хозяевами. Расскажите ему о своей работе.

— Заходите в юрту, даргалары, — пригласил хозяин. Агар-оол по-русски сказал своему спутнику, человеку лет пятидесяти с поседевшими кудрями:

— Лев Абрамович, пойдете в юрту.

Низко склонившись, прошли в дверь. Все уселись по-тувински на кошке на полу, а Абрамову подали табуретку.

Агар-оол сказал хозяину:

— Ты у нас один из опытных чабанов, поэтому я привез этого товарища к тебе.

Чудурук с достоинством ответил:

— Я готов рассказать все, что потребуется. Всю жизнь занимался овцами, берег ягнят, заботился о повышении поголовья отары.

— Вы у нас ветеран, — поддакнул Агар-оол.

— Вот только теперь мне кое-что непонятно, — с обидой высказался старик.

Агар-оол переспросил, не поняв:

— О чем вы говорите?

— Нет ко мне доверия. Говорят, что у меня овцы смешанные и прочее.

Агар-оол решил, что это Хеймер-оол тут наговорил, и успокоил чабана:

— Не может этого быть. Мы доверимся своим чабанам.

Хеймер-оол заметил уловку старика. Во вчерашнем разговоре он, действительно, спрашивал, почему у него овцы смешанных пород, и этим ограничился — хотел сначала изучить состояние всех колхозных отар, а затем уж поднимать разговор. Но поскольку разговор зашел на эту тему, он решил высказать свою точку зрения:

— Вопросы старику задавал я. Я считаю недопустимым смешение каракульских баранов с другими породами. И никакого недоверия здесь не было, просто надо думать о будущем.

Это явно не понравилось Агар-оолу. Он ожидал, что скажет на это Абрамов, но тот был занят разглядыванием обстановки в юрте. Тогда Агар-оол спросил:

— Откуда ты взял, что животноводству уделяется мало внимания?

— Об этом говорят факты. Овцы все смешаны, что недопустимо в культурном хозяйстве.

Агар-оол был задет:

— На то и существуют вышестоящие организации, чтобы все видеть. Что тебе скажут оттуда, — он поднял палец кверху — то и должен выполнять беспрекословно. Это закон для зоотехника. Нечего тут устраивать базар и давать ненужные советы, товарищ Хеймер-оол.

Зоотехник задумался и после некоторого молчания сказал:

— Есть более полезные бараны, чем каракули. Почему бы их не использовать у нас?

— Я же говорю — нельзя. Путь развития животноводства предусмотрен различными научными учреждениями. И никто его не должен нарушать, верно, старик? — обратился Агар-оол за поддержкой к Чудуруку.

— Может и так. Есть ученые люди, это их забота. Вот и этот дарга занимается по этой части, — отговорился старик.

— Да, он у нас главный специалист в овцеводстве, — подтвердил Агар-оол.

Хеймер-оол хорошо знал, что сторонников каракулей много не только в районе, но и в республике. Было потрачено много средств. И Хеймер-оол перестал спорить. Нужны веские аргументы, а их у него пока нет.

Хураганмай внимательно прислушивалась к спорящим и, когда зоотехник замолчал, укоризненно посмотрела в его сторону.

Между тем чай сварился. Хозяйка разлила чай в пиалы и подала каждому гостю с поклоном. В тарелке возвышались горкой пресные лепешки, рядом были тара и ореме¹. Все молча принялись за еду. Потом гости поднялись, поблагодарили хозяев и вышли. Агар-оол дал последнее указание Хеймер-оолу по проведению искусственного осеменения и хорошей знамовки, сел вместе с Абрамовым в машину, хлопнул дверцей и уехал.

Чудурук, Хураганмай и Хеймер-оол погнали овец на семенной пункт. Старик ехал молча. Зато молодая пара не умолкала всю дорогу, им было хорошо вместе, и они ничего не замечали вокруг. Они ехали бок о бок по родной степи, равномерно постукивали копыта их коней, и в такт друг другу стучали молодые сердца. Что может быть прекрасней этого?

15.

Стояла поздняя осень, по утрам и вечерам было холодно, но дни стояли ясные и теплые, обычные дни тувинской осени. Боражик не спеша ехал на своем гнедом. Степь несла с собой запахи полыни, мяты, скошенной стерни. Перелески уже были в позолоте, только тайга величественно темнела в зеленой накидке, выделяясь издали шапкой вершин. Степь расстилалась широко и необозримо, кусты низкорослой акации казались издали похожими на рассыпавшихся по степи овец. Все было привычно, близко и дорого сердцу. Боражик любил родную землю. В других местах, когда он уезжал из Тувы, он скучал по душистому приволью степей, по горной тайге и чистым речкам. Он ехал и пел:

Красива моя степная страна,
родной мне близок народ.
Лесиста моя дорогая земля,
немногочислен мой малый народ.

¹ Ореме — сливки.

Пел негромко, но с большим чувством. Блестели на солнце сбруя коня, бляхи и украшения. Конь, покорный настроению хозяина, сам переходил с иноходи на рысь. Все в облике всадника было слитно и гармонично. Вдруг конь прынул в сторону. Боражик придержал его и оглянулся — чего испугался конь? Сзади скакал всадник. Боражик пригляделся — вроде знакомый. Да, он видел его не раз в сумоне, вот только имя запомнил.

Парень подъехал и поздоровался:

— Эки, дарга!

Боражик ответил на приветствие и поехал рядом с ним:

— Как зовут тебя, паренек?

— Меня зовут небезызвестный Адыгыр-Кара, председатель, — отшутился бойкий паренек.

Боражик забасил в ответ:

— Много развелось безвестных молодцов, не помнящих имени-прозвища.

Но паренек, не заметив резкости, вставил:

— Просто у меня такое имя — Адавастай. Хорошее у вас седло и конь добрый, да и всадник гордый.

— Вещи надо заводить один раз и самые лучшие, надолго хватит, — солидно ответил Боражик.

— А ведь было время, когда седел не хватало.

— Трудно представить тувинца без седла — это один из главных предметов обихода.

— Говорят, во время войны аратам приходилось резать чепраки седел на подметки. Трудно, наверное, было?

— Конечно. Но я бы не смог поднять руку на седло. Лучше чего другого лишиться.

— Значит, вы очень любите коня.

— Вот я и говорю об этом. Тут ведь, понимаешь, целая история. Сначала овец гонял, а потом подрос и стал похвастаться перед девушками. Сядешь так небрежно, выгнешься гордо и проедешь, бывало. Как-то раз отец мне велел привезти аркан из соседнего аала. Ну, мне только того и надо. Не заметил, что подо мной было плохое седло, поскакал. А в том аале одногодков моих полно — и девчат, и ребят. Разговорился, уезжать неохота, хотелось остаться на вечерние игрища — ойтулааш. Засобирился обратно, а парни стали меня подначивать, смеяться над моим конем, над седлом. Глянул я — и правда седло побито, истрепанное — так стало стыдно, хоть сквозь землю провалился. Так и уехал с позором. Мне казалось, что их аал никогда не удалится. Как говорят у нас,

обувь рваная — дверь далеко, седло плохое — аал далеко. Вот когда я всем существом понял мудрость пословицы. С тех пор я в первую очередь слежу за своим седлом. Вот так. Неплохое седло, верно? — спросил под конец Боражик.

Замечательное, дарга. Сбруя как надрасная.

Так и должно быть, — отвечивал довольный Боражик.

Адавастай продолжал расспрашивать:

А раньше здорово наряжались?

— По возможности...

— Еще бы, каждый хотел иметь посеребренное седло, уздечку, нож, огниво.

— Золото и серебро были признаком зажиточности. А, собственно, что особенного в них?

— И сейчас много украшений по сундукам в юртах.

— Вот уж я бы не смог прятать, сразу бы вытащил и нарядился, — захохотал Боражик, довольный своей шуткой.

— Не все такие открытые. Некоторые прячут.

Боражик взглянул на спутника:

— Зачем прятать собственные вещи? От тебя? От меня? Имеешь — носи на здоровье. Что-то ты заговариваешься — или очень умен или всего-навсего чурбан. Выбирай одно из двух.

Они ехали бок о бок. Кони шли ходко. Боражик никогда не лез за словом в карман, не раз в своей жизни сталкивался с разными людьми. Однако Адавастай продолжал непонятно зачем выспрашивать председателя и никак не отвязывался:

— Ну, золото и серебро оставим. Тут не может быть единого мнения. А вот как люди раньше уважали друг друга?

— Раньше? — впрямь удивился Боражик.

— Да, существовал особый ритуал почтения при феодалах. Вот что я хочу сказать.

— Ну, ты меня удивил. Люди всегда уважали друг друга. При чем здесь феодализм? Это был обычай народа, и нечего примешивать здесь феодализм.

— Вы очень правильно говорите, — поддакнул спутник.

— Уважение — великая вещь. Только его надо заслужить. Вот у нас иногда не умеют даже поздороваться, особенно молодежь, руку подать как следует, подарок принять, когда награждают. Здесь наша недоработка.

Адавастай обрадовался и громко захохотал, так что лошадь под ним испуганно дернулась.

— Вот я про это самое и говорю. Не только молодежь, но и некоторые старики стали забывать обычаи.

«Интересно, кого он имеет в виду, этот странный парень», — пытался угадать Боражик и, взяв в руки бич, стал объяснять:

— Я живу на свете побольше тебя и кое-что видел. У нас есть много интересных обычаев. Например, отношение молодых к старикам. Это и тебя касается и будет тебе небесполезно.

Адавастай стал ожидать, что Боражик прочтет ему длинную потаю. И хотя это ему явно не нравилось, он решил не перебивать.

Боражик продолжал:

— Отца моего звали Кажыкай. Он был весь белый — и волосы, и бородка, лицо доброе. И бабушка у меня была тоже вся снежно-белая. Наш аал всегда кочевал вместе с дедом. Дед часто бывал у нас. Мой отец уже был взрослым человеком. Когда к нам приходил дед, ему мать подстилала мягкий олбук, ставили перед ним низенький столик и выкладывали все, что было в юрте: толкан, тару, ореме, подавали свежезаваренный чай. Около деда нельзя было проходить. И если я торчал перед ним, то отец с матерью меня отчитывали за неуважение.

— Вы, очевидно, только выслушивали, а усвоить вам не удалось, дарга, — подколот Адавастай.

«Значит, ты хочешь со мной поругаться, ну что ж, давай, попробуй», — и Боражик запел про себя свою любимую песню:

Обо мне не беспокойся,
я стреляный воробей,
ведя со мной напрасный спор,
смотри голову не разбей.

— Так вот у нас уважали старших. Ты должен первым поздороваться. Если старший протянет тебе обе руки ладонями вниз, то ты должен подставить руки ладонями вверх. Требуемый разных было много. И все эти обычаи исконно аратские, — гордо закончил Боражик.

— Вы хотите сказать, что вы неуязвимы во всех отношениях? — спросил насмешливо спутник.

— Когда едешь по широкой степи, видят за тобой столб пыли, а когда едешь через высокий перевал, то люди издали замечают тебя, дорогой товарищ..., — многозначительно произнес Боражик.

Они замолчали. Слышен был только стук копыт по траве.

Всем своим видом Боражик словно говорил: смотри, как нужно держать себя, паренек...

Любой сказал бы, поглядев на нашего героя: «Этот добрый молодец кипит своей удалью. Он радуется жизни, черпает из нее силу, любит жизнь, умеет ее делать. Перед такими одержимыми ничто на свете не устоит...»

16.

Боражик поехал на Баян-Дугай. Вскоре показалась юрта Менниг-Кара. Тут он сразу вспомнил семью ветеринара, его жену и их сынишку-пампушку. Жили они дружно, но не без трудностей.

Боражик вспомнил историю их любви. Получив диплом ветеринара, Менниг-Кара приехал на работу в «Алаак». Поначалу он показался странным: был упрямым, нетерпеливым, легко бросался словами, даже Боражика не стеснялся. Тогда председатель решил поговорить с ним. Ему хотелось сказать, что ничего плохого он ему не желает, а хочет помочь советом и делом. И оказалось, что вся его неуживчивость, озлобленность, недоверие к людям — отголосок неудачной любви.

Выслушав его историю, Боражик сказал сочувственно:

— Чего только в жизни не бывает, браток — и падать приходится, и вставать опершись.

Менниг-Кара резко оборвал его, изменившись в лице:

— Я не падал. Это она плюнула мне в чистую душу, дешево променяла мою любовь.

Боражик промолчал. Сейчас от него все равно толку не добиться. И подождал, когда он успокоится. Одумавшись, вскоре Менниг-Кара с горечью сказал:

— Нет у меня желания каждому встречному раскрывать свои думы. И вам не хотел говорить, да само собой вырвалось...

Неприятно было Боражику такое признание, но он пропустил мимо ушей его слова и мягко объяснил:

— Вера в человека — большой вопрос. Можно сказать, главный вопрос в жизни.

— Я согласен, что без веры жить нельзя. Это верно. А Достаю можно верить? Или Торлукме? — опять вспыхнул парень.

— А почему бы и нет? Ведь все мы люди, и нам свойственно ошибаться. Нельзя смешивать веру и ошибку. Ты и мне не верил. Это дело твое. Я действительно тебе ничем не

помог. Какая уж тут вера. Главное не в том. Главное в сути дела. Вот я, например. Работаю по заданию партии, выполняю свой гражданский долг в меру своих сил. Я возглавляю колхоз, который доверила мне партия. Коммунисты всегда доверяют людям, как я тебе. Чем мы отличаемся друг от друга? Разве только возрастом: мне пятьдесят лет, а тебе двадцать. Ты только вступаешь в жизнь. Будем верить друг другу — и осилим вместе любые трудности. От веры рождается сила.

Доброжелательность Боражика возымела воздействие. Менниг-Кара постепенно оттаивал:

— Я демобилизовался из армии и приехал домой. Вскоре познакомился с одной девушкой из Чадана. Мы подружились. Я думал, что это наша первая чистая и светлая любовь. Мы поклялись друг другу в верности. И я поехал на учебу в Кызыл.

— Ну и что же? — спросил Боражик.

— Только я уехал, как все полетело вверх тормашками. Она не сдержала своего слова...

Боражик удивленно переспросил:

— Как так? Не может этого быть. Тут что-то не то.

— Да, она не сдержала клятвы и заживо похоронила мои мечты и надежды. Вот какие бывают подлые людишки.

— Она вышла замуж? Или просто не захотела больше с тобой встречаться? Что же случилось? — забросал его Боражик вопросами.

Когда я учился, мы переписывались. Она мне писала такие письма! Эти письма окрыляли меня. Я тоже всю нежность сердца и души изливал перед ней. И вдруг она замолкла. Я хотел бросить учебу и вернуться домой. А потом мне сказали, что она будто вышла замуж.

«Так вот что оказывается. Измена так перевернула бедного парня», — думал Боражик, слушая его.

— Ну а потом ты встречался с ней?

— Нет, больше я ее не видел. Да и к чему? Правда, потом она передала мне записку через одного человека.

— И она объяснила, в чем дело?

— Да. Она писала: «Я виновата перед тобой, что не сдержала своего слова. Так получилось. Я знаю, что поступила плохо. Он обманул меня, говорил разные нежные слова, и я поверила, стала жить с ним и забеременела. А он, узнав об этом, сбежал от меня. И я не знаю, где он теперь. Родила сына, живу у своих стариков. Мне очень тяжело. И одна я во

всем виновата. Если ты не забыл меня, прости и вернись, если можешь».

— Мне очень жалко ее. Если б я встретил того подлеца, который обманул ее, я б его так в землю втоптал, что никаким экскаватором его потом не вытащили бы оттуда.

Боражик задумался.

— Да, действительно нелегкий случай. Нельзя тут не сердиться. Бедная девушка...

— Что мне делать, посоветуйте.

И Боражик сказал напрямик, как привык:

— Вам нужно обязательно встретиться. Непременно. Как, говоришь, ее зовут?

— Торлукма. Имя-то у нее хорошее, нежное.

— В жизни всякое бывает. Надо побывать тебе у нее, поговорить лично. Везде нужно доброе слово.

Менниг-Кара задумался, и было видно, что мучается он оттого, что любит ее.

После этого разговора, спустя некоторое время, Боражик поехал в Чадан по колхозным делам и разыскал Торлукму.

Старуха приветливо пригласила незнакомого гостя. В комнате на кровати сидел розовощекий, пухлый малыш, а рядом с ним тоненькая молодая мать. Увидев незнакомого, ребенок потянулся к матери, и она взяла его на руки.

Боражик ткнул пальцем в щечку, пощекотал его и сказал:

— Хорош парень.

Ребенок резво запрыгал на коленях у матери. Старуха между тем проворно приготовила чай.

— Зубы у него начали прорезаться. Присаживайтесь к столу, дарга,— сказала мать Торлукмы.

Боражик сел на скамейку и, прихлебывая чай, повел разговор с хозяйками.

— Удалой, видать, будет мужичок. Как звать его?

— Боря,— ответила Торлукма и поправила светлую распашонку.

— Боря, Борис...

Боражик узнал, что хозяин работает сторожем в магазине, а женщины сидят дома, нянчатся с малышом.

Хозяйка вышла по делам.

— Как живешь, сестренка? — спросил Боражик.

Торлукма застенчиво откликнулась:

— Ничего, спасибо.

— А я пришел с поручением. Догадайся от кого.

Молодая женщина удивилась:

— Не знаю.

— А ты слышала про колхоз «Алаак»? Там работает один хороший паренек. Догадалась?

Торлукма залилась краской смущения, но спокойно ответила:

— Никого я там не знаю.

— Ну как же, сестренка? Как ты можешь не знать Менниг-оола, нашего ветеринара? А он тебя знает, думает о тебе.

Торлукма взглянула на Боражика — ни тени усмешки или шутки. Как не поверить ему?

Боражик сказал:

— Он просил передать привет и зайти к тебе. Вот я и пришел. Что передать ему?

Боражик все это выдумал сам, ему очень хотелось, чтобы эти два деревца были рядом.

Он ждал.

— Что я могу сказать? Просто передайте привет.

— Он говорил, что собирается к вам в гости.

— Не приедет он сюда, будет сторониться меня.

— Как же так? Он хороший парень, я знаю его.

Но Торлукма теперь никому не верила и во всем сомневалась. И она решила, что гость хочет просто над ней подшутить.

Но Боражик сумел преодолеть ее недоверие, между молодыми людьми протянулась ниточка связи...

Вскоре Торлукма с родителями переехала в колхоз. Старики стали чабанами. Молодые обзавелись домом, хозяйством. Спокойно рос Боря, стала веселой Торлукма, и Менниг-Кара вновь ожил.

Так, вспоминая эту историю, Боражик подъехал к их юрте. Торлукма засуетилась, захлопотала, чтобы получше принять друга их семьи. Она затеяла тувинскую лапшу. Боражик расспрашивал о семейных новостях, с удовольствием выпил прохладной араки и съел тарелку лапши. Взяв с собой ветеринара, поехал дальше.

Торлукма с сыном на руках вышла проводить гостя. Глаза ее были полны невысказанной благодарности.

Байкара ХОВЕНМЕЙ

МОЯ ГОРДОСТЬ

Как ярко-красные цветы
весенним солнцем залиты,—
так выше всех других знамен
Отчизны флаг,
                                всех краше он!

И вдохновляет он меня
Отчизне петь, стихом звеня.
Счастливый, радостный, иду
с народом вместе на виду.

И шествия размерный круг,
сплетения могучих рук
сегодня вновь увидел я
с высот страны моей, друзья!

Жизнь подарила радость мне:
я стал хозяином в стране,
чьи дочери и сыновья
прорвались в звездные края.

Гордиться буду тем вовек,
что я — счастливый человек.
Я — капля, но в удел мне дан
народной жизни океан!

ЗИМА

Поутру солнышко взошло.
Проплыло выше гор Саян.
Но почему же не светло?—
Вдруг солнце скрыл седой туман
И в сизой пелене оно
как будто чем-то смущено.

Взгляни вокруг себя, мой друг.
Земля и небо слились вдруг.
И пень в лесу, как дед-мороз,
под шапкой снега в землю врос.
У стройной ели ветки все,
как в вате,—в сказочной красе.

Пришла кудесница-зима!
На окнах выткала узор.
В снега укутала дома,
как теплой шубой, нежа взор,—
и покрывала нет теплей,
и нет нарядней и милей.

Детишки заняты игрой
и лепят снежных баб гурьбой.
И под веселый смех подряд
комочки снежные летят.
Годам преклонным вопреки,
довольны снегом старики.

В одном не различаем мы
весны и лета от зимы:
в мороз ли звонкий, иль в пургу,
наш труд, наперекор врагу,
не перестанет жить и цвести.
В нем наша сила, наша честь!

НА ВЕРШИНЕ

Я — на вершине. Снегов светлее,
Саян превыше ты, крутизна,
ты чище ясных вод Енисея,
к сиянию солнца вознесена!
Я — на вершине. Внизу мне видно.

начало пройденного пути:
следы несчастий, беды, обиды,
печаль, которой мне не снести...
Да, разрывались сердца аратов.
губили жизни им скорбь и гнев...

Ушло прошедшее невозвратно,
и песня счастья растет во мне.
С вершины светлой гляжу и вижу:
встают строенья, кипит металл,
и день заветный все ближе, ближе —
свершится ленинская мечта!
Я слышу песни людей счастливых
на всех наречьях, со всех широт —
вершину вижу еще красивей,
и к ней, все выше, идет народ!
Как солнце, Ленин нам светит ныне —
и все ступени ведут к Вершине!

СВЕТ

С камня на камень бросаясь, веками
силу теряла вода горных рек...
Людям во мраке светить огоньками
реки заставил теперь человек.
Молвил воде: «Темноту освети нам!
Мы — коммунисты. Нам солнце — родня...»
Стройные встали на реках плотины,
с ними и ночь — лучезарнее дня.
Вспомню, как утром в поселке колхозном
все подхватили счастливую весть:
«Вечер мы встретим в сиянии звездном!
Пущена станция! Ток уже есть!»
К вечеру люди с работы вернулись,
малые дети из школы пришли —
в домиках вдоль настороженных улиц
солнышки маленькие зажгли!
Смотрят, дивясь, старики и старухи:
чудо — не лампы, горят — не коптят!..
К лампочкам тянутся темные руки:
молятся — или погреться хотят?

Звездочка Матери-героини
вспыхнула вдруг на иссохшей груди
Мать! Ты красавицей стала отныне!
Смело в сияющий круг выходи!
Здесь не победу ли празднуют люди?
Улицы — радостней звездных небес!
Было такое. А что еще будет,
как засияет Саянская ГЭС!

1961—1969.

Юрий КЮНЗЕГЕШ

РАЗДУМЬЯ В МОСКВЕ

Спустилась ночь.
Погасли окна москвичей.
А там —
в моем краю —
уж на цветах роса;
и гуще стал туман,
в предчувствии лучей,
что скоро озарят
и горы, и леса.
Мигая, звезды
смотрят
на блестящий круг
красавицы-луны,
скользящей меж ветвей.
И юной девушке
приснился милый друг.
Тревожен этот сон,
но сладко спится ей.
А старики
встречают шепотом рассвет:
все говорят о счастье дочери
с тем пареньком
и чуть грустят,
свои припомнив двадцать лет...

Кипит
     в чугунном котелке
   чай с молоком.

Я думаю
     о жизни девушки,
   о том,
 чтоб сын родился у нее
   и чтобы муж
 красивым был
   и беспокойным был при том,
 да и в работе чтоб
   искусным был к тому ж...

Но не о них,
     а о другом веду я речь —
 теперь никто не скажет:
   «Мой аал далек —
 я от беды
     смогу семью
   и дом сберечь.

Нет, к нам не долетит
     пожара уголек:
 война от наших мест
   сегодня далека —
 за тыщи верст от нас
   Камбоджа и Вьетнам»...

Но сердце Фучика
     и острие клинка
 вновь, —
     «Люди, будьте бдительны!» —
   сказали нам.

Никто не может стать
     отшельником сейчас.

Вдали, мол, от Москвы —
   живу я сам собой...

Есть змеи недобитые —
     они на нас
 фашистской брызжут
     ядовитую слюной.

Продав
     за доллары
   и Родину,
   и честь,
 они нас проклинаят,
   аж до хрипоты.

Я юности вашей желаю расцвета —
пусть будет мечта ваша солнцем согрета,
как летний каспийский прибой.
Пред вашей красотой женихи пусть толпятся
и шепчутся пусть их родители-старцы
с улыбкою между собой.

Нет, я не Вагиф — мои песни простые,
но шлю вам привет из далекой Тувы я.
И стих мой в подарок вам дан.
Желаю, чтоб вы красоту умножали:
чтоб ваши и знанья, и труд украшали
прекраснейший Азербайджан.

* * *

— Отчего ты упрямишься, глаз свой скосив,
и уздечкой звенишь, удила закусив,
быстрый мой конь?..

— Дай свободу поводьям, в намет чтоб пошел,
чтоб, как птица, летел я, храпя на бегу.
Здесь, в степи, у подножья пригорка Шоол
я трусить тихой рысью совсем не могу...

— Отчего ты упрямишься — прячешь мотив,
вновь сердечные раны мои растравив,
муза моя?..

— Дай свободу ты сердцу в конце-то концов,
пой веселые песни, как дрозд на лугу.
Ведь унылому парню с печальным лицом
я доверить свирели своей не могу...

НАСКАЛЬНЫЕ РИСУНКИ

Прошедшим летом, помню, я бродил близ звезд
и ждал рассвета, где-то там на берегу,
где черная скала — приют орлиных гнезд —
за гриву водопад схватила на бегу.

Там к скалам сумерки сползают в ранний час,
их освещает скудно по утрам рассвет,

как будто хочет скрыть от посторонних глаз
рисунки на скале, которым тыщи лет.

Лишь сели первые лучи на зубы скал,
и ожила вдруг повесть каменных страниц:
зверей увидел я и злых крылатых птиц —
они, дивясь, глядят на Енисей вал.

Мы объезжаем реки, как степных коней,
и скоро с моря Шагонарского матрос
похвастает, что письма предков из камней
отсюда в Эрмитаж увозит паровоз...

Здесь тучи, как табун из черных кобылиц,
вокруг Саян пасутся испокон веков...
Шарахнулись вдруг звери с каменных страниц
и спрятались вдруг в тень от облаков.

ВОСЕМНАДЦАТИЛЕТНИЙ ЧЕЛОВЕК

Человеческое дитя,
в восемнадцать весенних лет
ты увидишь весь белый свет,
как орел, сквозь бури летя.

Оседлавши коня, туда
ты поскачешь во весь опор,
где открыт средь степей и гор
для тебя светлый путь труда.

Человеческое дитя
восемнадцати светлых лет,
и в горах ты оставишь след,
и над бездной пройдешь шутя.

И сквозь бешенство бурных вод
проплывешь, словно рыба, ты.
День настал, и твои мечты
озаряет лучом восход.

Восемнадцатилетний бог,
мой подарок тебе — один:
солнца свет, высота вершин,
беспредельность морских дорог.

СЕРДЦЕ

Когда я бодрствую, но сон уже пришел,
как птичка, в гнездышко успевшая усесться,
мое спокойно сердце:
оно мне тикает, что все, мол, хорошо.
И в то же время шепчет мне тихонько в уши:
«А что ты сделал, что успел из дел своих?
Ты почему спокоен так и благодушен?
Задумайся на миг!»...

О, сердце беспокойное поэта,
пусть поровну с тобой поделим мы
и радуги сияющего лета,
и вьюги снежные зимы.
Пусть у меня хирург возьмет тебя навек
и в тело пересадит пусть любое,
но только чтобы был спасен тобою
в беду попавший человек.

Хочу лишь одного, чтоб и тогда вела
тебя моя любовь, мои мечты большие.
И чтоб подруга юная моя жила,
которой не открыл всю глубину души я.
Пускай все то, о чем мечтал я с детства,
что не докончил я, упав с коня,
она теперь возьмет себе в наследство
и завершит прекраснее меня.

Пусть будет прах мой взят землей родною,
и будет крест поставлен на моей судьбе,
ты не печалься, сердце, все равно я
все лучшее оставлю полностью тебе.
Как с горных скал, куда не долетит и птица,
река на землю милую бежит,
так по сосудам к сердцу кровь струится,
ему приказывая: «Жить!»

Я буду жить, ведь сердце все вместило:
и девушку, что стала песнею моей,
и слабости ее, и красоту, и силу,
и слово нежное мое, не сказанное ей.

И чистоту ее, что с родником лишь схожа,
и гордость, что она взяла у гор своих,
и мысль моя в нем уместилась тоже:
трудом добытый хлеб — мой стих.

* * *

У любви твоей в плену я:
не забыть мне поцелуя,
не забыть его огня.
Не забыть и блеска взора:
словно черные озера
посмотрели на меня.

Быть хочу с тобою рядом:
обнимать влюбленным взглядом
стан твой гибкий и прямой.
Голос твой проник мне в душу,
словно сарадаку¹ в уши
голос матери родной.

Чтоб с тобою не расстаться,
просыпаюсь, если снятся
косы черные, как ночь.
Если ж ты меня обходишь,
если в сон мой не приходишь —
мне тоски не превозмочь.

Помню, робко приближалась,
помню, ты ко мне прижалась —
щеки алы, как в огне.
Чуть смущенная улыбка,
зуб — серебряная рыбка —
будоражат сердце мне.

Между нами верст немало,
между нами перевалы —
снег и бури невзначай.
Самолетов долго нету...
Все равно к тебе приеду.
Обязательно. Встречай!

---

¹ Сарадак — мараленок.

* * *

Сколько лет тебе, крутой утес?
Ты разносишь голос дальних гроз,
иногда твое приносит эхо
цоканье копыт, бегущих с гор,
звонкий голос девичьего смеха,
колокольцев мирный разговор.

Сколько лет тебе, крутой утес?
Ты до неба синего дорос.
Умываешь ты свой лик угрюмый
то дождем, то бурей снеговой
и, как будто погруженный в думы,
все стоишь, склонившись головой.

Сколько лет тебе, крутой утес?
Ты не отвечаешь на вопрос.
И хотя ты жизнь даруешь эху,
гул и гром бросая с высоты,
но, увы, подобным человеку
голосом не обладаешь ты.

Ты, утес, живешь миллионный век,
а ведь в мире только человек —
в шестьдесят и в шесть неполных лет —
разум свой и речь свою имеет —
непреклонный, только он умеет
пред добром и злом держать ответ.

Донгак БЕГЗИ

ПОВЕСТЬ О ДРУЗЬЯХ

(Отрывок)

Уважаемый читатель, предлагаю твоему вниманию повесть моего друга. Начало ее я написал без его согласия. «Почему?»— ты спросишь меня. Не спеши, я все объясню тебе.

Прошло четверть века с того дня, как я познакомился с другом моим. В конце тридцатых годов, когда Тува была еще сплошь кочевой, в моем родном Кара-Суге впервые открылась начальная школа. Одним из учеников этой школы был я. Одиннадцать миновало мне. До середины декабря учителем нашим был Артаа, которого мы меж собой почему-то звали «старик-учитель». А какой он старик? Это был еще молодой тридцатилетний мужчина. Правда, у него болели ноги. Когда болезнь обострялась и учитель не мог придти в школу, мы не учились. Вскоре услышали мы, что к нам из хошуна¹ едет другой учитель. «Интересно, какой он, новый учитель? Молодой или как Артаа-старик»? С нетерпением ожидали мы. Вскоре он прибыл. Первым встретил его я. Знакомство наше состоялось не совсем обычно. Однажды Артаа не пришел на уроки и я, воспользовавшись этим случаем, сразу же после завтрака решил удрать к дедушке, который жил

---

¹ Хюшун — район.

внизу по берегу Улуг-Хема. Стоял трескучий мороз. Я закурился и стал белым, как все вокруг меня. В этот момент я увидел пару, запряженную в сани. Коня легко бсжали между холмами навстречу мне. Седоки, как и я, покрылись куржаком. Я еле успел свернуть с дороги. Коня встали. На санях рядом с председателем партячейки Чамбалом сидел молодой человек в желтом полушубке замшевой выделки, меховой шапке и валенках. Они меня остановили и усадили в сани.

Этот молодой человек и был нашим новым учителем.

В моей памяти особо ярко сохранились первые уроки нового учителя. Перед началом урока мы, затаив дыхание, сидели в классе и ждали его. Вдруг скрипнула дверь. Он вошел в класс.

— Здравствуйте, ребята,— поздоровался с нами он.— Садитесь.

Мы так же проворно и дружно уселись, как и встали. Наша школа всегда стоит перед моими глазами. Вижу ее убогое внутреннее убранство. Ведь она у нас состояла всего из одной большой и низкой комнаты с небелеными стенами, подслеповатыми окнами. Столы, начиная с учительского, были грубо сколочены, низкие, неровные, скрипучие и некрашеные. За ними сидели мальчики в синих далембовых рубахах и штанах и девочки в немудреных платишках и юбках. В одном из углов класса на низенькой вешалке висели наши шубы. Прямо перед нашими глазами на стене без рамок висели портреты К. Маркса и В. И. Ленина. В другом углу стояла неуклюжая, с помятыми боками, железная печка. Возле нее на полу лежала куча дров. За столом учителя висела доска из тонкой жести, издававшая скрежещущие звуки, когда на ней что-нибудь записывали. Около доски — ходики с гириями на длинных цепочках.

Наш новый учитель снял шубу, повесил ее и остался в очень нарядной, по нашим тогдашним представлениям, одежде. На нем была новая кремовая рубаха, черные брюки, хромовые сапоги.

Высоким и худощавым показался он нам. Стройный стан его был ладно подхвачен ремнем. Иссиня-черные волосы завивались крупными кольцами. Из-под густых широких бровей мягко смотрели светло-карие глаза. Тонкий нос с небольшой горбинкой очень гармонировал с овалом лица и ярко очерченными губами. Нежный, почти девичий румянец играл на его щеках. Ему было тогда девятнадцать лет.

Познакомившись с учениками, учитель и сам представился: «Зовут меня Дембеком».

Забавно для меня прозвучало имя Дем-бек. Будто речные камешки я держал в руках, высоко их подбрасывал в синеву, а они, ударяясь друг о друга, как бы выстукивали: «Дем-бек. Дем-бек...» Я расемейся, и взоры всех ребят обратились в мою сторону. Учитель понял, в чем дело, посмотрел на меня и, улыбувшись, сказал:

— Странное имя у меня, да? Что поделаешь. Родители таким именем наградили. Ничего не попишешь. Все равно хоть Тевек, хоть Дембек — приходится пользоваться. От этих слов вдруг стало весело, и ученики вместе с учителем громко засмеялись.

Учитель заставил меня первым читать по букварю. Бойко прочитав, я заслужил похвалу. Он вызвал меня к доске. Заставил писать слова. И тоже обошлось без ошибок.

Научившись письму и чтению еще в летней школе, я легко усваивал программу начальной школы. В этот же день я еще раз отличился на последнем уроке, испачкав чернилами нос своему соседу по парте и обидев девчонку. Нос парнишки торчал на круглой мордашке фиолетовой запятой. Девчонка, опустив голову на парту, тихонько плакала. Учитель ничего не замечал, как мне казалось. Но, немного погодя, не повышая тона, спросил:

— Кажется, кто-то нарушил дисциплину в классе? Кто это, ну-ка, скажите, ребята?

Промолчал мой сосед, глядя себе под ноги. Я сидел, как ни в чем не бывало, чувствуя себя героем.

— Так. Значит, никто не нарушал в классе порядка?

Снова промолчал Бюрбюжал. Учитель попросил его подойти к нему. Вытащив из кармана маленькое зеркальце, направил его на лицо мальчика:

— Красив? Ай-яй-яй-яй, чем же ты занимаешься во время урока?

Словно язык проглотил мой сосед.

Усадив Бюрбюжала на место, учитель уточнил имя обиженной девчонки, потом спросил:

— Севиль, что у тебя болит?

— Ничего, — еле слышно прошептала она.

— А почему у тебя одно ухо, как пламя, горит?

Молчание.

— Мне показалось, что Севиль плакала. А вы не заметили, девочки?

Тишина.

Учитель еще двух парнишек спросил, кто вымазал чернилами нос Бюрбюжала. Оба сказали, что не знают. Я приготовился к ответу. Думаю, ни за что не признаюсь. Но не спросил он меня.

— Выходит, во время урока не было никаких беспорядков. Значит, я ошибся,— вымолвил учитель и объявил, что урок окончен.

От этих его слов заныло у меня под ложечкой, беспокойно стало на душе, будто мохнатый тарантул лапами царапал в груди.

— Башкы!¹— поднял я руку.

— Что тебе, Ширин-оол?— обратился он ко мне. Я встал и выложил все начистоту:

— Нос Бюрбюжалу я вымазал. И Севиль за уши драл.

— Так ли это?— обратился башкы к классу, и ученики подтвердили.

Меня и моих товарищей он настыдил за то, что мы скрыли от него правду. Но тут же он и похвалил меня за то, что я нашел в себе мужество признаться во всем. Этот случай на уроке помог ему приструнить меня и еще двух-трех озорников в классе. Так началась дружба моя с учителем Дембеком.

* * *

Каких только перемен и изменений не претерпела в жизни наша Тува с тех пор, как была открыта в моем родном Кара-Суге начальная школа. Ты сам это хорошо знаешь, читатель. И все же разреши рассказать тебе, как сложилась судьба моего первого учителя Дембека. Я, ученик его, Ширин-оол Юрий, сын Кендена, имел счастье учиться в знаменитом Московском университете и вышел из стен его с дипломом в руках. Советское государство и мой народ сделали меня писателем.

Один из моих однокашников Кара-Сугской школы стал кандидатом исторических наук. И судьба всех моих товарищей по начальной школе наполнена счастьем, как и судьба всего тувинского народа. А Севиль, которой я драл уши,— заслуженная учительница РСФСР. Она — мать моих детей и самый для меня близкий человек.

Среди моих друзей есть передовики сельского хозяйства и промышленности. А бывший завхоз Кара-Сугской школы — ныне чабан, Герой Социалистического Труда.

---

¹ Башкы — учитель.

Автор этой повести, первый учитель Кара-Сугской начальной школы Дембек, является кандидатом философских наук.

Теперь, читатель, прошу выслушать краткую историю повести моего друга. В незабываемый вечер того дня, когда Советский Союз отправил в космическое плавание второго космонавта, к нам явился наш старый друг Дембек. Мы узнали от него, что он уже целые сутки в нашем городе находится в командировке.

В этот незабываемый вечер он нам привез радостную весть: моя вторая маленькая повесть появилась в печати. Гость раскрыл вместительный шевровый портфель, чтобы вручить мне мою книгу, но вместо нее он выложил на стол два больших портрета, на которых была изображена незнакомая девушка. Севиль, вопросительно взглянув на Дембека, спросила:

— Это кто, башкы?

— Хочешь посмотреть..?— Дембек подал карточки Севиль.

В эту минуту стали передавать по радио биографию космонавта № 2, и наш гость отвлекся от фотографий. Потом Севиль пригласила нас к столу. Когда мы встали из-за стола, она возобновила разговор о фотографии.

— Михаил Тайбынович, скажите, пожалуйста, кто же эта девушка?

Гость наш тяжело вздохнул, и рука его потянулась к портсигару, лежавшему на краю стола. Мы с Севиль переглянулись. Помолчав, Михаил Тайбынович медленно произнес:

— Их мне в Москве увеличили и сделали цветными.

— Милое лицо у нее, башкы,— тихо произнесла Севиль.

Дембек встал, несколько раз прошелся по зеленой ковровой дорожке, подошел к нам, положил руки на наши плечи и с грустью произнес:

— Я вам расскажу, друзья мои, обязательно расскажу, кто на этой фотографии. С ней связана моя тайна.

— О, как интересно, башкы! Говорите,— с мольбой взглянула на него Севиль.

— Рассказывайте, башкы,— к просьбе Севиль присоединился и я.

— Рассказ об этом фото займет очень много времени,— предупредил наш друг,— а время уже позднее...

Не дала Севиль договорить ему:

— Мы до рассвета готовы слушать.

— Давайте договоримся так,— предложил нам гость.— Сегодня о многом переговорено. Да и устал я, Юрий,— обра-

тился ко мне Дембек,— поддержи меня.— Тайну мою завтра вечером услышите от меня.

— Хорошо,— согласился я. И наши дружеские споры были разрешены вполне «демократично».

Утром Михаил Тайбынович, уходя, пообещал быть у нас к пяти часам.

...Но прошел рабочий день. Наступил вечер. Вот уж пять, шесть часов, девять, а друга нашего все нет и нет. Я прибежал в гостиницу, где он жил, спросил о Дембеке. Дежурный администратор подал мне записку от него. В ней было всего несколько слов. Михаил Тайбынович извинился, что не смог придти к нам, так как был срочно вызван обкомом партии, и пообещал в следующий раз непременно рассказать нам историю, связанную с фотографией.

Севиля, услышав об этом, как-то приуныла.

— Зря я спросила у Михаила Тайбыновича о фотографии. Нетактично получилось. Ему, вероятно, не хотелось об этом говорить.

— Нет, Севиля, не то ты говоришь. Мне кажется, он еще внутренне не подготовился, чтобы перед нами открывать свою душевную тайну.

В середине августа, приехав в командировку в Кызыл, я не застал Михаила Тайбыновича дома. Он уехал отдыхать на берег Черного моря. Кроме того, взял дополнительный отпуск для научной работы.

Спустя два месяца, мы получили от нашего друга подарок. Вместе с подарком он прислал три общих тетради, исписанные бисерным почерком, и небольшое письмо, которое мы с нетерпением тут же прочли.

«Дорогие мои Юрий и Севиля!

Я написал о том, о чем не успел вам рассказать, вы догадываетесь, безусловно, что дело связано с «таинственной» фотографией. Но я не ручаюсь за художественное достоинство написанного. Вплоть до мельчайших подробностей все всплыло в памяти, взбудоражило душу и вылилось на бумагу. Зачем скрывать мне все это от вас? Может, в будущем мои воспоминания пригодятся Юрию, послужат сюжетом для нового его произведения. Еще немного осталось мне написать. В свободное от работы время я займусь моими воспоминаниями и закончу их в свой отпуск в будущем году».

Нас целиком захватило воспоминание нашего друга и первого учителя. Знал или не знал автор об этом, но только одно было ясно, что перед нами уже готовая повесть.

Я просил его найти название повести, но он не взял это во внимание.

«Делай по своему усмотрению, — сказал он мне. — Описанные мною факты являются самыми яркими и интересными страницами моей жизни». Я, воспользовавшись правом, данным мне Михаилом Тайбыновичем, дал название и написал начало повести моего друга. Пусть оно звучит прологом. Все остальные главы соответствуют авторскому тексту.

Вследствие резкого ухудшения здоровья и по настоянию врачей Михаил Тайбынович Дембек вынужден был на время сменить свою высокогорную родину на степную Кызыл-Орду. Трудится он там по своей профессии, держа постоянную и крепкую связь со своими друзьями-товарищами, земляками и каждый отпуск приезжает домой. А учащиеся первой начальной школы в Кара-Суге поручили мне, Юрию Ширин-оолу, подготовить к печати и выпустить повесть нашего первого учителя. Я и Севиль ждем не дождемся момента, когда повесть увидит свет, чтобы от имени учеников вручить ее нашему первому учителю.

ОДНАЖДЫ НА ЧАЙЛАГЕ¹

Дорогой Юрий и милая Севиль! В мой приезд к вам я и в помыслах не держал познакомиться вас с копией тех фотографий, которые дороги и близки мне, как память сердца. И увидели вы их исключительно из-за моей рассеянности. Я удивляюсь себе, что в тот вечер не сумел отвлечь вашего внимания от фотографий. А вместо этого пообещал вам рассказать свою историю. Не умею лгать, так с детства воспитывали меня родители. Вы педагоги и, конечно, мои родители в ваших глазах — прекрасные воспитатели. Но в их воспитании был, на мой взгляд, один изъян. Своим родственникам, близким и далеким, гостям мать обо мне всегда говорила как о слабом существе. И мне это навсегда врезалось в память. Как сейчас помню, она однажды сказала: «Бог его знает, почему он у меня такой. В прошлом году, когда ему исполнилось пять лет, он сильно чем-то заболел. Стоял трескучий мороз. А ему было все хуже и хуже. Он посинел и почти не дышал, вот-вот умрет. Но его вырвал старик Одучу из лап смерти. А лечил он его настоями из трав и корней да порошками, которые доставал у монгольского ламы. После болезни

---

¹ Ч а й л а г — летнее пастбище, стоянка.

мальчишка стал тупым, робким, чрезмерно застенчивым. Ни за что не заставишь его что-нибудь попросить у соседей. Будет стоять и молчать.

Услышав о себе такой нелестный отзыв, думая, что я на самом деле хуже всех ребят, стал еще застенчивее и потерял веру в себя.

И еще мне помнится, как иногда летом отец с матерью из хойтпака¹ варили араку. Вдвоем выпивали. Беседа их становилась горячей. Они начинали меня ласкать.

«Да я соринке не дам на него упасть, Тайбын,— твердила мать. — Ведь он, мой дитенок, к нам с того света вернулся. Будем беречь его да холить».

«Дембекей, Дембекей мой ласковый, мой нежный, — приговаривал отец. — Никогда мы его не отпустим от себя, мать, даже когда он станет большим. Сыночек ты мой, воскресший из мертвых, мы будем на тебя молиться».

Исполнилось мне десять лет. В этом году я чуть было не стал учеником начальной школы, которая открылась в райцентре. Поступить учиться советовал мне мой дядя, приехавший к нам на каникулы из Кызыла, где он учился в партийной школе. Дядя стал совсем другим человеком. Все интересно было мне в нем. Он отличался от других одеждой и разговором, и особенно своими знаниями. И самое удивительное было то, что он выучился монгольской письменности. Я завидовал ему. И мне очень хотелось во всем быть похожим на дядю. «Я обязательно пойду в школу», — заверил я дядю. Он обрадовался.

— Ты молодец, Дембек, — сказал мне дядя.

«Дядя Дембилдей, — думал я про себя, — человек ученый, и к его советам отец с матерью прислушаются непременно и отправят меня в школу». Но радовался я зря. Как ни уговаривал дядя отправить меня в школу, мать не хотела даже слышать об этом.

Прошел еще один год. Появилась тувинская письменность. Я и мои сверстники, мальчики и девочки, кое-как научились царапать буквы и читать по слогам. Березовая кора служила нам бумагой. Мы на ней карандашом выводили первые буквы, затем целые слова. Потом я учился в ликбазе и красной юрте. Стал в нашем сумоне одним из первых молодых людей, овладевших грамотой. Теперь мать, отец, да и соседи иными глазами стали смотреть на меня. Все реже и реже мать причитала, что я робкий и застенчивый. Родители стали называть

---

¹ Хойт пак — заквашенное молоко, из которого делается арака.

меня «грамотеем». Очень я увлекся чтением. Читал и перечитывал такие книги, как «Тыва ужук дурумуну»¹. Изданная в начале тридцатых годов в Москве детская книга «Наша работа» А. Пальмбаха стала для меня настольной. Затем появился букварь для взрослых С. Танова «Чаа орук»². Эти книги стали для меня целой школой.

Поскольку тувинская письменность только что появилась на свет, о художественной и детской литературе не могло быть еще и речи. Да я об этом тогда и понятия не имел. От корки до корки наизусть знал книгу «Наша работа». Я читал и зубрил все, что попадалось мне под руку. Политические брошюры в помощь слушателям партийной школы, выпускаемые отделом агитации и пропаганды ЦК ТНРП, добросовестно мною читались. А также по несколько раз перечитывал и заучивал наизусть книжки о трахоме и различных заболеваниях животных. В моей детской памяти глубокий след оставили книги о Ленине («Учитель Ленин») и «Старая и новая Тува». Благодаря чтению этих первых книг на тувинском языке, я стал увлекаться политикой.

Как-то летом, после перекочевки на чайлаг, в одном из широких ущелий хребта Танну-Ола проходило большое собрание. Мне уже в ту пору исполнилось пятнадцать лет. На этом собрании постановили создать кружок по ликвидации неграмотности и единогласно утвердили меня руководителем кружка. И я, как пловец, не зная глубины, бросился в воду, на ходу преодолевая препятствия и кое-как, ощупью находил пути обучения людей грамоте.

Однажды в день занятия нашего кружка в аал³ прибыло три русских медика с переводчиком-тувинцем. Главным из них был мужчина. И две женщины. Одна среднего возраста, другая почти моих лет, необыкновенной красоты. Медики, приехавшие из Кызыла, были представителями советских граждан, проживающих в Тувинской Народной Республике. Они делали прививки против оспы, проводили медосмотр и лечили. Во время наших занятий главный врач нас сфотографировал. Я нарочно дождался, чтобы мне прививку сделала красивая эмчи.⁴ Девушка смотрела на меня черными, как спелая черемуха, большими глазами, окаймленными густыми стрелками ресниц. Брови черными полумесяцами выгнулись на яс-

¹ Ты ва ужук дурумуну — правописание тувинских букв.

² «Чаа орук» — «Новый путь».

³ Аал — селение, состоящее из нескольких юрт.

⁴ Эмчи — врач, вообще медик.

ном выпуклом лбу. Ласковая улыбка чуть тронула розовые припухшие губы. Подходя, она протянула мне свою белую тонкую руку. Лицо мое запылало, сердце быстро-быстро застучало в груди. И я только сейчас поверил, что среди русских бывают люди с черными глазами и черными волосами. Она мне говорила что-то, а переводчик переводил.

— Она говорит, что ее зовут Надей. И ты свое имя скажи, парень, — наставлял переводчик Баир.

— Меня зовут Дембек. — четко произнес я.

— По-тувински меня зовут Идегел, а по-русски Надя, — улыбаясь, сказала девушка.

— Надьяа, — на тувинский манер назвал я ее имя и, сам не замечая, повторил несколько раз: Надьяа, Надьяа...

— Ах ты, нескладный, — упрекнул меня переводчик, — раз уж не получается у тебя Надя, называй ее просто Идегел.

— Ачырбас, аарыыр чок,¹ — коверкая тувинские слова, указывала меня Идегел, делая мне прививку.

А на завтра я целый день не отходил от Идегел, наблюдая, как она работает, и решил про себя, что мне надо с ней встретиться, когда она будет свободна от работы. Но на другой день утром отец велел мне ехать в далекий аал вниз по долине. После обеда, вернувшись домой, я пошел на речку и, выбрав укромное место, начал купаться и мыться, несколько раз намыливая тело мылом. Уж очень хотелось перед русской девушкой Идегел-Надьяа показаться чистым и приглядным. Но когда я пришел с речки, узнал, что все медики уехали в другой аал. До поздней ночи их не было. И палатка медиков пустовала. Уж на рассвете я бродил вокруг палатки, мечтая о встрече с юной эмчи. Я пришел к ней, как на парад. Из аптара² достал брюки русского покроя, пеструю рубаху и новенькие сапоги. И думал я, что в таком виде буду неотразим. Эту одежду подарил мне мой дядя Дембилдей за то, что я постиг грамоту.

...Я бродил по лугу, а в голове складывалась песня. Мне хотелось подарить ее русской Надьяа-Идегел. Сочиняя песню, я накопил много кандыков. По пути вымыл их в журчащем быстром ручье и нанизал на одну снизку. Медики все еще спали. Солнце едва поднялось над горами, и лучи его заиграли в траве, превращая каждую росинку в драгоценный камешек, в котором сверкали все цвета радуги. Птицы защебетали на все лады, приветствуя утро и солнце. Наступил но-

---

¹ Ачырбас аарыыр чок — ничего, не будет больно.

² Аптара — сундук.

вый день. А я все думал и думал: подойдет ли ко мне Идегел? И какая-то грустно-радостная волна подкатывалась к сердцу от ожидания. Я снова решил навести чистоту. Вытащил из кармана кусок мыла, снял рубашку и опять стал мыть лицо и руки, намочил волосы и, глядясь в воду, как в зеркало, пригладил их.

Старшие медики встали. Я ждал Идегел, хотя на лице своем хотел изобразить безразличие. Наконец, как свежее утро, вышла из палатки она, Идегел. Взмахнула рукой, словно крылом, перебросила через плечо голубой шарф и летящей походкой пошла навстречу мне. Голова ее на тонкой шее была похожа на синий лесной колокольчик. Не сразу она меня заметила и, уже столкнувшись лицом к лицу, остановилась, глянула черными глазами из-под стрелок ресниц — и у меня захватило дыхание, сердце куда-то закатилось...

Не успел поздороваться с ней — она свернула в сторону ручья и стала умываться, что-то напевая. Потом скрылась в палатке. «Не заметила, прошла мимо», — защемило в груди у меня, и я, низко склонив голову, побрел домой. Еда не шла на ум. И не сиделось мне на месте. Я снова пошел к палатке. Примерно через полчаса смотрю: прямо ко мне идет Надьяа-Идегел. Я набрался смелости и поздоровался с ней:

— Экии, эмчи Надьяа!

— Экээ, экээ, — ответила на мое приветствие Идегел, пожала мне руку, засмеялась и опять, как и позавчера, варварски коверкая мой родной язык, сказала, что она не узнала меня, при этом добавила еще несколько непонятных русских слов. Мне показалось, что все вокруг запело! Я протянул снизу кандыков, напоминающих большие белые бусы, она, что-то пронзаясь по-русски, взяла ее обеими руками и надела на шею и уже по-тувински сказала:

— Чинчи чараш — красивые бусы!

И тут же, помогая друг другу, мы вдвоем выкопали и низали еще одну снизу кандыков. Помыли их и сели на поваленное дерево, прямо у бережка. Я стал выкладывать Идегел свои мысли.

— Ча, Дембек, ободряла она грудным бархатным голосом.

Я показал девушке переписанные начисто чернилами слова песни. Она смотрела на листок бумаги, но ничего не понимала, и на ее прекрасном лице все это было видно. Я смотрел бы и смотрел на нее, совсем не отрывая глаз. Я сам прочитал ей песню!.. Она сокрушенно покачала головой и сказала: «Не понимаю, Дембек». — «Песня, понимаешь, песня, Надьяа!» Я го-

ворил, а потом запел и, пальцами тыча себе в грудь, старался ей объяснить, что сам, сам это написал.

— Эту песню тебе я написал, возьми ее,— протянул ей листок. И Идегел приняла мою песню. Вот она:

Хороша душа-девица:
черноглаза, белоллица...
Надю милой мне назвать бы
и сыграть бы с нею свадьбу!
Целый век я стал бы слушать
голос милой Надююши.
Жить бы вместе нам друг с другом...
Стань судьбой моей, подруга!

О, как мне не хотелось расставаться с девушкой-эмчи! Мы бы вместе с нею собирали цветы у подножия гор, поднимались на их вершины или копали, как сегодня, сладкие корни кандыка и саранки...

Придя в аал, Идегел показала мой стихок переводчику. Ей очень хотелось узнать его содержание. «Хоть бы при людях не читал вслух»,— думал я; а переводчик, глазами пройдясь по листку, откашлялся и громко прочитал мои частушки. Громовым ударом разразился смех. У меня запылали уши.

— Этот парень,— пояснял переводчик Баир,— русской девушке песенку посвятил. Здесь раньше никто не писал песен. А вот научился грамоте и — пожалуйста, стихи мальчишка сочинил.

— Что верно, то верно,— согласился муж моей старшей сестры Санаажык.— Не успел проклонуться, уж и гнусавить начал,— закончил он не совсем лестно для меня. Услышав последнюю реплику, мальчишки запрыгали вокруг меня, строя рожицы, хохоча и дразнясь: «Ишь, тихоня-то!» Видя все это, мать и отец опустили глаза.

Подошел главный врач и, узнав от переводчика, над чем смеются, начал возмущаться:

— Что вы нашли смешного, что плохого? Дембек песню написал! Да это прекрасно! И вообще он молодец. Вас всех учит грамоте. А вы над его искренностью смеетесь! Нехорошо. Стыдно!

Идегел тоже за меня заступилась. Видно было, что русские медики пробрали своего переводчика: не поднимай людей на смех.

— Сен ыр эки, куш эки,— хороша, очень хороша твоя песня,— сказала Идегел, и все замолчали, прислушиваясь к ее словам.

Сделав всем прививки от оспы, медики начали собираться в дорогу. Старший из них договорился с моим отцом, чтоб я проводил их. «Мне побеседовать надо с юным учителем», — громко, чтоб все услышали, произнес эмчи. И я понял, что он это сделал в отместку насмешникам. Пусть видят, как юный учитель сопровождает девушку-эмчи.

По дороге мои новые друзья расспрашивали, где и когда я учился, сколько песен написал. Стыдно было мне отвечать им, что в школу я совсем не ходил, грамоту выучил в ликбезе...

Главный эмчи ехал рядом со мной на маленькой рыжей лошадке, и длинные ноги его чуть не касались земли. Он, обращаясь ко мне, поворачивался всем корпусом, и я видел, как красиво посажена его голова на широкие плечи, как проседь идет его смуглому лицу с широкими бровями и синими бусинками глаз. Голос его, густой и низкий, ласкал мой слух.

— А песни, Дембек, не бросай писать, — советовал он мне. — Насмешники скоро поймут, как они были неправы. Непременно в этом же году приезжай в хошунный центр и поступай учиться.

Идегел поддержала главного эмчи:

— Учись, учись, Дембек, и мы будем с тобой большими друзьями.

От нашего чайлага в верховьях реки Элегест медики держали путь на Овиюр. Я расстался с ними на берегу стремительной горной речки Адар-Суг, сбрасывающей кипящие потоки воды с двухсотметровой высоты. Невообразимый шум стоял над водопадом, и брызги, летевшие во все стороны, горели на фоне иссиня-голубого неба, как разноцветные звездочки. Водопад на солнце переливался живой радугой, низвергая потоки, заставлял их делать прыжки и, спустившись вниз к скале, разливался изумрудным озерцом. Главный эмчи у водопада сфотографировал сначала всех вместе, а потом только нас с Надеей.

Отец разрешил мне проводить гостей только до Адар-Суга. Здесь мы и попрощались. Я сердцем ощущал радостное настроение Идегел. Радовалось и мое сердце. И не заметили мы, как наши руки соединились в пожатии. «Ты судьба моя, — думал я, заглядывая в глубь блестящих ее зрачков, в которых стражалося мое лицо. — И другой нет уже на всем белом свете!» Я осмелел, зная, что Идегел не поймет меня, и говорил, говорил ей слова любви, и чувства мои рвались из глубины души, подобно водопаду Адар-Суг. «Я люблю тебя, моя ненаглядная, звездочка черноглазая, никогда не расставался бы

я с тобой, Надьяа моя — Идегел. А что ты мне скажешь в ответ, герань моя лесная?..». Она наградила меня милой улыбкой своей, сказав несколько русских слов. Мы простились. Идегел, Надежда моя, легко вскочила на коня и помчалась дгюпять своих.

Только она скрылась с глаз, как я затосковал о ней, думая: «Как буду без нее жить!.. Ведь она — человек другой крови. А прикипел я к ней всей душой... Надья... на моем языке Идегел... Никого мне, кроме тебя, не надо. Нет, не надо. Хоть бы раз еще взглянуть на тебя!..» И я радостно запел песню про мою Идегел, вскачь пустив Воронка к родному аалу.

— Мне надо поговорить с вами, — сказал я родителям. — Разрешите мне нынче поехать в хошунный центр учиться!

Мать с отцом молчали. Только вечером, придя домой, я понял, что вопрос о моем отъезде решен.

— Если возьмут тебя, поезжай, учись, — сказал отец.

— Что поделаешь теперь, — вздохнула мать. — Зимой не увижу тебя, а летом, как кончишь учебу, будешь жить с нами, мой тихонюшка...

Потом посмотрела на меня глазами, полными материнской ласки, и, пряча слезы, совсем тихо добавила:

— Только не уезжай из Тувы. Ради бога, не уезжай.

НАВСТРЕЧУ МЕЧТЕ

Пришел я осенью в хошунный¹ центр для поступления в начальную школу, меня не приняли: перерос. На следующий год я снова попытал счастья; думаю, поступлю в партотделение учебного комбината, что находится в самой столице республики — Кызыле. Но и тут меня ожидала осечка. Отправили меня обратно домой: не дорос. Это озадачило не только меня, но и моих родителей поставило в тупик.

...В то время в нашем местечке было принято моим сверстников и сверстниц женить и выдавать замуж. По обычаю старины, когда мне исполнился год, я уже был помолвлен с существом, находящимся еще под сердцем матери. До четырнадцати лет мы росли вместе с нею. Потом родители моей невесты переехали в Овюр, на южную сторону хребта Танну-Ола. А в день моего шестнадцатилетия под диктовку родителей я написал письмо в Овюр. Слова этого послания, выведенные моей рукой, навсегда врезались в память мою:

---

¹ Хошун — район.

«Вы уж не обессудьте нас. Наш сын Дембек не сможет составить счастье дочери вашей. Слишком он не приспособлен к делам семейным и хозяйственным. Втемяшил в башку свою, что он должен ехать на учебу в Кызыл. Пусть едет. Лучшей доли заслуживает ваша Мижит. Немало парней в Овиоре, работающих и стоящих ее».

Сдержали слово свое мои родители. И вот через несколько дней я вылетел из родного гнезда, оставлю отца и мать и поеду учиться. В последние дни августа настал час расставания с родителями. Вместе с утренней зарей, готовящейся к приходу солнца, я собрался в путь. Они благословили меня на широкую дорогу жизни.

— Хоть куда может лететь птенец, да и дитю человеческому не заказано идти, куда он сам пожелает,— начал отец слова напутствия.— О нас не беспокойся. Даст бог, не пропадем. Ты, сынок, сам не без разума. Совет мой в сердце держи. И не думай, что знания даются без труда и усилий. Не скользи в учебе по поверхности, не зубри, пласты истины глубоко лежат, и добытчиком станет тот, у кого есть терпение и увлечение. Не все, о чем задумал ты, сбывается в жизни, сынок. И не так все просто, как кажется нам. «Не привыкай к пеге, будь готов к трудностям»,— учит мудрая пословица. Будь честным. Честный не поскользнется в пути, у честного друзей-товарищей будет вдосталь. Не будь высокомерным грубияном. Не хитри и не лги. Учись хорошему, плохое обходи стороной.

— А придет время — женишься, сынок,— прибавила мать,— это когда выучишься... Русскую не бери. Чужой язык и нравы будут помехой в семейной жизни.

Внимательно выслушав советы родителей, я вскочил на коня, стоявшего на привязи у юрты, прищипил и рысью пустился в сторону кошунного центра.

Родина... В этот час расставания я понял, как близки сердцу моему Тандинские хребты, одетые в мохнатую хвойную шубу, с остроконечной белой шапкой на голове; хендерегейские дуга, волнующиеся от дуновенья ветерка. То там, то здесь пламенем алым вспыхивают коневник и лесная герань. Смотрел я на все и не мог насмотреться. Вот так обнял бы родные горы, леса, поля, небо, прижал бы к сердцу своему и увез с собой.

Немало времени проехал я вниз по руслу беспокойно прыгающего с белой пеной на гребешках зеленоватых волн Эле-

геста, как утреннее золото луча, ласково улыбаясь, озарило Тандинские горы и Хендергейские равнины, когда я оглянулся назад. И все — горы, леса и поля — хором кричало мне вслед: «До свидания, Дембек, в добрый путь».

Быстрее птицы летели мечты. Вот уже два года прошло, как я живу в Кызыле, узнал много нового, изучил интересные науки. И, чтобы я мог принести побольше пользы аратам, меня посылают в столицу трудящихся всего мира — Москву (о ней я в газетах читал), где я еще больше увижу и узнаю нового и интересного. Через мгновение мне казалось, что все ждут, когда я появлюсь на арене. А путь восхождения в тот удивный мир мечты начался сегодня с порога родного очага, с тропинки, что тоненькой змейкой вьется по Танну-Ольскому ущелью. Беспричинная радость охватила меня!

«Я послушался ваших добрых советов, друзья, и через два года приехал в Кызыл,— скажу, непременно скажу,— думал я,— тем врачам, что жили в палатках недалеко от нашей юрты, а особенно приятно мне будет сообщить об этом ласточке моей — Надья-Идегел.

— Милая Идегел, ты живешь в сердце моем. Как сказать тебе об этом при встрече нашей?

Смешная мама заладила одно: «Когда закончишь учебу, не женись на русской!». А что ты поделаешь, родная, если судьбы наши сойдутся?

Из Хендерге в хошунный центр лежат хребты Танну-Ола и перевал. Поднялся на него и увидел, как на ладони своей, кудрявую долину, по которой катит голубые волны красавец Улуг-Хем, обрамленный цепью зубчатых гор. «До свиданья, Хендерге. До свиданья, отец и мать, до свиданья, друзья!»

В полдень я прибыл в довольно большое село — хошунный центр, состоящий из низких деревянных избушек, посеревших от времени. Здесь большинство населения состояло из русских советских граждан, проживающих в Туве.

В кабинете я застал человека средних лет. Он был высок, статен, широкоплеч и широколиц. На голове его пламенела светлая копна волос. Это был председатель партийного хошунного комитета Омчуула. Я его встречал здесь два года назад, когда мне отказали в учебе в начальной школе, потом он бывал и у нас по служебным делам. А в прошлом году он сам пообещал через годик устроить меня в партотделение Кызыльского учебного комбината. Когда я зашел, он разговаривал с подростком моих лет. Он тоже приехал из какого-то

сумона сюда, чтобы отправиться в Кызыл на учебу. Я узнал, что из нашего хошуна ребята уехали еще позавчера.

— Почему опоздал. Дембек?— мягко обратился ко мне дарга¹.— Партийное отделение уже заполнено. Не дождавнись тебя, я пообещал на твое место послать вот этого паренька Солаан-оола. Что ты будешь делать?— сокрушался дарга.— Третий год подряд без толку ездншь.

— Солаан-оол,— взглянул дарга на паренька,— возьми удостоверение у председателя хошуна на бесплатный проезд на машине и живо поезжай в Кызыл.

— А как же я, дарга?— взмолился я.

— Чем черт не шутит. — улыбнулся Омчуула-дарга, — попрошу в Министерстве культуры еще одно место. Может, и отломится. Жду телефонного разговора с министром с часу на час.

— А ты отведи к своей тетке Дембека,— распорядился Омчуула, обращаясь к Солаан-оолу,— он издалека приехал, устал, проголодался, да и, по всей вероятности, у него здесь ни родных, ни знакомых нет.

...В этот день Солаан-оолу уехать не удалось — не было попутной машины, у Омчуула переговоры с министром не состоялись. Только на следующий день около полудня Омчуула связался с Кызылом и выхлопотал еще одно дополнительное место в партотделении. Радость хлестала через край. Наконец-то смогу учиться! Вздохнул всей грудью: словно гора с плеч.

Я заскочил к тетушке Солаан-оола Аралдии. Они очень обрадовались, когда я сообщил им, что и я теперь поеду учиться в Кызыл. Мы с Солаан-оолом в этот день, в этот час, по русскому обычаю подав друг другу руки, поклялись в дружбе на всю жизнь. Свидетельница нашей клятвы — тетушка Аралдии пошутила:

— Эх, что бы тут было, если б один из вас девушкой был, а? Тогда я бы еще больше радовалась.

— А для меня Дембек лучше всякой девушки,— подхватила шутку Солаан-оол.

— Мы с ним навеки друзья,— высказался и я.

Машину мы ожидали целый день. Я думал о столице Тувы, которую ни разу не видел. Кызыл... Какой он? Необыкновенным рисовался мне город дружбы двух народов.

¹ Дарга — начальник, в данном случае председатель хошкома.

Когда почти стемнело, загрохотала грузовая машина с западной стороны. «В полночь выеду,— сказал шофер,— и искать по домам я вас не намерен. Лезьте на машину и ждите».

Забрались мы с Солаан-оолом, шофер загнал грузовик в гараж, где стояли бочки с бензином, замкнул нас и ушел. Ни удушливый запах бензина, ни то, что нам было неудобно сидеть на верхушке, не омрачало нашей радости. Скоро мы будем в Кызыле! Да и на машину я сел первый раз. Это было тоже интересно. Из села мы выехали ночью. Пропизывающий ветер обдувал нас, и дрожь пробегала по телу. Наш путь лежал вверх по Улуг-Хему. Две большие фары, как желтые глаза совы, выхватывали из темноты разные предметы. Вскоре на востоке забрезжил рассвет.

Мы с Солаан-оолом встретили, сидя на машине, незабываемую зарю. Это была заря нашей большой жизни. Через несколько часов начнется счастливый день нашей учебы в настоящей столичной школе...

По центральной улице Кызыла растянулось длинное двухэтажное здание с множеством окон. Это и был учебный комбинат. Мы слезли с машины, и впервые я, друзья мои, зашел в здание, где комнаты устремлялись вверх высокими белыми стенами и широкими глазастыми окнами.

Будто давнишним своим знакомым, приветливо улыбнулся нам красивый молодой человек с пышной шевелюрой, продолговатым лицом, на котором, как звезды, сверкали огромные черные глаза в зарослях веснушек, обступающих нос и губы (без них, пожалуй, чего-то не хватало бы на его лице); он был невысокого роста, но удивительно сложен. Потом мы узнали, что это наш завуч Кенден-Шырап. Дал он нам карандаши, тетради и сказал несколько слов. Они запали в душу мне. Пишу эти строки, а голос его звучит в ушах:

— Сейчас начнется ваш первый урок. Запомните навсегда этот день. Желаю от души вам, ребята, хорошо учиться, а в дальнейшем — отлично трудиться. Пусть удача сопутствует вам.

Только мы вышли из учительской, как, захлебываясь и горюпясь, зазвенел звонок...

Я СТАЛ УЧИТЕЛЕМ

То, что сначала я сам обучался грамоте в ликбезе и красной юрте, потом учил других писать и считать, вел кружки текущей политики, пристрастившись, прочитывал газеты, бро-

шюры и первые тувинские книжки от корки до корки, не пропало даром. Это стало большим подспорьем в теперешней учебе. В партоделении я успевал, потому что, по сравнению с другими, был подготовлен. А ведь половина моих одноклассников приблизительно владела правописанием, слабо знали четыре правила арифметики.

Кроме тувинского языка и арифметики, нам преподавали историю Тувы, физическую географию, ботанику, русский язык. И один раз в неделю был у нас урок труда. Солаан-оол, я и еще один паренек закончили первый курс на отлично. Самым трудным предметом был русский язык. Не могли мы его осилить, тем более, что уроков было по русскому языку мало: всего два часа в неделю.

В учебном комбинате работали кружки художественной самодеятельности. К нашим услугам были драматический, хоровой, танцевальный и физкультурный кружки, а также был свой струнный оркестр. Я участвовал в танцевальном, струнном и физкультурном. Наравне с другими ребятами, я довольно прилично овладел лыжами и коньками.

Наряду с учебой, приобретение элементарных навыков городской жизни было для нас немалым прогрессом. Впервые передо мной распахнулись двери школы, когда я уже был семнадцатилетним, и в это же время, покинув юрту, я первый раз открыл двери бани. Это уже само по себе о многом может сказать. В таком же положении были и остальные мои товарищи.

С первых дней и до конца учебного года я упорно искал ту далекую-близкую эмчи, которую окрестил звенящим, как игиль, именем Идегел, что значит по-русски Надя. Я заглядывал в лицо почти каждой русской девушке, аккуратно посещал все объединенные вечера учащихся учебного комбината и школы советских граждан в Туве.

Я был завсегдаем лыжных и конькобежных соревнований. Ничто не ускользало от моего зоркого взгляда. Но нигде, нигде ее не было. И в больницу ходил я не раз, будучи совсем здоровым, в надежде, что там разыщу, наконец, девушку-невидимку. «Нет ли эмчи у вас по имени Надья?» — спрашивал у сестер. «Как фамилия?» — допытывались они. А фамилию-то я и не знал. И нигде-то, нигде Идегел моей не было. «Возможно, в хошунном центре трудится она. На летних каникулах все разузнаю», — решил я. Только этому не суждено было осуществиться. Меня и еще нескольких ребят отправили в один из южных районов работать в ликбезе до начала учебного года...

Программа второго курса была уже более обширной. В нее входили история Тувы, математика, зоология, грамматика тувинского языка, экономическая география мира, физическая и экономическая география Тувы и русский язык. Большинство наших молодых преподавателей учились в Советском Союзе. Они были выпускниками рабфака и КУТВа. И мы с Солаан-оолом прочно утвердились в мысли, что непременно последуем примеру наших педагогов, получив образование там же, где они его получили.

В конце февраля, прямо перед началом второго семестра, стало известно, что Министерство культуры решило отправить весь наш курс по хошунам учителями ликбезов. Жаль было нам расставаться с занятиями. Тем более, до конца учебного года оставалось каких-нибудь три-четыре месяца.

Меня направили учителем ликбеза в один из восточных хошунов, а друг мой Солаан-оол попал в наш. Даже тут я не сумел воспользоваться случаем. Быть может, Солаан-оол бы узнал, там ли эта русская девушка. Даже ему не открылся я. В глубокой тайне хранил я любовь свою. В этом хошуне, где я работал, было несколько русских поселков. И надеялся я, что где-нибудь встречу Надью-эмчи или хоть весточку услышу о ней. Но словно в воду канула моя Идегел. Три года уже миновало, как мы расстались с ней у водопада, в котором купались июльские лучи, на глазах превращаясь в радужные россыпи. «Значит, не суждено было свидеться нам, — тоскливо сжалось сердце мое. — И все равно я ее никогда, никогда не забуду».

Прошло год и восемь месяцев, как я начал учительствовать. И вот в декабре месяце вдруг меня вызывают в школьный отдел Министерства культуры. Заведующим отделом стал наш бывший завуч Кенден-Шыырап. Души в нем не чаяли все ученики. Все в нем imponировало нам: строгость и редкая доброта, справедливость и мягкая обходительность. Чеховская характеристика человека как нельзя лучше подходила к нему.

Расспросив о работе и делах житейских, Кенден-Шыырап, глядя прямо в мои глаза, сказал:

— Дембек, мы хотим тебя в другое место перебросить. Как ты на это смотришь?

— На какое, если не секрет, башкы? — поинтересовался я.

— Какой может быть секрет, — улыбнулся Кенден-Шыырап. Работа тебе известна. Поедешь в сумон работать... В начальную школу. Не пугайся, там всего только первый класс.

Даже не поинтересовавшись, где эта школа находится, я начал руками и ногами от нее отмахиваться, выставляя мяно-

жество доводов. Я доказывал Кенден-Шыырапу, что у меня нет ни опыта, ни знаний для такой ответственной работы. Но башки меня и слушать не желал.

— Вам и карты в руки. Кому же, как не вам, учителю ликбеза, за чьими плечами есть навыки по ликвидации неграмотности, возглавлять начальную школу?— спросил он.

Я стал доказывать, что в начальные школы следует посылать учащихся с последних курсов педагогического отделения, у них была уже и практика в летних школах. Но на эту удочку Кенден-Шыырап не поддался, сказав, что имеется прямое указание ЦК ТНРП¹ и Совета Министров, где черным по белому написано: готовить из них учителей со средним педагогическим образованием.

— Не раскисай, Дембек, смелость города берет, — подбадривал меня башки, уверяя, что я вполне справлюсь с работой. Здесь же я узнал, что все мои однокурсники стали учителями начальных школ.

Солаан-оол совсем недавно тоже стал учителем начальной школы. Кенден-Шыырап сказал, что ни за что не даст нам погибнуть. Это он, конечно, шутил. Были предприняты меры по повышению нашей квалификации. Сразу после учебного года мы должны были приехать в Кызыл, где нас самих ожидала учеба на двухмесячных учительских курсах. Кенден-Шыырап убедил меня, и я дал свое согласие. Тут только поинтересовался я, в какой хошун, в какой сумон направляют меня учительствовать.

— Повезло тебе, Дембек. Ты в своем хошуне будешь работать. Школа твоя в Кара-Суге. Если что будет неясно в программе начальной школы, не стесняйся, пиши мне. И вообще держи со мной связь,— поглядел башки на меня добрыми глазами и закончил:— Поезжай, дружок, и берись за работу. Ты можешь стать настоящим учителем, — уверил он меня на прощание.— Я ведь хорошо знаю тебя.

Как только приехал в райцентр, пошел к Солаан-ооловой тетке Аралдии и спросил ее, нет ли в больнице среди медперсонала девушки по имени Надя. Неутешительный был ответ. Ни врача, ни фельдшера, ни сестры с таким именем здесь не было. Какое-то непонятное чувство беспокойства охватило меня, и я подумал, что оборвались все ниточки на-

---

¹ ТНРП — Тувинская народно-революционная партия.

дежды моей, — больше никогда я не встречу с девушкой-эмчи.

Я еще в Кызыле узнал, что бывший председатель колхоза Омчуула стал заведомом культуры нашего хошуна.

— Эки, товарнищ учитель, — приветствовал меня Омчуула, вставая с места. Давно тебя поджидаю. В хошуне ты будешь, пожалуй, одним из самых сильных учителей.

Он меня тут же познакомил с председателем Кара-Сугского сумона и с председателем партиячки, которые находились в хошунном центре на каком-то совещании. Сел я в сани вместе со своими даргами и поехал через Улуг-Хем в Кара-Суг. Так я стал учителем начальной школы.

Коллектив Кара-Сугской школы состоял из двух человек: меня и завхоза-повара Саваар-оола, сына Тюлюша Эргекена. Прозимовали мы с ним в малюсенькой избушке вдвоем. Повернуться в ней было негде. Оба были холостяками. Саваар-оол на пять лет был старше меня. В конце учебного года он женился и поселился в юрте жены недалеко от поселка. Я остался в избушке один.

Саваар-оол оказался отличным плотником. Он и меня научил обтесывать бревна и придавать им четырехгранную форму. Мы с Саваар-оолом принимали участие в ремонте школы, работая наравне с опытными плотниками. Друг мой склонял меня к женитьбе. Вначале я не обращал на советы Саваар-оола никакого внимания, думая, что он шутит. Только потом дошло до меня, что он от всей души старался. Как-то раз, по обыкновению, Саваар-оол завел разговор на свою любимую тему. Я ему сказал, что лет пяток повременю. Он спросил причину отсрочки.

Я начистоту раскрыл ему свои карты, объяснив ему, что он прав на все сто процентов, но прежде, чем обзавестись семьей, надо иметь прочную основу, т. е. образование и профессию.

— Где и когда ты думаешь учиться? — спросил меня Саваар-оол.

— В Москве, — ответил я. — Еще зимой я подал заявление в ЦК ТНРП и Министерство культуры. Наверное, через два-три года пошлют меня на учебу, — закончил я.

— Эх, если б мне было столько лет, сколько тебе, — вздохнул Саваар-оол, — я, пожалуй, тоже бы двинулся постигать науку...

Мой друг задумался, улыбнулся и неожиданно продолжил: «А может, и не стал бы набивать свои мозги всякой всячиной...»

Я убедительно старался доказать, что друг мой неправ, что учиться необходимо и что у меня знаний очень мало. Саваар-оол смотрел прямо на меня. Горели его щеки на продолговатом лице, трогательно торчал курносый нос. Во-первых, доказывал я, не имею учительского образования, следовательно, моих куцых знаний хватит только на обучение первого и второго классов, во-вторых, чтобы учить учеников третьих-четвертых классов, необходимо иметь среднее образование. И этот вопрос жизнь выдвинет на первый план. И мне казалось, мои старательные объяснения дошли до Саваар-оола.

— Мечта твоя до души моей дошла, — заметил Саваар-оол. Для тебя учеба прежде всего, — продолжал он глубоко-мысленно. — Ты, как тот птенец, когорый, выпрыгнув из гнезда, сначала скачет возле него, потом пробует крылья и, расправив их, улетает. Значит, ты полетишь навстречу знаниям. Слова Саваар-оола пришлись мне по душе.

— Именно так, — подтвердил я. — И дальше развил свою мысль. — Взять, к примеру, нас и дружественный нам народ Советского Союза. Он на своих крепких крыльях летит вперед, а наш тувинский народ похож еще на птенца, у которого крылья только что набирают силу. И многое предстоит нам сделать, чтоб Тува наша росла, развивалась и шла на подъем. А для этого нужны образованные люди. Вот почему и я очень хочу учиться, — выпалил я. — И детей в школах учат, чтоб они потом трудились на благо народа.

Выслушав меня, Саваар-оол пояснил мне, почему он так хотел, чтоб я обзавелся семьей.

— Так ведь я, парень, по-своему рассудил, советуя тебе жениться, — неторопливо начал Саваар-оол. — Думаю, есть у меня на примете девушка, подходящая для тебя. Надежная, значит. И грамоту знает. Да, пожалуй, равной ей по всему хошуну не сыщешь — красавица. Вот ведь штука какая. Не видел ты ее, — с сожалением промолвил мой друг. — А жаль. Да что об этом сейчас толковать. Баста. Учись, дружок, учись.

Я просил Саваар-оола не обижаться на меня за то, что я в настоящий момент не могу воспользоваться его искренним советом. Мне очень хотелось чем-нибудь порадовать этого хорошего человека. И я сказал, что дружба наша останется в силе, что я до отъезда в Москву из Кара-Суга никуда не уеду, а он, конечно, будет работать завхозом в школе. Мы оба радовались этому решению.

ГОСТЬЯ

Ремонт в школе был в полном разгаре. Потрудились мы с Саваар-оолом на совесть. За день намахались так, что я еле добрался до своей избушки. Разделся, умылся, запер двери, лег, и тут же сон меня схватил в свою мягкую ладонь. В это время кто-то громко застучал в дверь.

— Башкы, открывай скорей, — дергал дверь Саваар-оол. Я открыл ему, он вошел и шепотом произнес:

— Эмчи из района. Она на улице. Можно ей войти?

Я кое-как оделся и вышел. Возле моей хибарки стояла высокая русская девушка с тонкими чертами лица, с родничкой на правой щеке, с пушистыми ресницами, из-под которых блестели, как звездочки, задумчивые глаза. Бордовый тувинский халат, перестянутый в талии зеленой опояской, подчеркивал стройность ее стана. И так шел к ее белому с матовым оттенком лицу красный берет. Голова ее на тонкой шее удивительно напоминала горный мак. В руке она держала дорожную сумку. Посмотрев на меня, она чуть заметно улыбнулась, показав белоснежные зубы.

Что-то дрогнуло во мне. Весь ее облик был настолько знакомым и близким, а ее черные, как черемуха, глаза вглядывались в меня в точности так же, как четыре года назад. Это была она.

— Здравствуйте, — зазвенел ее голос, как серебряный колокольчик, и она протянула мне свою руку. Я смотрел на ее лицо, оно покрылось зарей румянца, и слова из сказки «сияли на ее лице лучи солнца» пришли мне на память. Сердце мое пустилось, словно рысак, вскачь. Я не мог оторвать своего взгляда от гостьи моей и теплую руку девушки боялся отпустить... А русский лексикон мой был, увы, не богат. Я за это время выучил всего несколько слов. «Руку мою отпустите, или нет?— шутила она по-русски. И, когда смысл этих слов дошел до меня, я выпалил, несказанно обрадовавшись:

— Ты ли это, Надья-эмчи?

Гостья снова по-русски ответила мне. Я понимал ее с пятого на десятое. Только хорошо дошли до сознания моего ее слова: «Да, это я — Надя».

— Надя, — повторил я за ней и впервые за четыре года правильно произнес ее имя.

— Значит, знакомые вы, — улыбнулся Саваар-оол.

— Входите, Надя, — пригласил я гостью в свою низкую халупу и открыл перед ней тонкую скрипучую дверь. Девуш-

ка нагнула голову, чтобы не удариться о косяк, и вошла в мое жилье, как в юрту. Я пододвинул в передний угол табуретку и пригласил ее сесть.

— Спасибо, — села она. Быстро открыла сумку и вытащила оттуда письмо, передала его мне, сказав несколько русских слов. Я совсем не понял, о чем она мне говорила. «Раз все время со мной говорит по-русски, — думал я, — значит, тувинским она не овладела. Я разорвал конверт, сказал ей, что не понимаю, так как русского языка не знаю.

Письмо было от заведующего районным отделом культуры Омчуула. Гостью рассматривала мою маленькую комнатушку. Взгляд ее упал на стол, на котором лежала книжка. Это был перевод повести А. С. Пушкина «Капитанская дочка». Она взяла ее в руки, начала листать и каблучками блестящих сапожек выстукивать какую-то ритмичную дробь. Письмо Омчуула я начал читать вслух, чтоб содержание мог услышать Саваар-оол: «Учителю Кара-Сугской школы товарищу Дембеку. С 10 июня по 5 июля вы должны находиться в Кызыле на кратковременных учительских курсах по повышению квалификации. Не позже 7 числа текущего месяца будьте в хошунном центре. Товарищ Дембек, ставлю вас в известность, что с нового учебного года вы будете учительствовать в другом сумоне. Есть уже приказ министерства. И изменить его невозможно».

Занявшись письмом, мы на время выпустили из поля зрения нашу гостью.

— Строгое предписание, башки, — вздохнул Саваар-оол и поерошил волосы. — Да, не удалось, значит, нам еще вместе поработать...

— Я все равно в Кызыле буду настаивать, чтобы меня оставили здесь, — сказал я. Немедленно еду в хошунный центр. Коня мне надо верхового. Буду просить.

— Зачем, — запротестовал Саваар-оол, — просить коня в сумоне. Я тебя на своих конях завтра домчу до хошунного центра. Надо попытаться в хошуне, башки, чтоб тебя все-таки оставили в Кара-Суге, — посоветовал он.

Я извинился перед гостьей, что мы занялись своими делами. Она оторвалась от книжки, уголки ее пунцовых губ дрогнули, и улыбка озарила все ее лицо, говоря как будто: «Ничего, ничего, я ведь все понимаю», — и зазвучал, как песня, се голос. Опять Надя заговорила по-русски. Я закачал головой — ничего не понимаю.

— Дембек-башки, почему вы не научились по-русски

разговаривать? — внезапно гостья обратилась ко мне по-тувински.

— Сам не знаю, Надя,— обрадовался я, что, наконец, у нас с нею завяжется беседа. — А я ведь думал, что ты до сих пор тувинского языка не знаешь. А ты, как настоящая тувинка, говоришь,— похвалил я свою гостью.

— В Кара-Суге есть тяжелобольной,— сказала эмчи Надя,— мне бы переводчика надо. Я все-таки плохо говорю по-тувински. Думала, поможешь мне. Как же мне быть?— растерялась гостья моя.

Я не знал, что ответить. И с опозданием начал благодарить ее за доставленное письмо.

— Не стоит благодарности. Я же по пути. Мне это ничего не стоило.

— Я без языка,— пошутил я,— и помочь, к сожалению, не смогу. Не осилил русского, уж, пожалуйста, не гневайтесь на меня.

— Учитель обязан знать русский язык,— сказала Надя и, помолчав, добавила,— не сердись, башки, научиться по-русски говорить тебе просто необходимо. Это тебе мой дружеский совет. Глубоко вздохнула гостья моя и продолжала свою мысль звонким, как весенний ручеек, голосом:— А как же нам, русским эмчи, было бы тяжело работать на селе, если бы мы совсем не понимали тувинского языка? Жизнь заставляет знать хотя бы азы вашего языка.

— Нам, учителям, не знающим русского языка, вы, эмчи, помогите,— оправдывался я.— Ты мне, а я тебе, Надя, в меру моих сил помогу.

— Верно,— согласилась Надя со мной.

«Соловья баснями не кормят», — переглянулись мы с Саваар-оолом и решили на скорую руку приготовить ужин. Гостья остановила нас, сказав, что уже сыта. Ее накормил завмаг, к которому она захала.

— Ради бога, не беспокойтесь,— улыбнулась Надя.— Сейчас я пойду к больному. Возле дома завмага меня ожидает человек, который взялся помочь мне расспросить больного. Потом мы с вами напьемся чаю и вдоволь поговорим, Дембек. Я сейчас пойду,— сказала она, попросив карандаш и бумагу. И до того, как написать, пояснила мне:

— Зовут меня Надя. Фамилия моя Боярова. А полностью это будет звучать Надежда Трофимовна Боярова,— вывела она на бумаге карандашом и встала:

— Ну вот, товарищ башки, теперь мы с тобой окончательно познакомились,— лукаво взглянула на меня Надя и

засмеялась, будто рассыпала горсть серебряных монет.

Я тоже госте вручил бумажку, где написал свое имя, отчество и фамилию.

Надя, держа в руках мою записку, плавно, как в танце, закружилась в моей комнатухе, взяла свою сумку, поклонилась мне и вышла. Мы с Саваар-оолом последовали за ней.

Попрощавшись, гостя быстро зашагала вниз по посылку. Немного погодя, оглянулась и помахала нам рукой.

Я смотрел ей вслед, пока она не скрылась с глаз, и мысленно ругал себя: «Дерево ты, дерево бесчувственное, не хватило разума у тебя проводить ее до юрты больного».

Так бы и стоял я у порога своей халупы, если б не услышал:

— А эмчи-то, башкы, чистая дангына¹, — восхищался мой друг Саваар-оол. — Вот уж истинно про нее сказано: «Месяц под косой блестит, а во лбу звезда горит». Заметив мою полную растерянность, друг мой подшучивал надо мной: — Растаяло каменное сердце у башкы, превратилось в масло топленое. Да и то сказать, девушка-то какова — царевна да и только! К тому же эмчи. — Стукнул себя по лбу. — Теперь до меня дошло. Все тайное стало явным, — заключил Саваар-оол.

— Учиться, учиться и еще раз учиться, — отпарировал я. — Пока не выучусь, и думать не смею о какой бы то ни было «дангыне», — решительно заявил я другу своему и добавил: — Разве ты не слышал, как эмчи-«дангына» меня пристыдила за незнание русского языка? Она тысячу раз права. И этот дружеский укор ее, как раскаленный гвоздь, засел в мозг моем, а ведь она от чистого сердца говорила. Жизнь меня на каждом шагу заставляет учиться, — убеждал я Саваар-оола, — а я только сейчас это по-настоящему понял.

Сердце мое переполнилось до краев волной необыкновенного чувства и, говоря больше для себя, чем для Саваар-оола: «Будем учиться, учиться, дружок», — я закружился в танце, мысленно держа в объятиях тонкий стан русской девушки Надежды, имя которой для меня звучало, как песня.

— Меня на кривой кобыле не объедешь, — засмеялся Саваар-оол. Я, значит, сразу смекнул, в чем дело, — и, с хитрецей взглянув на меня, Саваар-оол захолопал по бедрам, как судья при хуреше², зацокал языком, приговаривая: «Ай да башкы, ай да друг. В глазах огонь, за плечами крылья. Никогда таким тебя не видел, Дембек».

¹ Дангына — царевна.

² Хуреш — национальная тувинская борьба.

И это была правда.

— Радостно мне, акым¹,— признался я. Жаль только, что до отъезда в Москву меня перебрасывают на другое место. Москва! Слово-то какое емкое. Столица необъятной страны. Для нас при создании новой Тувы примером будет служить СССР. Надо изучать русский язык и труды Ленина. Мои Кызыльские учителя не раз говорили, что ключом к науке является великий русский язык. И моя заветная цель — учиться, учиться.

— Учись, дружок, на здоровье, кто тебе запретит. Дорога перед тобой открыта, я уже говорил тебе об этом, — подхватил мою мысль Саваар-оол...

Сон бежал от меня, как испуганная стайка куропаток. Перед глазами стояла Надежда. Все перевернулось во мне. Гулко стучала кровь в висках, горячая подушка жгла мне лицо. Отроком увидел я Надю, и она завладела еще тогда моими помыслами. С тех пор Надя выросла, похорошела, но не только красотой она была мне мила, ее характер, необыкновенно мягкий, добрый, ее отзывчивость пленили меня. И сердце мое сладко щемило в груди. «Весь век бы смотреть на нее, держать ее руку, говорить, говорить с ней без конца», — думал я, и сердце от этих дум замирало. Потом мысли мои перебросились на Саваар-оола: «Что он подумает обо мне, если я, отказавшись от невесты, которую он присмотрел для меня, любовью запылал к Наде? И, если б она только захотела, побежал бы за ней на край света». Петухи уже дважды пропели. В комнату заглядывал молочно-голубой рассвет. Вдруг сердце мое екнуло. И холодок паучьими лапами сжал его. «Что подумают обо мне родители мои, как услышат, что жизнь свою связал их сынок с русской девушкой? Чужая кровь, чужая кость, век нас заставит краснеть», — будут думать отец с матерью. Как им доказать, что в нашей любви нет ничего преступного? И с чего я размечтался,— унимал я себя.— У Нади в помыслах-то ничего такого нет и не было. Просто она ко мне питает дружеские чувства. Разве ей такой парень нужен? Разве я могу ее сердце удержать? Да она наверняка обо мне и не думает. Может, у нее давным-давно парень имеется». Русская девушка, как луч света, который ворвался в мою жизнь и снова исчез. Как бы не утратить ее след. Интересно, что бы сказала Надя, если б сумела мысли мои на расстоянии прочесть?

---

¹ А к ы м — обращение к старшему.

Монгуш КЕНИН-ЛОПСАН

БАЛЛАДА О ВСТРЕЧЕ С ЛЕНИНЫМ

1.

К подножию горы лежала юрта,—
стоянку эту знал и прадед мой...
Я на учебу уезжал, как будто,
собрав всю смелость, отправлялся в бой!

Стояла мать, печальная такая,
и пристально смотрела на меня.
Седой отец, сомненья пресекая,
без лишних слов подвел ко мне коня.

Не помню, как добрался до Чадана,
где мостовые в розовой пыли,
но оказалось — радоваться рано:
в Кызыл машины восемь дней не шли...

Но на этой, нагруженной мешками,
я все ж умчал, отчаянно держась
за тряский борт дрожащими руками,—
а вы б не испугались в первый раз?

Мотор взревел и сипло задохнулся —
меня прекрасный город поразил.
Я думал: сплю,— а это я проснулся!
Я думал: сон,— а это был Кызыл!

Потом с мешком походным за плечами
я к месту сбора шел и, помню, шел.
Меня, волнуясь, сверстники встречали:
«Еще один бы день — и не успел!..»

Наш староста — он был в войну солдатом —
занес в графу фамилию мою,
он станет мне любимым старшим братом
на много лет в далеком том краю...

Шумели люди. Я бродил меж ними,
оторванный от юрты и семьи,
и все они казались мне родными,
пришедшими на проводы мои.

Потом свою учительницу встретил,
она учиться ехала со мной!
Прижалась к мужу: «Будь постороже к детям...
Пять лет пройдут так скоро, мой родной!..»

2.

Саяны засверкали перед нами.
Здесь перевалы знал наперечет
отец, в войну ходивший с табунами,—
их слал красноармейцам мой народ.

Надсадно грузовик хрипел на круче...
И плащ один на всех делили мы,
когда ударил крупный дождь из тучи,
из близко пододвинувшейся тьмы.

Укрылся я березовой корою —
в миг потекла за шиворот вода.
Смеясь, надел на голову ведро я,—
и всем нам стало весело тогда!

Разбрызгивая грязь, машина мчится,
колотят капли в жезть, как в барабан...
Счастливые, мы ехали учиться,
мы выходили за хребты Саян!

3.

И тут я оглянулся, постигая
былую жизнь несчастных земляков:
глубокие следы от шаагая
хранят поныне лица стариков...

Молились, кочевали, голодали,
охотились — кто стал бы их учить?!
Иные и букварь-то увидали,
когда глазам уж букв не различить!

4.

В старинном русском университете
закрылась дверь дубовая за мной...
Взгляд Ленина
мой взгляд смущенный встретил,
и Ленин поздоровался со мной.

И сразу мне легко, спокойно стало!
Стою пред ним, от счастья сам не свой,—
как будто вовсе нету пьедестала,
как будто он не бронзовый — живой!

Недалеко от наших мест когда-то
он в Шуше жил, у енисейских вод,
и там, узнав о горестях аратов,
жалел всем сердцем бедный мой народ...

Он мне сейчас протягивает руки,
как старому знакомцу своему,
и то, что я пришел постичь науки,
так откровенно нравится ему!

ПОДСВЕЧНИК ДЕКАБРИСТА

«Подсвечник с восковой свечой, найденный в шахте, в которой работали декабристы в 1826—1828 годах». (Этикетка на одном из экспонатов зала «Декабристы в Забайкалье» Читинского исторического музея).

Подсвечник старый с восковой свечой...
Ты — отблеск памятных костров —
сердец, народ любивших горячо
и загнанных царем на смерть в острог.
Жандарм глумился, как лишь только мог,
над вашим мужеством, орлы:
на лбу высоком выжигал клеймо,
гудели тяжким звоном кандалы.
Лучи коснулись горных склонов чуть,
вот солнце землю озарит...
В промозглой яме зажигал свечу,
крушил, как горе, гору декабрист.
На месте, где его застала смерть,
подсвечник найден близ Читы...
Огарку старому века гореть
великим светом сбывшейся мечты!

МАТЬ ДОБРОВОЛЬЦА

Каждый год, в Туву приезжая,
захожу тебя повидать,
горем согнутая, седая,
добровольца павшего мать.

Молча куришь длинную трубку
в одиноком своем дому,
шьешь узором детскую шубку —
видно, правнуку своему.

Прежде ты письмо доставала
фронтное из сундука,
жадно слушала, горевала...
А теперь — беззвучна тоска.

Ты сурова, глаза сухие,
лишь сказала: «Лежит родной
где-то там, в далекой России,
но горжусь, что внуки со мной».

БЕРЕЗКА

Стояла предосенняя пора.
Я мчался на коне, спеша куда-то.
А ты, березка, словно медсестра,
светилась чистой белизной халата.

В смущенье ты метнулась от меня
за близкий тополь, важный и суровый.
Но я летел, не повернув коня,
и вот вблизи тебя увидел снова.

Хотел тебя приветствовать, а ты,
потупясь, листья медленно роняла;
движеньем, полным нежной чистоты,
как по воде, по ним переступала.

Когда горячие пылали дни,
ты свой ковер ткала неумоимо.
Он золотому солнцу стал сродни;
и кто прошел бы равнодушно мимо?

Скажи, кружил тебя весенний хмель?
Кому ты дар готовила богатый?
Ждала ли ты любимого? Не мне ль
янтарный свой ковер приберегла ты?

КИНОВАРЬ

Бывало, бабушка меня отправит в горы.
Иду разведчиком за ближнюю скалу.
Там киноварь. В мешок ее — и скоро
комочки алые — на войлочном полу.
Гляжу на бабушку. Тувинский сыр сушеный
грызу... Старинное искусство нелегко:
трофей мой, пестиком сначала измельченный,
в тарелке каменной разводит молоком.

Как кипа бересты, лежат бараньи шкуры:
к морозам буду в них теплым-тепло одет!
На смену белизне, безрадостной и хмурой,
Приходит озорной, янтарный, яркий цвет.

Нет бабушки давно... От прежнего чайлага
мне в горы не ходить тропинкою, как встарь...
Но знаю: за скалой, привычным цветом флага
в заветном уголке алест киноварь.
Румяный цвет земли!... Хочу, чтоб люди знали:
ты прочно, навсегда окрасил жизнь мою.
Ты ярко светишь мне, и впрямь похож на знамя,
и старости с тобой несколько не боюсь.

ПРОЩАЙ, ХУДОЖНИК!

(Прощание с юной художницей Надей Рушевой.)

Ты рисовала все: вот на рассвете
земля светлеет... вот издалека
арат верхом летит...— Мгновенья эти
остановила детская рука.

То вдумчиво, то с радостью во взгляде —
и осень, и весенние цветы,
и хоровод друзей на маскараде —
все на бумаге отразила ты.

Твои рисунки по свету летели,
их повидала не одна страна.
Дипломом за талант в далеком Дели
заочно ты была награждена.

Мне горько, девочка... Я понимаю:
мы не увидимся. Надежды нет.
Как буря дерево в тайге ломает,
так смерть оборвала нежнейший цвет.

Но юность на листьях, не остывая,
сияет, словно вечная пора...
И кажется: ты — рядом, ты — живая,
стоишь, доверчивая, как сестра.

Алдын-оол ДАРЖАА

П Р О Щ А Н И Е

Вновь родные места покидаю,
вертолет мой, замедли полет,
подо мной моя юрта родная,
мама, чашку отставив, встает.

Я махну на прощанье рукою,
мама руку приложит к глазам,
пожелает счастливой дороги
мне, и песням моим, и стихам.

ДВЕ ПРИМЕТЫ

Вот, трогая бусы иссохшей рукою,
со вздохом старик вспоминает былое:

когда чабаном был я, часто блуждал
в тумане густом на заре,
но свой находил без ошибки аал
по крыше высокой хурэ.

Малыш же, вернувшись с кочевки в селенье,
друзьям своим так говорил в воскресенье:

в бинокль я видел большой белый дом,
там школа — мне папа сказал,
в той школе учиться я буду потом —
пока я еще слишком мал.

РОЖДЕНИЕ ПЕСНИ

В узоре рек моей родной земли
сверкнешь ты, как лазоревая нить,
когда от всех тревог моих вдали
приду, Чаа-Холь, твоей воды испить.

Людей и стран немало видел я
и счастлив был всегда своей судьбой,
но пусть меня простят мои друзья,
что трижды счастлив снова быть с тобой.

Я б каплей стать твоей волны хотел,
прийти с тобой весь твой нелегкий путь,
на льды и тундру, на тайгу и степь
с твоих просторов радостных взглянуть.

И каплей петь, так просто и легко
вплетая голос в общий стройный хор,
и светлым паром плыть меж облаков,
чтобы дождем упасть на склоны гор.

В горсть наберу цветных твоих камней,
напьюсь воды сверкающей, Чаа-Холь,
и, как всегда, покой придет ко мне,
как я сейчас в свой дом родной пришел.

ЧАЙЛАГ

Эх, вскочу на коня быстрогого,
запою я веселый хомей,
вслед за ветром весенним, как птица, я
полечу меж зеленых полей.

В алых брызгах копыта, как в пламени,
земляничкой пропахли луга,
расступаются травы высокие,
точно бурной реки берега.

Надо мной синева бесконечная
бьет в лицо мне полуденный жар,
и сверкает на солнечных пастбищах
белый бисер колхозных отар.

Быстрый дождь налетел и рассеялся,
только брызги упали с копыт,
я пришпорю коня быстрогого,
громче песня моя зазвенит!

ПОД ОСЕНЬ

В наших реках — небесная просинь,
наши пашни чернее угля,
в многоцветное платье под осень
одевается наша земля.

Ярче золота блещут колосья,
и леса, как густой изумруд,
на широких полянах под осень
выше пояса травы встают.

А по склонам от кряжистых сосен
на дорогах узоры теней,
хорошо ранним утром под осень
здесь промчатся на резвом коне.

СЛУЧАЙ НА ОХОТЕ

Все замерло. Спят ящерицы, змеи.
Под желтым солнцем плавится песок,
и только кровь стучит в висок быстрее:
глоток воды, воды один глоток!

Ушел с утра я в поисках джейрана
и вот бреду вдаль от всех дорог,
все медленней взбираюсь на барханы,
из горьких трав высасываю сок.

Дымится степь от яростного света,
и ни куста, ни деревца вокруг,
одних акаций тощие скелеты.
Но... чей-то зов ко мне донесся вдруг.

Я изнемог, не в силах сделать шага,
я — нем, так зной мою гортань спалил,
тогда сорвал рубашку и, как флагом,
машу ей из последних сил.

В тот день я понял, что такое чудо:
мой верный друг нашел меня в степи,
с трудом залез я на его верблюда
и, помню, воду долго, жадно пил.

Потом домой мы ехали, как братья,
меж двух горбов, качавшихся чуть-чуть,
дыханье ветра чувствовал опять я,
и радостно моя дышала грудь.

МЕДВЕЖОНОК

И неуклюж, и весел, как ребенок,
он топтал и скреб когтями пол,
его весной заезжий друг — охотник —
потехи ради в этот дом привел.

Мы падаем от хохота, а мишка
то дыбит шерсть, то хитро щурит глаз,
на задних лапах ходит, пляшет польку,
так целый вечер развлекает нас.

Когда ж, устав от суетни и шума,
включил хозяин голубой экран,
зверь с любопытством примостился рядом:
шел старый фильм из жизни дальних стран.

И за стеклом, колеблясь и мутнея,
вдруг вырос лес: коряги, ели, пни,
два медвежонка весело играли
в его густой и сумрачной тени.

И мишка наш, как будто чуя волю,
протяжно вдруг и горестно вздохнул.
Ударил в грудь себя мохнатой лапой
так, что чуть-чуть не опрокинул стул.

Когда же братья, не признав в нем друга,
вдруг скрылись там, в таинственной дали,
за ними вслед рванулся мишка с воем,
едва его мы оттащить смогли.

СТОРОЖ НА СКАЛЕ

Там, где гибкие лвы сплетают
над ручьем серебристую вязь,
я люблю помечтать, отдыхая,
на высокие горы дивясь.

Вот утес, величавый, могучий,
порыжевший от выжженных трав,—
исполнскую грудь его туча
обвила, точно праздничный шарф.

На его неприступной вершине,
точно вросший навеки в гранит,
горный сторож и в солнце, и в ливень
изваянием светлым стоит.

Равнодушный и к зною, и к тени,
замер он, неподвижность храня,
но достаточно сделать движенье —
он мгновенно услышит меня.

Поведет головою лобастой,
точно пробуя звуки вокруг.
Я тихонько шепчу ему: «Здравствуй!
Мы опять с тобой встретились, друг!»

Екатерина ТАНОВА

МОСКВА

В далеком детстве, помню, от отца слышала о мраморных дворцах, о звездах из стекла — они цвели на башнях, на другом краю земли... Но непонятны были мне слова. Я спрашивала: «Что это — Москва? Дворец — он вроде юрты? Белой той? Наверное, весь-весь он золотой? А есть ли в нем очаг? Сундук? Кровать? А можно в нем немножко поиграть?»

Отец у нас большим был шутником. Шепнул он мне, глупышке, на ушко: — Москву увидишь, доченька, сама. Из камня — не из золота дома! Игрушек в них — как у тебя затей! А сколько, доченька, в Москве детей! Все умницы, красавцы — с малых лет, чумазных и драчливых вовсе нет.

Сменились месяцы, прошли года... Уже я не мала, а — молода. Но не забыта сказка детских дней: Москва, дворцы невиданные в ней...

Дополнив сказку, там, в одном из них,
прошли мои студенческие дни,
сбылась ребячья давняя мечта:
великий город матерью мне стал!

Москва моя, дворец мой мечты!
Быть нужной людям научила ты
девчонку, не рожденную тобой —
ты — мать моя, Москва, моя любовь!
С Москвою встреча — бодрости заряд,
кипенье силы, красоты заря...
И с кружевых останкинских высот
не голос мой — душа моя поет!

ДУМЫ У ШАЛАША

Шумит сосновый бор, деревьями качая.
Сверкает зеркалом гладь озера Перово.
Под вечер к шалашу я подхожу в молчанье.
Все кажется вокруг торжественным, суровым.

Видны отсюда мне знакомые вершины —
Саяны снежные в голубизне тумана...
Смотрел на них Ильич, как жил в селе старинном,
и думал: «Тяжело живет народ в Саянах».

Тропинка тянется — по ней ходил он тоже...
Не знаю: ветер ли охолодил мне плечи
иль ожидание — источник странной дрожи:
вот-вот, сейчас, Ильич покажется навстречу...

А хорошо бы так! Я подошла бы смело,
и, руку протянув, — почти через столетье —
заговорила бы, и рассказать сумела
всю правду бы — тому, кого мечтаю встретить...

— Сегодня о Туве узнала вся планета.
Тува совсем не та, что в пройденные годы:
в цветах, в хлебах земля... Былого — пепла нет там:
пыль каторжных веков развеял вихрь свободы.

И городов, и сел построено немало,
осталось лишь одно — на карты нанести их.

И уголь, и асбест, и чистоту металла
Тува моя дарит твоей большой России.

А реки дикие, что были непреклонней
неезженных коней,— послушны нам, как кони.
Мечта твоя, Ильич, сегодня жизнью стала:
широкий начат путь с твоей тропинки старой.

Монгуш ОЛЧЕЙ-ООЛ

К РОВЕСНИЦЕ

В вечерней тишине снега на крышах тают;
и, словно пальцы рук, сосульки чуть видны;
и на дороге след темнеющих проталин...—
все это говорит о близости весны.

Уж больше не метет, не рыщет злая вьюга.
Дыханием весны источен хрупкий лед.
На солнце я гляжу: и будто с лаской друга
навстречу мне оно из облака плывет.

Как странно, почему тоскою я терзаем?
В такие дни меня охватывает гнет.
И образ девушки с полночными глазами
неволью предо мной из прошлого встает.

И чудится: рука, протянутая нежно,
касается меня. И вновь огонь в крови.
И вновь моя душа взволнована надеждой,
и полон я опять мечтами о любви.

Моих былых надежд никто вернуть не может.
Зачеркнуты они. Но знаю наперед:
придет ко мне весна и снова растревожит,
и хоть в моих мечтах тебя ко мне вернет.

Ровесница моя! Покой твой не нарушу.
Ты замужем давно. Чужая ты. Но все ж...
Прошедшие года мне не изменят душу,
и в сердце ты моем по-прежнему живешь.

ГЛАЗА

У каждого глаза — другого цвета:
глаз одинаковых в природе нету.
И есть стихи, есть песни о любых —
о черных, серых, карих, голубых.

Особый «вес» имеют голубые:
все — от небес, все — только для любви им!
И столько песен я о них слышал,
что всех не помню — память-то плоха...

И черные глаза прекрасны тоже:
на спелую черемуху похожи.
Любому парню голову вскружив,
без песни свадебной не могут жить.

А я считаю — дело здесь не в цвете:
пусть серые, пусть карие — вот эти,
была бы только, знаете, душа
чиста, светла, добра и хороша.

ЧИСТЫЙ СЛЕД

Много слов наговорить сумеет тот,
кто оставит без узды открытый рот.
Если вечно обижаться да ворчать,
можно все заляпать грязью сгоряча.
Ты, болтун, и не заметил, как сполна
жизнь свою, как мяч футбольный, распинал.
Ты, болтун, не понимаешь и того —
тошно людям от брюзжанья твоего!
Я обдумываю все свои слова —
для того у человека голова.
Не отдам я слов обиде никакой,
а восславлю справедливость и покой.
Путь один у нас со всей большой страной.

И ребенок мой шагает вслед за мной.
Я слежу -- пусть для него, на много лет,
Будет чистым, незапутанным мой след.

РАДОСТЬ

Спокойной стала ты — а так была резва!
Нет прежних выходов, и не кипят слова,
не рассыпает искр ликующий твой смех —
улыбкой мягкой смешлся он для всех.

Я жду счастливого исхода волшебства:
вторая жизнь в тебе трепещется, жива.
И радость птицею веселой в вышине,
как эта жизнь — в тебе,
трепещется во мне.

БУХГАЛТЕР

В кабинет к председателю, часто, зайдешь —
как бы ни было нужно, его не найдешь:
уезжает, уходит по делу с утра...
Это будет и завтра, как было вчера.

То на фермы, на пастбища, то на поля
председательский газик несется, пыля...
Секретарша улыбкой смиряет ваш пыл:
— Подождите немного, он только что был...

Вот бухгалтер—темно ли с утра, иль светло—
неизменно сидит за рабочим столом,
все считает, ошибся ли кто, или нет,
зажигает в конторе он вечером свет.

Пот и сила рабочего, трудность и труд —
на столе у бухгалтера, в цифрах, вот тут!
Цифры пляшут на счетах, костяшки стучат,
от бумаги пылинки роятся в лучах.

Залюбуешься: цифры в колонках стройны...
В них — достаток колхоза,
без ошибки бухгалтер ведет этот счет:
знает, социализм — это тоже учет!

А иной говорит:
— Что же трудного тут?
В кабинете не дует,
дожди не секут,
хоть работай,
хоть спи у себя за столом...
Так бы всякий пошел —
в чистоту да в тепло!..

А легко ли сидеть за столом
день-деньской?
Тут не сон, а работа,
да думай, не стой,
обсчитаться нельзя,
отвлекаться нельзя —
нет, не шутка — бухгалтера дело, друзья!

Он костяшками бойко стучит — мастерство!
Ты попробуй, хоть где — обойдись без него.
Сожалею, что только в недавние дни
я работу бухгалтера начал ценить.

Ондар ОХЕМЧИК

НАРОД МОЙ

Мой дорогой, мой любимый народ
прошлого рану на сердце несет.
Вечно он был перед баем в долгу,
век под ярмом он сгибался в дугу.
Но разогнулся, набрался он сил —
всех угнетателей он победил!
Силой народною я восхищен,
радостью жизни его упоен.
Как быстрокрылый
большой самолет
в небо бездонное мчится вперед —
так устремляется ввысь мой народ,
он и меня до высот донесет!
Мысли мои беспрестанно текут
к партии, давшей нам радостный труд.
Счастье народа, все светлое в нем
щедро бессмертным дано Ильичом!

ПОЕДЕМ, ДРУГ!

Поедем, друг в Хову-Аксы!
Тайга, сверкая от росы,
в горах приветствует восход —
а солнце ей улыбки шлет.

Поедем, друг, в Хову-Аксы!
Ты не видал его красы:
живую сказкой между скал
высокий, светлый город встал!
Поедем, друг, в Хову-Аксы!
Работать, не жалея сил,
велят нам воля и мечта —
чтоб краше сказки город стал.
Поедем, друг, в Хову-Аксы!
Кого ни встретишь — всех проси,
чтоб ехал в горной глубине
богатства добывать странс.

СТРАННЫЙ ВЕТЕРОК

О пути неблизком размышляя,
я, не торопясь, из дому вышел.
Солнечными спицами играя,
ветерок слетел ко мне из выси.
К аэровокзалу — мой маршрут.
И, когда в автобус я сел, —
странный ветерочек тут как тут,
словно проводить меня явился.
Он коснулся, странный ветерок,
моего лица, и глаз, и щек —
только мне казалось: со щеками
поиграла милая руками!
Вот пробило время для отлета.
Я на место в самолете сел.
Ветерок обиделся — при взлете
в степь свою неслышно улетел.
Вот и Ырбан. Только приземлился
в трудовой, таежный уголок —
ласково встречать меня явился
тот же самый странный ветерок!

Виктор САГАН-ООЛ

КОСМАН-ООЛ

Крик ребенка прорезал молчанье родильного зала.
В этот миг сообщение радио передавало,
и слова прорывались сквозь ночь и сквозь вихри метели:
космонавты советские к звездам опять полетели!
Врач с улыбкой спросил молодую усталую мать:
— Сын родился у Вас. Как хотите ребенка назвать?
И ответила мать:
— Косман-оолом его назову.
Пусть он знает и помнит: в высокое время живу!
Вот он вырастет, станет пилотом могучих ракет...
Врач сказал:
— Непременно пилотом?
А что, если нет?
— Пусть в труде комбайнера, строителя, чабана
будет жизнь его
к звездам немеркнущим
устремлена!

Анатолий ЕМЕЛЬЯНОВ

ЮНОСТЬ ЛЮБВИ

В рощу пойду — чуть покроются алой полоской
неба края —
ты предо мной разволнуешься светлой березкой,
юность моя.
Выйду ли на поле утром холодным, росистым,
далью степной —
образ твой милый, задумчивый, радостно чистый
все предо мной.

* * *

Бывает: идеал в душе рождается,
а жизнь ворвется, чтоб его разрушить.
А ты пришла ко мне живая в душу,
чтоб идеалом вечным сохраниться.

И мне ль роптать, мне ль сетовать на это —
нет, я на жизнь за это не в обиде:
не каждому дано мечту увидеть,
тем более — рожденную поэтом.

А вот теперь я видел сам и знаю:
беспомощны мечтателей усилия —
ведь есть на свете женщина такая,
которая любой мечты красивей.

Что идеал — холодный и бездушный,
всегда, во всем мечтателю послушный.

* * *

Ты пошутила просто и легко,
как шутят женщины — порой беспечно:
а мне хотелось верить глубоко
в то, что услышал я в шутливой речи.

Так солнца луч сверкнет из облаков
и землю неожиданно осветит,
и сразу всем становится легко,
и верят солнцу все, как верят дети.

Так верю я тебе. Пусть облака
опять закроют небосвод желанный,
пусть снова беспросветная тоска
гнездится в сердце мукой постоянной —

живу, дерзаю, верю: вдруг из туч
сверкнет опять надежды светлый луч?

* * *

Ты мира целого теперь огромней,
все о тебе вокруг напоминает.
Душой и сердцем я тобой наполнен —
и все ж тебя одной мне не хватает.

Беспечный ветер по земле промчится
и складки платья чутко встрепенутся —
как я хочу губами их коснуться,
чтобы иметь еще тебя частицу!

Еще, еще... И нет конца и края...
Какой я нищий и какой богатый!
Хочу, чтобы хоть раз еще прошла ты
передо мной — мечта моя живая!

Как мир прекрасен, если хоть однажды
дождь исцелит его от страшной жажды!

* * *

Уедешь. Возвратишься в край родной —
я сохранию навек в воспоминанье
спокойных глаз глубокое сиянье
и стройный стан, и тихий голос твой.

Года труда, года моих исканий
сгорят, и с ними я сгорю дотла,—
но каждый раз на новое свиданье
ты явишься такой же, как была.

Такой же удивленно молчаливой
и бесконечно женственной во всем...
И я хочу, чтоб с радостным лицом
являлась ты ко мне — всегда счастливой

И милый облик сердце мне согреет:
в воспоминаньях люди не стареют.

* * *

— Заходи до пяти,
если встретиться хочешь без мужа.
Ну, а мужа захочешь увидеть —
так после пяти...

Телефон замолчал.
Мне твой муж совершенно не нужен.
Я, конечно, к тебе
до пяти постараюсь прийти.
Муж.

Он выдаст охотно десяток-другой анекдотов,
позлословит о людях,
поставит пол-литра — распить...
Словно сальными пальцами
сердце ощупает кто-то,
чтобы в нем нашу нежность
еще раз найти и убить.

...Как здесь много вещей!
Здесь душе никогда не согреться.
Не жилье, а какой-то забитый вещами манеж.
Я не вижу тебя,

но как больно сжимается сердце:
среди многих вещей ты здесь —
даже не главная вещь.

...Вот стучат каблочки,
словно кто-то торопится,
словно
наша юность далекая к нам на свиданье спешит.
Если даже и ты —
нам с тобою знакомиться снова,
продираться сквозь толщу
забитой вещами души.

...Тот же гордый в глазах холодок --
словно им никогда не влюбляться.
Тот же голос глубокий —
как будто из сердца идет.
Это ты.
Как тогда.
И тебе, как тогда, восемнадцать.
Только школьная форма —
тогда не носили ее.

В кисею на окне
жизнь волной океанскую хлещет,
пахнет хлебом и солнцем
и светится звездным огнем...

Здравствуй, юность любви,
победившая годы и вещи!..
Ну и душно здесь, дочка!
Давай-ка окно распахнем.

Людмила САНЧАЙ

ГРУСТНАЯ СКАЗКА

Осень угрюмою бабой-ягою
цедит и цедит дожди-опару,
словно невиданною стряпнею
мир удивить собралась под старость.

Что там стряпня, коли в сдобах колдуньи
молодца-лета конец таится!...
Парень, на сдобу горячую дунув,
лихо подбросив, за стол садится.

Стой, погоди, не надкусывай, милый!..
Поздно уже: — недвижим, бездыханен...
Злая карга, что же ты натворила,
Сгинь со своим угощеньем поганым!

Лебеди, гуси — бедовые птицы,
нет благороднее вас и добрее,
мне вы живой раздобудьте водицы!
Лето хочу оживить поскорее.

К ЗАРЕ

Девчонка темнокосяя
к заре, к заре бежала.
Глаза ее раскосые

свет алый отражали.
И то ли озабоченность
в глазах ее светилась...
А может,— радость...
Очень уж
девчонка торопилась.
Но вот остановилась вдруг,
косичками тряхнула
и доброту и нежность рук
к восходу протянула.
А там рождалось солнышко,
ягненочком вставало
и в первый раз беспомощно
мать-зореньку сосало.
И, как руна ягнячьего,
лучей она коснулась,
счастливая, ребячески
в беспечный бег рванулась.
Заулыбались розово
босые ноги травам,
а те склонились, росные,
налево и направо.

ОСЕННИМ ДНЕМ

Он повзрослел и очень изменился,
мой юный, оголенный тополек.
Как только сохранить он умудрился
листочек этот — крошечный флажок?

Листву срывает ветер оголтелый
с измученных, но гордых тополей,
срывает и грозитя то и дело
сломать их...

Непокорней и сильней
становятся деревья в час ненастный,
и, распрямившись, рвутся к высоте,
чтоб в небо вновь листвою окунаться,
чтоб звезды отдыхали на листве...

И в знак протеста против непогоды
листочки уцелевшие свои

поднимут тополя.
И, может, годы
И те не в силах будут их снести.

ЗДРАВСТВУЙ, ДЕНЬ!

Рабочий день...
Он, было, затерялся
в строптивом блеске
вечеров и утр.
Мне, легковесной,
тусклым он казался,
как рядом с золотом —
дешевый перламутр.

— Ну, здравствуй, день!
Тебе ли не понять,
что значит для меня
твою,
впервые,
по-деловому руку пожимать,
как могут только люди трудовые.

Ладонь твоя вся в ссадинах, мозолях...
Великий труженик,
меня в свой цех веди.
Пусть пот прессуется
в крупинки сладкой соли,
и хлебом сердце
крошится в груди.

ВЕТЕР

И отчего он только так озлился?
Буквально все готов разбить, смести.
Не в споре ли с грозой он сразился —
свои, земные, тучи завести?

Вздымает тонны пыли
и, огрев их
тысячами яростных кнутов —
ветвей на раскачавшихся деревьях,
за ними мчится с посвистом,
бедов!...

Но магниевой яркости улыбка
нет-нет да вспыхнет на лице грозы:
куда земной — сухой, колючей, зыбкой —
до тучи демонической красы!

ЗЕРНЫШКО

Как трудно я прорастаю
сквозь твердую почву жизни.
Но знайте, не променяю
ее на болотную жижу.
Пускай изнуряет жажда,
камнями пусть буду сжата,
лишь крепче, сильнее стану,
и буду расти непрерывно.
...Лучами солнца исколот,
рассветами, ветров полон,
вдруг запоеет мой колос
над ласковым тихим полем.

Валерий ТУТАТЧИКОВ

Валерий Тутатчиков — студент Кызыльского педагогического института физико-математического факультета. Родился в Туве, в поселке Бай-Хаак Тандинского района в 1946 году. Стихи начал писать с 1965 года. Печатается в газетах с 1969 года.

В альманахе «Улуг-Хем» выступает впервые.

ЗЕМНОЕ ОТТОРЖЕНИЕ

На миг сомнение и
боль:
«А если есть ошибка
где-то?»

Один,
четыре,
восемь,
ноль!
Проснулась,
вздрыгнула ракета!
И вот,
в сильнейшем напряжении,
пытаясь разорвать
бетон,

берет рассчитанный
разгон
и рвет
земное отторжение!
Все остальное:
время, даты —
слыхали,
прочитали из газет...
Впервые наши автоматы
летят с землей
иных
планет.
Но час придет:
измерят,
взвешают
и не измерят только
ум,
и ...
... два,
... четыре,
... восемь
... десять, —
ракета
вздрагнула от дум.
Они в пути!
Они живые!
Сомнений нет,
и нет неверий,
и нас тревожат позывные:
Земля!
Земля!
Летим к Венере!
Земля!
Прими
ты
отторжение
людей,
что сядут в корабли.
Твое
вернет их притяжение
с любой неведомой
земли.

ВЕСНА

Весна! Весна!
В себе тебя ношу,
звени, звени
колоколами.
Я голыми руками
задушу
того, кто встать
посмеет между нами.
Любовь моя!
Тревога и судьба,
беспечная,
веселая зазноба,
нисходишь ты —
и разная хвороба
из тела вон.
За холодом сугроба
иди, ломая льды,
Заберега!
Теплом лучей
снега перемели.
Вколачивай
тяжелые плуги
в сырую грудь
проснувшейся земли.
Я так хочу,
как ты же, зеленеть
листвою чувств.
Из года в год другой
о чем не пел —
по-новому воспеть,
и в старый след
не наступать ногой.

* * *

Желтая листва во дворе,
белый звездопад в сентябре,
красные цветы на столе —
это все тебе.

Не прошла молва стороной,
а прошла она надо мной,

а прошла она над тобой,
встала за спиной.

Страшные, плохие слова,
валится от них голова...
только ведь любовь — не трава,
вечно жива.

Что ж ты? Согласилась с молвой?
Мягкой обратилась травой?
Падаешь теперь головой
под ее косой...

Желтую листву во дворе,
белый звездопад в сентябре,
красные цветы на столе
отдала молве...

Эдуард ТРЕФИЛОВ

Эдуард Трефилов — сменный мастер комбината «Тувакобальт». В Туву приехал с Урала в 1969 году, после окончания института. Главная тема стихов Эдуарда Трефилова — труд и люди — строители молодого комбината.

* * *

Зажигает огни городок мой бревенчатый,
и светлее становится в нашем краю.
Я ревную тебя, ты с тайгой обвенчан,
все же дай мне рабочую руку свою.
Я пожму ее крепко, как другу при встрече,
видно, знать, по-мужски я тебя полюбил.
Ты опять окунулся в сиреневый вечер,
все мужаешь, растешь, набираешься сил.
Металлург и строитель,
горняк и лесничий —
в этой призме профессий,
в пожатии рук,
узнаешь не по рангам,
не по знакам отличий,
кто тебе настоящий и истинный друг.
Я уверен в одном:
ты всегда будешь молод,

потому что романтикой
будней живешь.
И в понятиях наших —
без малого город,
боевой и горластый,
как сама молодежь!

РОВЕСНИКУ

Набив чемодан нужных книг
и конспектов
и взяв на вокзале
транзитный билет,
прошел ты с друзьями
по рифме проспектов,
по городу юных
студенческих лет.
И вот ты в Туве.
В этом крае суровом,
где в буйстве тайги
свой нашел идеал.
В рабочем поселке,
у гор Танну-Ола,
стране выдаешь в концентрате
металл.
Не знал ты, как видно,
учась в институте,
что жизнь приготовила
новый проспект,
что в пафосе стройки,
как в вихре.
закрутит
и вселит в бревенчатый
хвойный проспект.
Везде и во всем
нам нужна убежденность,
и как бы твой жизненный путь
был ни крут.
пускай не пугает тебя
отдаленность,
мой верный коллега,
ровесник и друг.

ПИСЬМО

Ты, мама, поверь:
это в общем-то просто —
уехать на стройку впервые одной,
туда, где уж кедром
побольше, чем по сто,
туда, где домишки
пропахли тайгой,
туда, где палатки
плывут бригантиной —
должно быть, студенты
разбили там стан —
а горы встают
живописной картиной,
и ждут, когда явится
их Левитан.
Живу в общежитии.
Все мне здесь любо.
Теперь я в бригаде
бедовых девчат.
С подружками вместе —
с Наташкой и Любой —
в Туве возвели мы
большой комбинат.
Ты скоро увидишь
на телеэкране:
девчата на стройке,
в руках мастерки...
Меня же снимали
на башенном кране,
и местный поэт
посвятил мне стихи.
Работа такая —
гляди только в оба!
Расчеты и схемы
свои у меня.
Здесь битва идет
за будущий кобальт,
и в ней, понимаешь,
участвую я.
А ты не грусти обо мне,
дорогая.

И не считай,
                                что живем мы в глуши.
Рабочая молодость
                                скуки не знает...
Ты только мне письма
                                почаще пиши.

* * *

Оторвав от земли
                                свой космический груз.
на орбиту спешит
                                новый спутник —«Союз».
Это русские парни
                                его к цели ведут
и, впервые из практики,
                                переходят в «Салют».
Это снова сенсация,
                                это снова успех!
И в ладоши им хлопает
                                вся планета —
  и век!

УГОЛОК ДЛЯ ДЕТЕЙ

Салим СЮРЮН-ООЛ

ЛЕТО НА ЧАЙЛАГЕ

ПОВЕСТЬ

УЛУГ-ЧАЙЛАГ

Чайлаги — это поляны, альпийские дуга, которые лежат высоко, среди горных хребтов. Они перемежаются с массивами тайги. Улуг¹-Чайлаг раскинулся в верховьях трех речек. Он наклонный и похож на неглубокую чашу. Какая там трава! По колено! А воздух! — Чистый, горный воздух, в нем — ни пылинки! На чайлаге всегда прохладно. Нет там изнуряющей жары наших равнин, нет комаров и мошек. Диву даешься, сколько там вырастает самых разных цветов! А бабочки! Они тоже разноцветные, как и цветы — и белые, и желтые, и синие, и красные, и пестрые со всевозможными полосками и узорами... О, не зря говорят — чайлаг, действительно, прекрасен!

Стоит на Улуг-Чайлаге одна юрта. Хозяин ее — старик Одан-оол. Всю жизнь он пас овец. И сейчас чабанует. В его руках колхозное богатство — овцы, много овец! Как только пришло лето — он перекочевал с отарой на свой чайлаг. У Одан-оола — сивая спокойная лошадка. Сядет на нее старик и гонит овец

---

¹ У л у г — большой.

по склонам, по ложбинам, туда, где трава посочней. А к обеду возвращается назад, на стоянку. В холодке, в тени лиственниц овцы прячутся от полуденного солнца. А чабан отдыхает в юрте.

ГОСТИ

Однажды в полдень старик сидел, скрестив ноги, и пил горячий крепкий чай с молоком и с солью. Вдруг залаяли собаки.

— Пойди, старуха, посмотри, что там такое, — сказал Одан-оол. Старуха вышла.

— Ой, внучек! Ой, старик, да выходи ж ты скорее! Внук наш едет! — раздался ее радостный возглас.

Старик поставил чашку на пол и выбежал из юрты. На гнедом коне ехали двое. Сидевшего впереди он узнал. Это был их зять. А кто сидел сзади — не было видно.

— Кто там сзади едет? Не могу понять.

— Эх ты, старый, не видишь кто! Да это же внучек наш, Шериг-оол!

Старик быстрыми крупными шагами, весь подаваясь вперед, пошел навстречу. За ним заспешила и старуха.

Пока они добрались до коновязи, Шериг-оол уже соскочил с коня. Старики стали наперебой его обнимать.

— Ну как, перешел в четвертый класс?

— Да, дедушка, перешел.

— Ты что, старый, пристаешь, не терпится, что ли? Человек издалека приехал, в юрту войти не успел, чашку чаю не пригубил, а ты уже с расспросами про учебу! Спросил бы лучше, как доехали!

— Неважным наездником оказался ваш внук, — вступил в разговор Кара-оол, отец мальчика. — Кое-как довез его. Все жаловался, то там болит, то тут ноет.

Шериг-оол в левой руке зажал свою пеструю кепку и боялся шелохнуться. Его ноги обнюхивала огромная черная собака. Она нюхала так старательно, что ноздри ее шевелились. Шериг-оол с замиранием сердца ждал, когда это кончится. А взрослые говорили о своем и не смотрели на собаку.

— Ничего, у меня научится,— услышал он голос деда.— Это ведь мой внук! Есть у нас конь, есть годовалые бычки. Внук будет на них ездить.

ЧТО ЭТО!

Шериг-оол живет в Кызыле. На чайлаге он никогда не был. Все ему ново, все интересно.

Вечером овец стали загонять в загон.

— Дед, а разве здесь им ночевать нельзя? Почему в загон?

— А потому, что здесь, в тайге, и волки, и медведи водятся. Если ночью овец спугнуть — так побегут, что не догонишь.

Стемнело. По всему небу рассыпались крупные звезды. Тишина. Ни ворона не каркнет, ни сорока не вскрикнет. Даже собаки — и те легли. Только коровы жуют, тяжело вздыхая.

— Оог! оог! — заорал кто-то невдалеке. Собаки наострили уши, переглянулись и залаяли.

Кто это? — с испугом спросил Шериг-оол.

— Козел, внучек, козел. Но не такой, каких ты знаешь. Это не домашние козы. Это косули — легкие, быстроногие жители нашей тайги.

— Косуля? Козел!.. А почему орет? Темноты испугался, что ли?

— Нет, просто шорох услышал или дым почуял.

Вдруг раздался какой-то резкий непонятный крик, будто буран налетел. Стало как-то неприятно и даже страшно. Шериг-оол прижался к деду.

— Что это?

— Не бойся, внук. Это достак-чаак. Так он летает.

— А какой он? Наверное, огромный? Страшный?

Нет, птичка эта маленькая, чуть больше воробья, только потолще. Летом она серая, воротник желтый, а голова с черными полосками, будто надели на нее уздечку. Это — ночная птица. Летает очень интересно. Вверх поднимается прямо, как стрела, а летает так быстро, что и рассмотреть нельзя, только свист проносится. Взовьется высоко и замрет в воздухе. Крыльями машет и висит, как привязанная. Потом снова устремится вверх, а потом вниз падает, как камень. А когда падает — кричит: «Достак-чаак! Достак-чаак!»

— Идите ужинать! — раздался из юрты бабушкин голос.

Эх, жалко. Если б не бабушка, еще бы послушал про птиц!

ОЙ! ДЕДУШКА-А!

Юрта стояла совсем недалеко от леса. Шериг-оол пошел посмотреть, как растут шишки. Остановился у толстого кедра и задрал голову вверх. Он увидел чистое голубое небо и мохнатые сучки с бело-желтыми шишками, чуть покрупнее шишек лиственницы. Вдруг он услышал какой-то непонятный крик. «Зверь идет! Ну, пропал я», — подумал Шериг-оол и в страхе прижался к кедру. Из молодых зарослей выскочил пестрый зверек на тонких ножках. Он еще раз крикнул и скрылся в чаще. Тут же появился рыжий зверь с длинной мордой и пушистым хвостом. Шериг-оол подумал: «А что, если это волк?!» Зверь понюхал землю вокруг, увидел мальчика и оскалил зубы. Шериг-оолу показалось, что зверь смеется.

— Ой! Дедушка-а! — закричал, было, Шериг-оол. Но крика не получилось, от страха он только прохрипел.

Зверь отшатнулся в сторону, оглянулся и шмыгнул назад, в чашу. Оттуда раздался лай:

— Анн! Анн!

Мальчик пришел в себя. Оказалось, он залез на кедр и крепко держался за сучья. Ему стало еще страшней. Он собрал все силы и крикнул:

— Дедушка! Дедушка!

Старик сидел в юрте. Он услышал крик внука, испугался, выбежал и закричал:

— Иду-у, внучек, иду-у!

Но Шериг-оол не успокоился, а расплакался, обдирая руки, сполз с кедра и побежал на голос деда. Открылась небольшая полянка. Он пересек ее. В это время красный зверь с длинной шеей и длинными ногами легко перелетел через кустарник и опустился на поляну, чуть не столкнувшись с мальчиком. Зверь отшатнулся, перепрыгнул корни поваленного дерева и скрылся.

— Где ты, внучек?— совсем рядом послышался голос чабана.

— И-и-и!— только и услышал старик.

Шериг-оол всхлипывал и не мог остановиться. Дедушка подбежал к нему.

— Бедный мой, чего ты испугался?

Сбивчиво, сквозь слезы мальчик рассказал, что с ним случилось.

Другой бы из его слов ничего не понял, а дедушка сказал:

— Молодец, внук, маленького козленка спас. Лиса его хотела поймать. Но, потеряв добычу, она рассердилась на тебя и поэтому лаяла. Красный зверь с длинной шеей — это мать козленка, косуля. Почуяла, что ее детеныш попал в беду, и прибежала его спасать. А тебе нельзя быть таким трусливым. Ты — парень. Но далеко в тайгу одному ходить нельзя. Тут и волки, и медведи. Завтра возьму тебя с собой пасти овец.

СОБАКИ ЧАБАНА

Назавтра дед и внук погнали овец вместе. Дед сел на Сивку, позади себя посадил Шериг-оола. Собаки Черликпен и Костукпен побежали вперед. Черные, как сажа, овцы медленно потянулись вверх по склону.

Дед и внук остановились на седловине. Они увидели, что овцы прошли лощину и скрылись в тайге.

— Надо овец повернуть назад. Ты быстрее меня бегаешь. Ну, иди!

— Нет, дедушка, я боюсь.

— Что с тобой? Теперь ты боишься тайги? Мужчина не должен бояться! Ну да ладно. Костукпен! Черликпен! Тру! Овцы! Остановить!

И показал рукой на тайгу! Собаки, будто за зверем погнались, побежали за овцами. Вскоре отара повернула назад. Сзади шли, подгоняя овец, Костукпен и Черликпен.

Шериг-оол был поражен. Какие умные и послушные собаки! Как хорошо они умеют пасти овец! А как понимают слова чабана!

Черликпен весь серый, похож на сухую землю летом. Поэтому и зовут его Черликпен¹. Вторая собака черная, морда у нее белая, а вокруг глаз — черные круги, как очки. Потому и зовут ее Костукпен². Есть у старика и третья собака, огромная, как теленок, черная с белым пятном на груди, похожим на сердце. Зовут ее Чурекпен³. Это — самая злая собака. Днем она на цепи: юрту стережет.

Вечером дед с внуком пригнали овец домой. Бабушка сварила им бараний суп. Ай, какой это был вкусный да жирный суп! Шериг-оол никогда такого не ел. Ему казалось, что он сможет съесть такого супа хоть целый котел.

¹ Чер — земля, лик — дикий (тув.).

² Костук — очки (тув.).

³ Чурек — сердце (тув.).

Черликпен, высунув язык, подошел к порогу юрты и, двигая ноздрями, понюхал воздух. За ним подбежал и Костукпен. А сидевший на цепи Чурекпен громко заскулил: он тоже почувствовал запах супа.

— Надо им налить,— сказал старик.

Старуха налила три миски.

— Отнеси, внучек.

Шериг-оол вынес миски. Поставил на землю. И вскоре вернулся доедать свой суп.

— А зачем так много собак держать, дедушка?

— Надо, внучек. Если ночью кто-нибудь сюда придет, раньше всех об этом узнают собаки. А днем они пасут овец. Пользы от них больше, чем от ружья.

— Чурекпен — мой большой друг,— сказала бабушка,— он меня охраняет. Без него я бы одна не осталась — страшно.

— А зачем им суп давать? Разве нельзя сыворотку?

Дед и бабушка рассмеялись.

— Ай, внучек! Пожалел супа для собак! Собака сыта — ночью не спит.

И чабана из голодной собаки не выйдет, — добавил дед.

Из дверей было видно, как Костукпен, виляя хвостом, вылизывал миску.

— Посмотри, внук, ты видишь белую шерсть на задней ноге Костукпена?

— Вижу, дедушка, что это?

— С помощью этой собаки твой дед убил несколько рысей,— сказала бабушка.

— Рысей? Они страшные?

— О! Много страшней волка! Рысь похожа на кошку, ростом с собаку, на ушах — кисточки.

— Рассказывай, дедушка! Расскажи, как охотился с Костукпеном.

— Слушай, не перебивай. Была тогда осень. Вы-

пал снег. Куда это я тогда поехал? А-а, вспомнил. Ягненок пропал. Поехал я его искать. Смотрю: на камне лежит рысь. Растянулась, отдыхает. Я соскочил с коня, выстрелил. Зверь шмыгнул в багульник. Подбегаю к камню. На снегу кровь. Значит, ранена. «Костукпен,--- кричу, --- ко мне! Вот след. Иди!» Пошла собака по следу. Вдруг --- страшный визг. Прибегаю, смотрю --- раненая рысь лежит на корнях багульника. К земле прижалась. А у собаки кусок мяса из ноги вырван, кровь льется. Дома я рану зашил. Долго хромала собака. Теперь на этом месте белая шерсть растет. А то был такой случай. Пасу овец. Гляжу: Костукпен и Черликпен гонят рысь. Зверь в тайгу свернул. Скрылись. Я с ружьем побежал вслед. «У-у-у!»---завизжала одна собака. А другая лает. Прибегаю и вижу: рысь на сук взобралась, сидит, злыми глазами поблескивает. Костукпен катается на снегу, кровь бьет из бока. А Черликпен --- трусливая собака, подальше отбежала и гавкает. Я выстрелил. Цепляясь за сучья, рысь рухнула. Тяжелая была, матерая. Подбежал к собаке. Живот ее порван, много крови потеряла. Что делать? Снял пояс, перевязал рану. Рысь завалил на плечи. Собаку прижал к груди. На руках домой принес. Козлиной жилкой рану зашил. Долго заживала. Теперь Костукпен ненавидит рысей. Но хитрым стал. Не поддается. Настоящий охотник. Почует свежий след и не уйдет, заставит рысь взобраться на дерево. И лает, лает, --- меня зовет. Опытная собака!

РАССКАЗЫ СТАРИКОВ

У дедушки был гость. Старый его приятель, охотник. Он остановился на одну ночь, проездом.

Уже стемнело. Шериг-оол лежал, укрывшись одеялом, и делал вид, что спит. А сам слушал, о чем говорили старики. Дедушка выходил, приносил дро-

на, подбрасывал их в железную печку. Дрова уютно трещали, пела труба.

— Ну, что твой внук? За скотом ухаживает? Как себя ведет? Не ленивый?— спросил гость. — Ведь недаром говорят: «Хороший конь с жеребенка виден. Хороший человек с малых лет виден».

Шериг-оол насторожился, замер.

— Он приехал недавно, многого сказать не могу, но видно, что парень послушный и скот любит,—ответил дед.

— Одно только плохо — не уследить за ним. Глазом моргнуть не успеешь, а он уже в тайге.

— О-о! Это опасно! Тут ведь всякие звери есть! А что ему в тайге надо?

— Что ему надо? Шишки!

— Ха-ха-ха! Понятно. Ребенку, конечно, шишки!

— Он в тайге впервые. Ему все ново. Сколько тут зверей! Сколько птиц!

— Да... Выследить хотя бы одного зверя, всю жизнь его увидеть, все повадки изучить. Любопытно... Но это не только мальчику, это и нам не под силу. Можно каждый день ходить в тайгу и ничего толком не заметить. Где-то птичка свистнет, где-то бурундучок пропищит. И все. Другое дело, если того же бурундука проследить от дня рождения и до старости, до самой смерти. Но на это много времени уйдет... Вот глухарь, сколько у него птенцов? А я своими глазами видел его гнездо. Там было восемь яиц. А вот тетерев — сколько я их за свою жизнь перестрелял!—а все не знал, сколько яиц в его гнезде бывает, какого цвета они, какой величины. Только недавно довелось увидеть гнездо. Было там одиннадцать яиц. Они немного меньше куриных, желтоватые, а на тупой стороне бурые пятна. Подумай-ка, друг, мне шестьдесят лет, нет тайги, где бы я не ходил, нет зверя, которого бы я не убивал, а гнездо тетерева этой весной увидел впервые.

— Да... я тоже недавно любопытное видел,—заговорил дедушка.— Ты знаешь, как птенцы куропатки вылупляются? Вот слушай. Пошел я лошадь катать — вечером оставил на привязи, а утром смотрю: нет ее. Иду по следу. Долго шел. Устал. Сел отдохнуть. Сижусь, курю. Гляжу: вокруг меня две куропатки выются. «Ну,— думаю,— здесь их гнездо». Огляделся и вижу: вылупляются птенцы. Ведь другие как? Носом пробивают скорлупу и выходят. А у этих яйца раскрываются пополам, как цветок, скорлупа — как ножом разрезана! И птенец выпрыгивает. Скачут они друг за другом, много их, маленькие, как большой палец, серенькие, с коротенькими крылышками. Я восемнадцать штук насчитал! Перед тем, как прыгнуть из раскрывшейся скорлупы, птенец обязательно просвистит... Мать и отец пролетали совсем низко, готовы были меня разорвать. Я быстрее ушел...

Рассказы стариков были длинные, интересные. Они курили, пили чай, грели спины у огня. И опять говорили.

Шериг-оол подумал: «Хоть бы не заснуть, послушать еще». И тут же заснул.

«БЕЛЬЧИК»

Дед и внук каждый день гоняли отару на водопой в ложбину к прозрачной быстрой речке.

Однажды дед отстал и крикнул: «Сам пригони овец на чайлаг, а я соберу дров».

По дороге Шериг-оол наткнулся на какого-то рыжего зверька. Тот лежал, вытянувшись, у корней толстого кедра. Мальчик стал его рассматривать и понял: это был бельчонок. Ушки торчком, хвост большой, пушистый. Показалось, что зверек мертвый, но дышит, живот двигается. А не убегает, не боится. Шериг-оол посмотрел вверх по стволу, но ничего, кроме птичьего гнезда, не заметил,— не укусил бы!— он

взял зверька на руки. Тот почти не шевелился, только рот открывал, как голодный птенец. Мальчик торопливо погнался отару. Скорей домой! Войдя в юрту, он сразу протянул бельчонка бабушке. Оторвавшись от шитья, она глянула на зверька и вскрикнула:

— Ой! Да ты что!

— Это бельчонок, бабушка.

— Зачем ты взял его в руки? Выбрось подальше! Кто знает, от чего он подох? От какой болезни? Ты напугал меня, дурачок!

Нет, бабушка, бельчонок живой. Я его под кедром нашел. Он от меня не убежал: не боится.

— А если не боится, значит — больной! Пойди выбрось его, а то плохо будет. Но Шериг-оол осторожно положил бельчонка на ширтек и тихонько погладил его пушистые ушки и черный хвостик.

Пришел дед с вязанкой дров. Шериг-оол быстро рассказал ему про бельчонка.

— Ну-ка, покажи. Вроде живой, — дед положил зверька на ладонь. — Проголодался он. Живот совсем пустой. Видно, мать потерял. Подогрейте ему молока.

Но как ни старались дед с внуком напоить бельчонка молоком, ничего у них не получилось. Зверек крепко стиснул зубы и не пил с ложечки. Раскрыть его рот не удавалось. Наконец, дедушка придумал. Они смочили в молоке кусок марли и втокнули его бельчонку в рот. Он начал сосать. А через некоторое время открылись его ясные черные глазки.

Теперь не трогай, внук. Положи в тот ящик. Пусть сил набирается, — сказал дед.

Шериг-оол положил шерсть на дно фанерного ящика и бережно опустил в него бельчонка.

— А где же его мать, дедушка?

— Наверное, какой-нибудь хищник съел.

Утром Шериг-оол только проснулся — и сразу к ящику. Бельчонок моргал глазками, ему хотелось

шевелиться, но он был еще слаб. Только на третий день зверек окреп. Глазки его бегали, сам он прыгал в ящике и выглядывал в дырочку. А на пятый день дед предложил внуку освободить бельчонка, проверить, убежит он от хозяев или нет. Шериг-оол боялся, что бельчонок убежит, но пришлось послушать деда. Зверек радостно побежал по траве, быстро взобрался на ограду загона и засеменял по бревну. Чурекпен заметил его и залаял. Бельчонок испугался, спрыгнул на землю и направился к лиственнице, которая стояла недалеко от юрты. Несколько минут — и он был на дереве.

— Бельчик! Бельчик! Иди сюда! — кричал Шериг-оол. Но зря. Бельчонок не только не спускался вниз, но поднимался все выше и выше.

Мальчик стал уныло ходить вокруг лиственницы. Тогда дед предложил:

— А ты налей молока в блюдце и позови бельчонка.

Шериг-оол выбежал из юрты с блюдцем и снова закричал:

— Бельчик! Бельчик!

К его удивлению, бельчонок полез по стволу вниз. Добравшись до самого нижнего сучка, зверек улегся на нем.

— Бельчик, иди ко мне! — и Шериг-оол прогянул вверх комочек марли, смоченный молоком. Бельчонок спрыгнул к нему на плечо и начал сосать марлю. Радости Шериг-оола не было границ.

— Бабушка, смотри, он спустился, дедушка! — кричал он. — Теперь я его не отпущу, он мой! Он будет сидеть в ящике!

— Нельзя, внучек, держать его в ящике. Он подохнет. Пусть гуляет на воле. А к тебе он будет приходить пить молоко.

Дед оказался прав. Бельчонок, как только видел

блюдце, сразу прибежал. А бывало, и сам, проголодавшись, появлялся около юрты.

Шериг-оол играл со зверьком — они бегали наперегонки вокруг загона.

И все-таки бельчонок пропал. Его искали повсюду.

— Дедушка, а может его Чурекпен съел?

— Нет, дорогой мой, Чурекпен есть бельчонка не станет.

— Зачем он ушел? Как жалко! Красивый был мой бельчик! Я говорил, надо было посадить его в ящик.

— Не говори так, милый, — сказала бабушка. Живое существо на земле живет, а не в коробке.

А Шериг-оол еще долго вспоминал своего шустрого быстроглазого Бельчика.

ПРАВИЛЬНО!

Пришло время сенокоса. Многие чабаны уже приступили к работе, а Одан-оол и не принимался. Заведующий фермой однажды заехал, напомнил. А вскоре приехал председатель колхоза и дядя Сюр-оол.

— Что ж ты, друг, сено не заготовливаешь?

— Верно, это моя обязанность — косить сено. Знаю, даргалары, знаю...

— А если знаешь, почему не работаешь?

— Помощника нет, кто овец пасти будет? Если пропажа — кто будет отвечать?

— Старуха твоя пусть пасет.

— О нет, дарга, нет, только на меня не показывайте! Я в тайгу с овцами не пойду, я медведя боюсь! — запричитала бабушка.

— Среди бела дня медведь не нападет на человека. Ну да ладно.

Тут председатель остановил взгляд на Шериг-ооле.

— Сколько лет мальчику?

Одиннадцать.

— Ну вот, а ты, старик, говоришь, некому помочь. Разве внук твой не помощник?

Только внука моего не трогайте! Где ему самому пасти! Он маленький! — заступилась бабушка.

— Значит, завтра начинаешь косьбу, — сказал председатель, не слушая бабушку.

Вскоре они с дядей Сюр-оолом уехали. Шериг-оол начал играть в бабки.

— Придется тебе завтра пасти, --- сказал дед бабушке.

— Ишь, чего вздумал, мне пасти! Кругом тайга, медведи, волки, а мне, старухе, пасти! Нет, я боюсь.

Старик не стал возражать. Он думал. Они с Шериг-оолом уже много дней пасли овец. Мальчик разбирается в травах, знает, в какие места надо гнать. Пожалуй, он один теперь справится.

— А что, внучек, ведь у тебя две собаки, будешь пасти?

— О чем ты говоришь? Ребенок ведь...

Но старик ее не слушал, а ждал, что ответит Шериг-оол.

— А где их пасти? — спросил мальчик.

— Далеко не гоняй. На горе Донгул пусть пасутся. Там места открытые.

— Ну, если так — я пойду с ребенком, вместе будем пасти.

— Хорошо, бабушка, будем вместе.

— Вот и правильно! — обрадовался дед. — А бабушка тебе расскажет сказку о том, как лиса и волк стали бояться человека.

ЖАЛОБЫ

Солнце садилось, когда старик вернулся домой с сенокоса. Овец еще не было, хотя в это время им пора быть в загоне.

— Где овцы? — спросил он, не слезая с коня.

— Там, за бугром, Шериг-оол сейчас пригонит, — ответила бабушка.

Старик въехал на бугор.

Шериг-оол увидел деда и стал торопить овец. Вскоре они были дома.

— Что так поздно, внучек?

Не хотели идти домой, еле-еле завернул, еле-еле загнал.

— Значит, плохо вы их пасли. Значит, не наелись.

— Вот тебе на — не наелись! Что значит — не наелись? Летний день велик, а травы сколько! И не наелись! — бабушку возмутил упрек деда.

— Я, дедушка, больше не пойду с бабушкой пастить. Толку от нее нет.

— Что ты! О чем ты говоришь! — растерялась бабушка.

Дед расхохотался.

— Толку, говоришь, нет от нее? Это почему?

А вот почему: не дает овцам пастись, крутит на одном месте.

— То-то. Я ведь сказал, что овцы не наелись. Понятно теперь.

— А когда я ее спрашиваю что-нибудь — ничего не может ответить. На горе Донгул прямо из травы вылетела крупная, вроде бы полосатая птица. Я спросил, а бабушка не знает.

— Это, внучек, была белая куропатка.

— А потом, когда на водопой ходили, тоже большая птица пробежала, закрыв голову крылом...

— Это был глухарь, самка. Видимо, где-то поблизости были ее птенцы.

— А к лесу бабушка не приближается, все открытые места ищет.

— Вот видишь, какая она трусиха! А сказку рассказала?

— Нет. Тут, говорит, нельзя. Звери могут услышать. И тогда нас съедят.

Все рассмеялись.

— Значит, завтра бабушку не берешь с собой? Один справишься?

— Если верхом на Сивом, то справлюсь, -- важно ответил Шериг-оол.

— Ну нет, друг, на Сивку не надейся. Мне ехать далеко, через перевал. Садись-ка на белолобого бычка.

Шериг-оол не хотел ездить на бычке. Но что делать? Лучше на бычке, чем пешком.

КОСУЛИ

Пропала овечка. Дед поехал ее искать. Шериг-оола тоже взял с собой — посадил на Сивку сзади. И — ружье на плечо. Дедушка всегда берет с собой ружье.

Проехали несколько логов и нашли овечку. Погнали домой. Дед шел пешком, а мальчик ехал на Сивке. Вдруг дед замер и дал Шериг-оолу знак: стой, ни с места! Сивый тоже навострил уши. Совсем недалеко на поляне спускалась косуля. Она остановилась и издала какой-то странный, похожий на рычанье, звук. Тут же выбежали два пестрых козленка, уткнулись в вымя и начали сосать.

Шериг-оол закричал:

— Ой, дедушка, какие хорошенькие!

Он снова посмотрел на поляну, но зверей как ветром сдуло.

— Дедушка, где же они?

— Убежали. Ты их испугал.

Дорога шла около молодых лиственниц. Шериг-оол вздохнул.

— Дедушка, а козлятина вкусная?

— Прекрасное мясо, внучек. Ешь и не оторвешься!

— А почему же ты не стрелял? Ведь у тебя было ружье?

Чабан улыбнулся и спросил:

— Что, козлятины хочешь попробовать?

— Хочу.

— Вот осенью, когда снег выпадет, жирного рогаха убью и привезу тебе почки. А сейчас козлят убивать нельзя. Пусть растут. Человек должен охранять животных.

Догорал закат. Затихли птицы. Даже кузнечики угомонились. А ночные птицы еще не вылетели. Тишина.

Шериг-оол все думал о козлятах.

— Дедушка, а почему косуля к ним спустилась сверху? Разве она не все время с козлятами?

— Нет, милый, она только ночью с ними вместе.

— А днем?

— Днем она их прячет от хищников.

— Значит, козлята понимают, что им говорит мать?

— Она их приучает к осторожности, они ее слушают. Утром она приводит их в заросли. Как почует опасность — бьет копытом в землю и убегает. Козлята понимают, ложатся. И будут лежать целый день до самого вечера, пока мать не вернется.

БАБУШКИНА СКАЗКА

В юрте было несколько книг. Бабушка берегла их, прятала в сундук. А больше всех она любила «Тувинские сказки». Как выдавался свободный час, она вынимала книгу и протягивала внуку — читай! Шериг-оол никогда не отказывался, много раз он перечитывал одни и те же сказки. Уже знал их наизусть. А бабушка все просила снова и снова.

Однажды она вытащила ту самую книгу, на которой нарисован богатырь с луком.

— Ну-ка, внучек, почитай самую первую сказку, про богатыря.

Тут Шериг-оол вспомнил слова деда.

— Бабушка,— сказал он,— я тебе много сказок прочитал, а ты мне свою сказку все еще не рассказала. Сказка о том, как лиса и волк стали бояться человека.

— Да я уж и забыла все...

— Шияан¹, бабушка. Ну, в давнее время жили...

— Шияан,— вдруг начала бабушка и села поудобней.— Пospорили однажды лама и охотник. Лама говорит: «Я — святой. За всю жизнь ни одного живого существа не убил, ни одного злого дела не сделал. Бурган² знает об этом. А вот ты всех подряд убиваешь. Не смотришь: большой зверь или маленький, с детенышами он или один. Тебя можно хоть сейчас отправить в нижний мир к Эрлик-Хану³». А охотник отвечает: «Нет, я зла не приношу, я убиваю тех зверей, которых показывают мне хозяева тайги. Охотой я кормлю свою семью и помогаю бедным людям. Вот вы говорите, что ни одного живого существа не убили. Это неправда. Вы идете по земле и топчете червей, муравьев, жуков. Или, может быть, они не живые? Но этого мало. Вы и людей губите своими ядовитыми лекарствами. Скот вы сами не режете, но заставляете это делать других. Уж если кому и идти к Эрлик-Хану, то, конечно, вам». Лама и охотник спорили день, спорили ночь, все перебрали, ничего не оставили. Но сколько можно спорить? Нужен третий, кто бы рассудил. Решили пойти к волку, он много ви-

---

¹ Ш и я а н — приблизительно означает «ну так вот». Этим словом обычно начинают сказку или одобряют сказителя.

² Б у р г а н — бог.

³ Э р л и к - Х а н — владыка нижнего (загробного) мира.

дел, много знает. Идут, идут, а навстречу — лиса. Увидела она охотника и поклонилась ему: «Охотник, почему у тебя на плече ружье? Ты, наверно, хочешь убить волка? Я знаю, где он. Могу сказать». — «Где, где волк, скорее покажи!» — И они пошли втроем. Приходят к волку. Он поклонился и говорит: «Охотник, почему у тебя на плече ружье? Ты, наверное, хочешь убить медведя? Я знаю, где он. Могу проводить». Но лама рассказал волку, зачем они к нему пришли. Услышав это, волк важно рассмеялся и говорит: «Все понятно. Этот спор могу разрешить только я. Ведь сам я никогда никому ничего плохого не сделал». Тут заговорила лиса: «Послушайте, друзья, по какому праву серый волк будет судьей? Ведь он всех — и больших и маленьких — пожирает! Нет, ему нельзя доверять! Пусть ваш спор решает медведь». — «Зачем так грубо говорить обо мне? У меня такая жизнь», — сказал волк, краем глаза поглядывая на лису. И ощерил зубы. Лама говорит: «Твоя правда, лиса. Между волком и охотником нет разницы. Их обоих надо отправить под землю, в нижний мир». Охотник говорит: «Лиса права. Между ламой и волком мало разницы. Их надо связать за шеи одной веревкой и бросить в озеро». Волк подумал и говорит: «Я согласен, пусть медведь будет судьей». И они пошли вчетвером. Шли, шли и дошли до глубокой пропасти. И обойти нельзя, и дна не видно. Лиса говорит: «Делать нечего, придется спор решить здесь. Кто перепрыгнет пропасть, тот прав. И тот будет жить. А кто не перепрыгнет, тот не прав. Пусть он падает вниз и прямо отправляется в нижний мир, к Эрлик-Хану». Все с лисой согласились. Но тут же снова заспорили: кому первому прыгать. «Волк, прыгай первый!» — приказал охотник. — «Нет, я только что наелся, брюхо тяжелое. Мне надо полежать, отдохнуть». — «Ну, тогда ты, лиса, прыгай!» — «Ну, что вы, ведь я самая маленькая, я должна прыгать последней. Первым

пусть прыгает он!»— и лиса показала на ламу.—«О нет, я очень тяжелый, мне надо подготовиться, поху- деть. Потом я прыгну, а сейчас прыгни ты, охотник!» Охотник вытащил большой нож, срезал молодое де- рево, сделал шест и с его помощью легко перелетел через пропасть. Тогда лама пошептал, помолился, перебрал все свои четки, подоткнул полы желтого халата, по примеру охотника срубил молодое дерево и сделал шест. Разбежался и прыгнул. Но ступил на самый край той стороны пропасти, покачнулся и рух- нул вниз. Охотник лег у края и заглянул в пропасть. Пока он смотрел, волк и лиса, не сговариваясь, по- бежали в разные стороны. И с тех пор они прячутся от охотника, стараются не попадаться ему на глаза. С тех времен волк говорит: «Как увижу женщину — я смеюсь, как увижу мужчину — шерсть встает ды- бом». А лиса, как увидит человека — сразу убегает. Но обязательно остановится, обязательно обернется и посмотрит: с ружьем идет человек или без ружья.

НОЧНОЕ НАПАДЕНИЕ

Ночь. Пасмурно. Выйдешь из юрты — ничего не видно. Будто в яме. Гром гремит где-то далеко, будто под землей.

Юрта чабана похожа на дом приезжих. Почти каждую ночь кто-нибудь ночует. И в ту ночь остано- вился один старик из колхоза.

Бабушка сказала Шериг-оолу:

— Это твой дядя.

После ужина все расположились спать. Вдруг все три собаки отчаянно залаяли и побежали куда-то вниз. Чабан тут же выскочил из юрты.

— Куут! Тру! Лови! — закричал он.

— О, что же это случилось? Неужто зверей по- чуяли? — запрчитала лежавшая на кровати ба- бушка.

По лаю собак было ясно: это не просто человек заехал. Что-то недоброе случилось — или воры подкрались, или звери подошли. Заржали в тревоге лошади, сорвались с привязи и с шумом, храпом подбежали к юрте. Забегали овцы в загоне. Замычали коровы. Чабан ласковым голосом пытался успокоить овец. Потом подбежал к юрте и крикнул гостю:

— Что-то случилось, лошади сорвались с привязи! Выходи!

И выстрелил два раза в воздух. По тайге гулко пронеслось эхо. Все чуть-чуть успокоились. Старались понять, что же произошло. Вор? Прячется?

— Нет,— сказал дедушка,— это не вор. Вор — тоже человек. От вора лошади так не побегут. Видите, как они испугались? Колышки даже вырвали. Тут был или медведь, или волк.

— Дедушка, они не вернуться?

— Тш... так нельзя говорить,— испуганно сказала бабушка.— У земных существ свои дороги. Они сами знают, где и когда им пройти...

Тут снова взвились собаки. Сильнее прежнего забеспокоился скот. Чабан снова выстрелил в воздух. Было слышно, что собаки на кого-то нападают, тот обороняется, идет драка. Послышалось густое сопение.

— Медведь! Выходи сюда, старик!— закричал дедушка дяде.

— Внучек, иди ко мне,— испуганно проговорила бабушка, а сама укрылась с головой.

По телу Шериг-оола пробежал холодок. Он вскочил со своего войлока и шмыгнул к бабушке под одеяло.

— Где ты пропал? Давай скорее лучину!— кричал дедушка.

— Боюсь выйти,— дрожащим голосом ответил гость. Он стучал ножом по топору.

— Лучину скорее! Зверь подходит!

Было слышно, как медведь приближался к юрте. Овцы метались по загону, дробно стучали копытцами. Ревели коровы. Как тут усидеть в юрте? А гость— ни с места, только стучит своими железками — думает, что зверя пугает. Шериг-оол вскочил, выхватил из печки горящую головешку, выбежал из юрты и передал головню дедушке. Вскоре недалеко от юрты загорелись два костра. Свет их был виден далеко. Дедушка заранее заготовил кучи хвороста, и вот теперь онигодились.

Медведь стал отходить. Было слышно, как он идет, ломая сучья. Скот очень боится этих звуков. Собаки бежали за зверем по пятам.

Летняя ночь коротка. Начало светать. Медведь скрылся в тайге.

Шериг-оол видел, как дед вошел в юрту, тяжело поставил ружье и шагнул к деревянному бачку, в котором был хойтпак, кислое молоко. Пил долго. Чашку за чашкой. Сколько их опрокинул дедушка? Потом он вытер губы рукой и вдруг закричал:

— Что вы за люди?! Что с вами сделал страх! У вас, может быть, руки — ноги отнялись?! Вы хуже маленького ребенка!

Ему никто не возразил. Бабушка вылезла из-под одеяла:

— Дай попить, чего-нибудь холодненького,— попросила она.

Шериг-оол увидел, что бабушка вся мокрая от пота.

— Ох, сердце!

Чабан не шелохнулся. Он курил. Тогда Шериг-оол встал и подал бабушке чайник с чаем. Та схватила его и начала сосать прямо из носика.

— Мне тоже налей, племянничек,— попросил гость.— Пить хочу. Все во мне дрожит.

Так и прошла бессонная ночь. Утром косари из со-

седнего аала заехали к нам по пути. Долго говорили о медведе. Шериг-оола похвалили. Но самую большую похвалу получили чабан и его собаки.

КОСАРИ

Они возили копны. Ставили зарод. Работой руководил заведующий фермой Сюр-оол. Увидев Шериг-оола, он весело крикнул:

— О! Внук Одан-оола к нам пришел! Теперь работа пойдет быстрее.

Он подошел к мальчику, взял его за плечи, повернул и сказал:

— Смотри вниз, видишь этот отрог? Прямо за ним — зимняя стоянка твоего деда, для его отары готовим сено. Ты должен работать лучше всех.

— Когда старик будет приезжать за сеном, каждый раз внука вспомнит, — сказал подошедший козсарь.

Распределили, кому что делать. Двоих отправили в лес — привезти жерди, чтобы огородить зарод. Шестеро на трех лошадях стали возить сено. Среди них оказались Шериг-оол и дядя Сюр-оол.

— Поторапливайтесь, — говорил дядя, лошадей беречь не надо, летом им ничего не станет.

Долина Кошкеелга — широкая, сена много. Длинными рядами стоят копны.

— Сколько их, дядя Сюр-оол! Когда же мы управимся?

Завтра должны управиться. А ты что, испугался?

— Да нет, просто спросил.

— Ну, тогда давай лошадь.

Шериг-оолу все интересно: и как делают волокушу, и как удобно кладут на нее сено, и как ставят зарод.

Люди с вилами встречали подвезенные копны.

— Сюда давай, сюда! Вот так, молодец!

— А внук Одан-оола — удалой малый.

Услышав такие слова, Шериг-оол старался еще больше. Он бил плетью лошадь, он торопился... Но Сивый не обращал внимания на удары, шел не спеша. Скоро Шериг-оол услышал:

— Что же ты запаздываешь? Тот мальчик работает лучше тебя. Пока ты один раз съездишь, он успеваает два раза обернуться.

Рядом с Шериг-оолом возил сено Калдар-оол. Он был немного старше, лошадь у него была рыжая, норовистая, быстрая. Она все вскидывала голову и не могла стоять на месте. Калдар-оол сдерживал ее, пока нагружали волокушу. Позавидуешь тому, у кого такая лошадь! А Сивый — бей, не бей — шагу не прибавит. Шериг-оол сказал дяде:

— Надоела мне такая ленивая лошадь! У меня руки устали ее бить. Вот бы мне такую, как у Калдар-оола!

— Нет, брат, от слишком быстрой лошади толку мало. Скоро устанет.

После обеда Калдар-оол возил сено уже на другой лошади.

-- А где же та, рыжая?

--- На вид она была хорошей. А на деле — дрянь. Устала.

Шериг-оол радовался. Его Сивка лучше всех. Спокойно тянет, не слабеет. Будто в ответ мыслям мальчика косарь сказал:

— Твой Сивка, наверное, колченный! Даже пот не проступил! Настоящая рабочая лошадь.

Незаметно подбирались сумерки. «Когда же я к ягодам успею?» — подумал Шериг-оол.

По дороге между аалом и Кошкелигом есть лог. А черной смородины в нем полным-полно! Утром косари там ненадолго останавливались. Ягоды крупные, спелые. Ах, какие вкусные! Шериг-оол только распробовать успел, и уже уходит! Ну уж на обратном

пути я наемся ягод досыта»,— думал он тогда. А где ж тут наешься? Все работают, и конца работе не видно.

— Когда домой поедем, дядя?

— Что, устал?

— Нет. К ягодам бы успеть, пока не стемнело.

— Ну, ягоды никуда не денутся. Завтра успеешь. А сегодня надо поработать.

И, хотя уж темнело, дядя Сюр-оол начал всех поторапливать.

— Давайте, ребята, постараемся все убрать. Нет смысла откладывать на завтра. Кто его знает, вдруг ночью дождь пойдет?

И, подавая всем пример, работал еще быстрее.

Запели ночные птицы. Показалась луна. И вот долина стала чистой: ни одной кошны. А в середине, как огромный дом, высился зарод.

СПАСИБО, ЭМЧИ!

Ветеринарный врач Сарыглар Базыр-оол был частым гостем в юрте чабана. Шериг-оолу он понравился больше всех. Врач, бывало, играл с мальчиком, а когда лечил овец, звал его на помощь. «Подогрей водичку, брат. Надо развести лекарство», «Иди сюда, Шериг, держи овечку!».

Он очень шумный и веселый. Где он — там смех. Шериг-оол любит врача. Как только Сарыглар приедет, мальчик от него не отходит.

Прошли всего сутки, как чабан перекочевал на осеннюю стоянку. Поздний вечер.

— Ой, друг мой, Шериг-оол, прогони скорее своих зубастых волков! Спаси!— раздался веселый голос.

В юрте сразу поняли: это ветврач. Уже десять дней его не видели — врач ездил по другим аалам.

Шериг-оол выскочил из юрты, прикрикнул на собак.

— Как живы-здоровы? Как скот, в сохранности? Помощь моя нужна? Как ваша больная овечка?

— Здравствуйте, заходите, заходите.

— Что ж ты, друг, откочевал как-то вдруг?— со смехом обратился врач к чабану.— Я-то еду себе, не спешу, думаю, у тебя переночую, приезжаю на твой чайлаг, а там пусто. Страшно мне стало. Кругом темно. Чуть меня звери не сожрали...

— Да ну! Где же они?— испугалась бабушка.

— Там, где им быть положено.

— Хм...— усмехнулся старик.

— Уж он найдет, что ответить,— бабушка ласково посмотрела на Сарыглара.

Шериг-оол, как всегда, подсел к врачу и смотрел ему в рот, лввя каждое его слово.

— Вот какие дела, Шериг,— начал Сарыглар. У нас так говорят: «Кто в тайгу придет — сразу жует, кто в аал придет — чай пьет».

Ха-ха-ха! А у меня горло пересохло, в желудке пусто.

— Что сидишь? Корми гостя!— прикрикнул старик.

— Сейчас, сейчас,— засуетилась бабушка.

Ну, как твоя отара, чабан?

— Все в порядке.

— Падежа нет?

— Нет.

— Не потерялись овцы?

— Потерялась одна. Та самая, большая. Искали мы ее, да не нашли.

Наверное, ее уж нет, волки съели.

— Не могли мы ее долго искать,— поддержала чабана бабушка,— дожди пошли, время уходить. Надо акт составить, дорогой эмчи.

— И я ее искал — нигде нету,— сказал Шериг-оол.

— Значит, нету. Ну, слушай, друг Шериг, я тебе сказку расскажу.

— Рассказывайте, слушаю!

— Это было не в старые времена. Жил беспечный парень Базыр-оол. Ездил он по аалам, лечил овец. Однажды приехал он к одному чабану. А тот говорит: «У меня потерялась овца». А жена его говорит: «Акт составляй, эмчи!» Маленький внук со старшими был заодно. Их защищает. «Нету овцы!» — твердит. Добрым парнем был эмчи Базыр-оол. Взял карандаш, взял бумагу и стал писать. «Акт», — написал он сверху и подчеркнул. В это время в юрту вбежала овца. И закричала: «Нет! Не хочу умирать! Акт о смерти моей составлять не дам! Сами видите, эти люди врут! Акт захотели — пусть составляют его на себя, бя-а, бя-а! Вовсе не думал чабан о моей судьбе, бе-е, бе-е!».

— Ха-ха-ха! Дальше, дядя Сарыглар!

— Бедный эмчи заплакал, услышав слова овцы, но на хозяев взглянул, улыбнулся и стал писать. Он написал докладную о том, что чабан просил больную овечку скорей списать. Он говорил, что волки съели ее. А та овечка возле юрты была...

— Ха-ха-ха. Ну, эмчи, ты нас развеселил, смешная твоя сказка, да где же в ней правда?

В это время у самых дверей юрты заблеяла овца.

— Что это? Овца? Как она вышла из кошары? Ведь она закрыта! Внучек, посмотри!

Шериг-оол открыл дверь и вскрикнул:

— Ой, да ведь это — та самая пропавшая овечка!

— Что? Ты правду говоришь? — насторожился чабан.

— Конечно, правду!

И старик, и старуха выбежали за Шериг-оолом.

— Бедная овечка, как она сюда пришла?

— Вот видите, как получилось. Оставили ее в

тайге и скорее требует акт на списание. Я ее нашел на вашем чайлаге. Кое-как довел.

-- Спасибо, эмчи!

ДО СВИДАНИЯ

Шериг-оол доволен, что побывал в тайге. Теперь он знает названия многих деревьев и трав, знает повадки зверей и птиц. И овец пасти теперь умеет, и сено сгребать. А уж отдохнул -- на славу! И черной смородины наелся -- как никогда! А новостей у него сколько! Будет что рассказать ребятам.

Хорошо было на чайлаге. Шериг-оол чувствует, как за это лето силы в нем прибавилось. Да и смелости. Сегодня он едет домой.

-- До свидания, дедушка! До свидания, бабушка! Не огорчайтесь. На будущее лето я обязательно приеду снова. Я решил: после школы буду работать чабаном. А потом буду учиться на ветеринара, чтобы стать таким, как дядя Сарыглар!

Марьям РАМАЗАНОВА

МОГЕ-БЕЛЕК

(Из сказок бабушки Бюрбэжика)

— Тпру!— дернул отец вожжи, и наш белоснежный Буян, запряженный в тарантас, остановился возле юрты бабушки Бюрбэжика, прижавшейся одним боком к горе, совсем недалеко от Кок-Тейской переправы. Гора эта серо-зеленой грядой поднималась над правым берегом Малого Енисея. Открылась расписанная орнаментом нарядная дверь юрты, и в ней, как в раме, показался бабушка Бюрбэжик. Он был в белой рубахе, синих далембовых штанах. Его коричневое лицо, большие черные, с наплывшими веками глаза и бело-серая борода враз засияли. Круто вырезанные губы бабушки, еще не тронутые старостью, улыбнулись, показывая голубоватые ровные зубы, словно специально подогнанные один к другому. А ведь тогда ему было уже немало лет — я и то перешла в третий класс!..

— Здравствуйте, дорогие мои,— зарокотал густой баритон бабушки Бюрбэжика. Он подал руку отцу, а потом подхватил меня и несколько раз подбросил.

Сердце мое замирало, когда я летела вверх, распластав руки.

— Ну, рассказывай, моя худышка, чем можешь порадовать?

— Ни одной «удочки»!..

В глазах дедушки отразилось недоумение:

— Какой удочки? Где?

— Да в табеле же, дедушка, в табеле! А «удочка» — это отметка такая «удовлетворительно».

— Значит, все неудовлетворительные?..

Да нет, дедушка! Только очень хорошие и хорошие! И я в третьем классе!

Дедушка пригласил нас в юрту. Там все было, как и раньше, когда я была у него в гостях года два назад. По правую руку стояли кухонный стол и двухспальная кровать с никелированными головками; прямо — этажерка с книгами и газетами. По левую руку высились сундуки — аптара в желто-зелено-красных орнаментах, на них стояло множество фигурок, вырезанных из камня. Вот олень повернул голову и, чуть приподняв ее, настороженно прислушивается, готовый в любую секунду рвануться вперед; вот сарлычонок припал к вымени матки, которая лижет своего детеныша...

Дедушка Бюрбэжик накрыл низкий столик, мы расположились на полу, покрытом кошмой. Через минуту я с удовольствием поглощала нежный хан с калачами, испеченными бабушкой в русской печи у кок-тейского паромщика. Самой бабушки не было дома, она уехала к сыну в Эрбек...

Поев, дедушка с отцом долго разговаривали о своих взрослых делах, а я терпеливо ждала. Месяц назад, заезжая к нам, дедушка Бюрбэжик обещал, если я хорошо кончу школьный год, рассказать мне новую сказку...

Вот он уже зарядил трубку душистым дунзе. Глянули на меня его глаза, теплые, как летняя ночь. Он

оперся спиной о кровать. Я подседа к нему. Он затянулся табаком. Теплая рука старика легла мне на голову, и пальцы еле заметным движением стали перебирать мой «ежик».

--- Шияан...

У бедной аратки, по имени Кунзенма, и охотника Уган-оола было девять дочерей. Все послушные. Убирали юрту, варили чай, ходили в ближний лесок за хворостом, толкли тару, пасли овец и коз. Они были погодками и в свободное время резвились, как молодые козлята. Бегали наперегонки, играли в прятки, а зимой запрягали своего мохнатого пса Адавастая в самодельные санки и катались.

Отец и мать любили своих дочерей. Но Уган-оол часто вздыхал, поглядывая на целый выводок девочек: очень ему хотелось мальчика. Покуривая трубку, задумывался Уган-оол. Как наяву, видел: вот они вместе с сыном идут на охоту, добывают соболей, и достаток приходит к ним в юрту. Каждый день можно есть свежую, жирную баранину, пить душистый чай с густым молоком, есть боорзак и бову...

Как-то раз взял Уган-оол стрелы и лук и пошел в тайгу. На редкость был неудачным у охотника первый день. Ничего он не добыл, только устал, продрог, проголодался. Начал моросить мелкий, колючий дождь. Уган-оол долго не мог развести костер. Сучья трещали и сипели, пока не разгорелись. Как черные кони, низко над землей плыли тяжелые тучи, почти задевая вершины деревьев. Потом подул сильный ветер. Жалобно застонали стволы лиственниц, пригибаясь к земле. И вдруг разом настала тишина.

Уган-оол сварил в котелке чай, достал сухой сырбыштак и стал ужинать. А мысль о сыне не выходила из головы. «Вот сидел бы он рядом со мной,— думал охотник,— разговаривал бы, и верно, уж вдвоем бы мы что-нибудь с охоты принесли. А подрост бы сы-

ночек — стал бы кормильцем нашим, ведь не успеешь оглянуться, как старость придет...».

Только поднес Уган-оол ко рту чашку, сделанную из корня березы, как непонятная сила заставила его взглянуть вперед. Перед ним, ярко освещенная костром, стояла высокая женщина красоты необыкновенной. Она была в зеленом халате, искусно сотканном из хвои, косы, тоже зеленые, касались земли, и даже брови, изогнутые полумесяцем, были зелеными. Уган-оол от неожиданности раскрыл рот, хотел что-то сказать, но не мог. Зеленая женщина шагнула к нему и глубоким грудным голосом произнесла:

— Не бойся меня, человек. Я давно тебя знаю. Меня зовут Ноганмаа-дангына, я хозяйка здешней тайги. Подслушала мечту твою. Так и быть, родится у тебя сын, и я ему подарю коня и меч. Назови его, по моему желанию, Могэ-Белеком.

И исчезла дангына, как растаяла. Уган-оол дернул себя за косу — больно ему. Не спит, значит. Радость охватила охотника, заплясал он танец орла, распевая веселую песню...

На рассвете он был уже дома, поделился радостями с женой: жди сына! И вправду, через год родился у них мальчик с черными, как угли, глазами. Только пососал он первый раз материнскую грудь, как заговорил:

-- Здравствуй, авай. Эки, ачай. Вот и я, ваш долгожданный сын. Зовите меня Могэ-Белеком.

Рос мальчик не по дням, а по часам. На третий день уже в колыбели не помещался. Через неделю впервые с отцом на охоту пошел и без промаха попадал в дичь. А каким был ловким и сильным! Без труда в борьбе побеждал всех, прыгал через костры, переплывал без отдыха реку. Как год ему исполнился, попросил у отца коня. Уган-оол подвел к нему своего единственного, маленького мохнатого Рыжку. Могэ-Белек сел на коня, и подогнулись у Рыжки ноги,

словно были они из мягкого воска. Запечалился годовалый богатырь: нет у него коня! Не возле самой юрты послышалось ржание, и все увидели серого в темных пятнах-яблоках красавца. Под седлом стоял конь, уздечка была позолочена, к седлу прикреплен меч в золотых ножнах. Понял Уган-оол: это Ноган-маа-дангына сделала подарок его сыну. Коня Моге-Белек назвал Хартыга-Ат — Соколом.

Хорошо стали жить не только родные Моге-Белека, но и все люди его племени. Он всем помогал сеять просо, добывать пушнину и дичь. Но однажды потемнело безоблачное небо родины Моге-Белека. Загремел страшный гром — такой, что скалы дробились в мелкий щебень. Молнии сновали, как загнутые иглы, прошивая небо золотыми нитями. Это летел из тридевятого царства двуглавый Шулбус. Уже издали дыхание его сжигало целые аалы. Земля горела.

Опоясался Моге-Белек волшебным мечом, сел на своего крылатого Хартыга-Ата. Кунзенма благословила сына на бой с поганим чудищем. И взвился Моге-Белек на коне птиц в поднебесье.

Не ожидал этого Шулбус. Он не знал, что у бедного племени есть такой могучий защитник. Моге-Белек летел все выше и выше, превратился в точку и камнем ринулся вниз, на Шулбуса. Взмахнул мечом — и сразу отлетела одна из голов. Страшно завыл Шулбус. Разъярился, приблизился к Моге-Белеку и направил струю крови на его коня. А кровь Шулбуса была ядовита, все живое сгорало от того яда. Но Хартыга-Ат успел увернуться и так лягнул задними копытами чудовище, что закрутилось оно в воздухе.

— Ну, погоди! Испепелю тебя вместе с конем твоим! — взревел Шулбус, повернулся хвостом к Моге-

Белеку — хотел пронзить коня вместе с седоком. Круто повернул коня и Мого-Белек, пустился вниз, к земле. Шулбус преследовал их. У подножия высокой горы Час-Адыр опустился на землю Хартыга-Ат. А Шулбусу с одной головой стало трудно нападать, он и пошел на хитрость:

— Эй, Мого, нечестно ты бьешься! Ты на коне, а я нет. Спешисься — будем один на один биться!

— Не слушай его! Мы только вдвоем непобедимы. Не оставляй седла. Не сходи на землю! Это приказ Ноганмы-дангыны! — умолял всадника конь. Беда ждет нас обоих!

Но не послушался Мого-Белек своего друга-коня. Не успел богатырь на землю прыгнуть, как Шулбус, подкравшись сзади, хвостом ударил его по голове, и Мого-Белек по колено в землю вошел. Он рванулся всем телом и замахнулся мечом на Шулбуса. Завыло чудовище и ударом головы выбило меч из рук богатыря. Далеко от места боя отлетел меч. Юноша остался безоружным. Хартыга-Ат, стоявший поодаль, заржал и побежал к Шулбусу, чтобы ударить его по голове своими железными копытами. Вздрыбился уже, да Шулбус разинул рот и плюнул коню в глаза. Рухнул конь на землю мертвый. А Шулбус пытался откусить голову Мого-Белеку, но вырвал богатырь из земли дерево с корнями и тем деревом отбивался, хоть и текла кровь из его ран. К месту боя со всех сторон стали сбегаться люди того племени, конные и пешие. Луками и стрелами были они вооружены, иные держали в руках копья или острые камни, у каждого был нож. Тысячи стрел и ножей вонзились в тело чудовища. Все медленнее двигалось оно, длинная шея уже не держала голову. И вот издал Шулбус в последний раз дикий рев — и издох.

Но и Мого-Белек лежал почти бездыханный.

— Не умирай, избавитель наш! — кричали, плакали люди. Мого-Белек собрал последние силы, приподнялся, широко раскрыл орлиные глаза, посмотрел на синее небо родины и чуть слышно прошептал:

— Байырлыг, люди, прощайте. Не оставьте в беде моих стариков, отца Уган-оола и мать Кунзенму, не обижайте сестриц моих. Была бы у меня тысяча жизней — все бы отдал вам!

И упал богатырь мертвым. Не знал он, что нет уже ни его матери, ни отца, ни сестер: спалило их дыхание Шулбуса.

У подножия горы Час-Адыр рос могучий кедр. Возле него вырыли люди могилу. Бережно подняли тела Мого-Белека и его верного Хартыга-Ата, положили их рядом. И только хотели бросить в их вечное жилие первую горсть земли, как возле кедра, неизвестно откуда, появилась женщина, вся в зеленом наряде. Она была печальна, из глаз ее струились зеленые слезы. В правой руке держала цветущую ветку: куст багульника напоминала ветка, но лепестки цветом были изумрудные и горели на солнце зеленым огнем. И сильный, пряный запах исходил от них. Конечно же, это была Ноганмаа-дангына. Она взмахнула веткой над могилой, и легкие зеленые лепестки, превратившись в маленьких птичек, с дивным пением слетели вниз. И только сели те птицы на тела богатыря и его коня, как зашевелились Мого-Белек и Хартыга-Ат, поднялись. Заржал конь от радости. Мого-Белек легко вскочил в седло, и одним прыжком вынес его конь из могилы. И чудо — сравнялась с землей сама яма, густая трава мигом поднялась на том месте. Ликовали люди: жив их спаситель, еще не раз придет он на помощь! Никто и не заметил, куда скрылся он сам на волшебном коне, а с ним и хозяйка тайги Ноганмаа-дангына.

КУСКЕЖИК

(Сказка)

Была ранняя весна. Из-за моря-океана прилетели домой птицы, свили гнезда для своих будущих птенцов. Тайга пробуждалась. Все вокруг ожило. Куда солнышко посмотрит желтым глазом — там все приходит в движение. Деревья тянутся к лучам и будто прислушиваются к чему-то. Из корней вверх по стволам поднимается сок, и почки набухают прямо на глазах у всех обитателей леса... Ручьи, освобождаясь от ледяного панциря, разбегаются серебряными змейками. А на проталинах выглядывают первые подснежники.

Вдруг вся тайга огласилась громким ревом. Это сам хозяин ее — бурый медведь Хайыракан вылез из берлоги! Заспанный, злой: он всю зиму сосал лапу. Шерсть его скаталась и висит рыжеватыми, как высохший мох, клочьями. Только Хайыракан, пошатываясь, двинулся с места, как вдруг, откуда ни возьмишь, выскочил веселый мышонок — Кускежик. Встал он перед Хайыраканом на задние лапки и пропел тоненьким голоском:

«О, самый великий,
о, самый могучий,
о, лучший из лучших —
тайги нашей хан!
Живи ты и здравствуй,
над нами ты властвуй.
бурый медведюшка —
наш Хайыракан!»

Хайыракан нагнулся над мышонок, хотел его проглотить, но ему стало смешно — и он слегка, как ему показалось, лапой задел Кускежика. Мышонок охнул, несколько раз перевернулся и остался лежать на спине. Белое плюшевое брюшко его было в не-

скольких местах поцарапано острыми медвежьими когтями.

— За что ты меня так обидел, Хайыракан? Я к тебе пришел с добром, а ты..., — и Кускежик залился горячими слезами.

— Замолчи, — басом заревел Хайыракан, — а то ненароком в мой живот попадешь!

— Кто знает, может, я тебе еще и живой пригожусь, — пропищал Кускежик и заковылял к себе в норку.

Проходили дни за днями. Солнце щедро одаряло землю теплом. Тайга распушилась, расцвела. В гнездах уже обростали перышками птенцы. Звери выводили своих детенышей на полянку гулять, кувыряться, учили их добывать пищу. Сам Хайыракан — властелин тайги — готов был, как глупый детеныш, нежиться, валяясь по сочной траве.

Как-то, наевшись досыта спелой малины и меду, пошел Хайыракан к ручью напиться студеной воды. И вдруг встретил... человека! Они долго глядели друг другу в глаза, а потом разошлись мирно. И невдомек было Хайыракану, зачем пришел в тайгу этот человек.

А послал его в тайгу подсмотреть, куда ходит на водопой Хайыракан, нойон тех мест. Задумал он выдать свою единственную дочь за соседа, такого же чиновного и богатого, как он сам. Готовилась богатая свадьба. Араты из ближних аалов не покладая рук трудились, чтобы вовремя подоспело богатое приданое. Женщины шили из парчи и бархата яркие, как таежные цветы жарки, наряды невесте. Чудными узорами отделявали строченые маймаки, соболем опушали высокие шапки. А когда все причуды невесты выполнили мастерицы, заявила дочка отцу:

— Хочу, чтобы после свадьбы новую белую юрту мою охранял на цепи не пес какой-нибудь, а сам хозяин тайги — Хайыракан!

И погнался тогда нойон в тайгу бедняков-охотников. Заставил сперва выслеживать медведя. А потом — копать глубокую яму под большой сосной, как раз там, где ходил Хайыракан пить студеною воду да лакомиться малиной. Искусно закрыли ее ветками и травой бывалые охотники, даже вблизи не было заметно, что под всей этой чуть начавшей увядать зеленью зияет глубокая пропасть!

Вечер тайгу и горы покрыл сиреневой дымкой. Красный шар солнца медленно катился за скалы, будто кровью окрашивал их. Задумал тем временем Хайыракан, на ночь глядя, побаловаться малинкой. Важно пошел он в заветный малинник. Вдруг земля ушла из-под ног Хайыракана, и он полетел в пропасть. Дико взревел Хайыракан, но ни одна живая душа не откликнулась. Притаились перепуганные звери: если случилась беда с властелином тайги, что же их-то ждет! Приближенные слуги нойона хитро придумали сперва поморить медведя в яме голодом, а уже потом, когда обессилит он и легче будет с ним справиться, вытащить наружу и посадить на цепь.

Карабкался Хайыракан вверх — но когти обрывались, и он снова плюхался на дно ямы. От бессильной ярости стал он грызть свои лапы. Три дня и три ночи просидел так! Мучил его голод, а того больше — жажда. И решил уже он, что пришла к нему смерть.

— Ваше Хайыраканство, — услышал вдруг медведь тоненький голосок и поднял голову. На краю ямы сидел Кускежик и пищал:

— Как вы сюда попали, ваше Хайыраканство?

— Провалился, вот и сижу, — отвечал медведь. — Помогите мне выбраться отсюда! — взмолился сильный перед слабым.

Молнией взлетел Кускежик на вершину ближней сосны и закричал изо всех сил:

— Эй вы, зверушки лесные, братья мои родные!

Мышки-норушки, белки — рыжие стрелки, зайчишки-плутишки, бегите ко мне на помощь!

И сбежались на поляну зайцы и мыши, бурундуки и белки.

— Зачем ты звал нас, Кускежик? Какая беда приключилась?

Встал Кускежик на пенек и, глядя на полчища своих собратьев-грызунов, сказал им по-деловому:

— Видите сосну? Ее надо свалить в яму.

Тотчас кинулись мышки, зайчики, бурундуки, белки к подножию сосны, стали лапками рыть землю, а подобравшись к корням, впились в них десятками тысяч острых зубов. И задрожало дерево, и с шумом повалилось в яму.

— Не спите, не спите, ваше Хайыраканство! Лезьте скорее наверх! К вашим услугам зеленая лестница!— запищал Кускежик.— Да поторопитесь! Мои уши к земле близко, слышу я, стучат уже конские копыта, топают ноги людей! Это слуги нойона идут, чтобы посадить вас на цепь!..

Собрал Хайыракан все силы и, цепляясь когтями за сосну, выбрался из ямы. С благодарностью лизнул он своим шершавым языком Кускежика — да так, что взъерошилась на мышонке мокрая шерстка.

— Говорил же я, что еще пригожусь вам!— пищал Кускежик, крутясь возле носа тяжело шагавшего от опасного места медведя.— В пять тысяч раз я меньше вашего Хайыраканства, да вот — телом мал, а душой удал!..

Вот почему никогда медведь не наступает лапой на маленького мышонка.

ЭТЮДЫ О ПРИРОДЕ

Олег ГАВРИЛОВ

„СИНЯЯ ПТИЦА“

Еще в детстве старый охотник рассказал мне красивую легенду о «синей птице». С той поры в поисках ее мне довелось повидать много разных дикушин. Но желание отыскать ее не пропадает, наоборот, оно становится все сильнее. А может быть, в этом поэтическом определении кроется извечная тяга человека к познанию окружающего мира? Поэтому каждый и ищет свою «синюю птицу»?

І. ПОД ПОЛОГОМ ЛЕСА

Тиха и умиротворенна тайга в осенние дни. Хмельные запахи хвои и перезревшей ягоды, густо настоявшиеся в воздухе, пьянят и будоражат, как крепкий напиток. Кругом еще буйство зелени, но стоит приглядеться внимательней и увидишь первые признаки уходящего лета. Не спеши, человек, осмотрись, прислушайся, и тайга откроет тебе свои маленькие тайны, как открыла мне их погожим сентябрьским днем.

Пламя

Гора, крутая и величественная, заслоняет собой полнеба. Ватные клочья облаков цепляются за ее вершины, а внизу кудрявится тайга. В нежной зелени лиственниц темными кляксами смотрятся островки ельника и кедрача, рыжими заплатками выделяются куртины осинки.

Нежное дерево — осина. Еще нет крепких утренников, а она уже в ожидании морозов застыдилась, зарумянилась, словно девушка. Листья налились яркими красками осени, как будто волшебный художник со своей богатой палитры щедро разбросал золотые, бордовые и пурпурные краски.

Смотришь на осинник и кажется, что он охвачен пожаром. Это сходство усугубляется тем, что стройные колонны вечно-зеленых елей похожи на столбы дыма. Этот тихий пожар все больше разгорается с каждым днем. Сначала он охватил подлесок — кустарники жимолости, голубики, затем перекинулся на осинник и гальник, начал захватывать березняк. А через несколько дней запыхает и хвоя лиственниц.

Пожар этот тихий, без шума, без движения — листопад еще не начался. И тем неожиданней было увидеть среди зеленого брусничника пляшущий язычок пламени. Он вспыхивал и трепетал, клонился в стороны, бессильный зажечь сырую моховую подстилку. Вот до чего могут довести образные сравнения: увидел пламя там, где его быть не должно. Просто это пурпурный листок осины зацепился черешком за паутинку. Колеблемый током воздуха, он вращается пропеллером, создавая иллюзию живого пламени.

Кружева

Идешь по тайге, и на лицо постоянно липнет паутина. Сначала досаждаешь на то, что она путается в волосах, на веках, мешая смотреть, но потом смиряешься, как с чем-то неизбежным. Невидимые нити опутывают одежду, и прилипшие к ним мелкие листочки узором конфетти украшают ваш костюм. Это рождает ощущение праздничности, приподнятости настроения.

Липкие нити паутин сейчас тянутся от каждого кустика и дерева. Это не ловчие сети пауков, расставленные на неосторожных насекомых. Просто наступила пора вышлота и массового переселения паучат. Покинув кокон, смастеренный заботливыми родителями, паучата лезут на ветки и повисают на невидимой ниточке. Подхватит паучонка порыв ветра, и он начнет выпускать из себя бесконечную паутину. Потом оторвется нить, связывающая его с веткой, и восьминогий воздухоплаватель плывет по воздуху, пока не встретится ему препятствие.

А ранним утром, когда еще не успела высохнуть упавшая за ночь роса, я увидел удивительное зрелище. Между двух засохших дудок борщовника висела сеть паука. Все радиальные

нити ее и концентрические круги были словно выкованы из серебра искуснейшим чеканщиком, имя которому — Природа. В местах пересечения нитей крошечными алмазами вспыхивали росинки.

Эти нежпошние кружева пленяли воображение только до тех пор, пока поднявшееся солнце не высушило росу. Когда испарилась последняя капля влаги, паутина стала невидимой.

Пирамидальные лиственницы

Лиственницы, стройные, высокие, зрелые деревья, на свою беду выросли близко у проселочной дороги, которая подходит к берегу реки. Здесь очень удобное место для привала, но поблизости нет дров. Вот и пришлось лиственницам расстаться с сучьями. Безжалостный топор обрубил их все до самой макушки.

Хорошая почва и обильная влага сделали свое дело — не дали погибнуть деревьям. По всей окружности их ствола обильно проросли мелкие ветки, укутавшие их кудрявой зеленью. Ветви настолько густы, что в них не видно ни малейшего просвета. Им отдан весь избыток соков, которые могучим деревьям некуда девать.

И стоят лиственницы, словно огромные малахитовые колонны — потолще у основания, сужающиеся к вершине. Всем своим видом они удивительно похожи на пирамидальные тополя. Если бы не горы и тайга, то можно на миг представить себя в окрестностях кубанской станицы.

«Бабье лето»

Весь август и начало сентября были дождливыми, а потом наступила устойчивая ясная погода. Уже недели две назад должны были ударить заморозки, а их и в помине нет. Несмотря на первые признаки увядания, в лесах еще по-летнему буйствует зелень. Эту золотую сентябрьскую пору, когда возвращается тепло и ведро устанавливается надолго, в народе и называют «бабьим летом».

На моховом склоне горы среди зеленых, точно вырезанных из лакированной жести, листьев брусничника выглядывают крошечные гроздочки пунцовых ягод. Сколько ни глядишь под ноги, всюду однообразный фон — лаковая зелень листьев и ягоды брусники всех гамм красного цвета — от ярко-розового до пунцового.

И вдруг словно по этому фону мазнули белилами. Наклоняюсь пониже и не верю своим глазам — брусничник зацвел. Миниатюрные белые цветы, слегка тронутые на вершинках веточек розовым, обильно распустились рядом с ягодами.

Этим цветам суждена короткая жизнь — до первого заморозка. Но они тем более дороги, как прощальный привет ушедшего лета.

«Рог изобилия»

Ничего не скажешь, богата осенняя тайга! Тому, кто не знает ее и не любит, она может показаться хмурой и неприветливой, изорвет одежду крепкими сучьями, вымотает силы по колоднику и бурелому. А трудолюбивому и смекалистому, тому, кто познал ее тайны, она устелет тропинки мягким мохом, напоит хрустальной водой из студеных ключей, раскинет перед ним необыкновенную в своей щедрости скатерть-самобранку.

И чего сейчас только не найдешь в тайге! На кедрах зреют вкусные орешки; в логах из земли «плотами», как образно говорят в народе, лезут грузди, рыжики, маслята, волнушки и прочее грибное многообразие; горные склоны краснеют от ягод брусники...

Устав от блуждания по тайге, я присел отдохнуть на шишковый пенек. Мое внимание привлекла широкая шляпа груздя, которая белела в траве. Я наклонился к ней поближе. Край шляпки был придавлен тяжелой кедровой шишкой, сбитой с дерева ветром, а рядом с ней легла гроздь брусники. В углублении шляпки лежала крупная ягода гонобобеля и несколько сизых плодов жимолости. Ну чем тебе не рог изобилия!

Под кедром

Бурундука я застал врасплох, когда он шелушил орехи из кедровой шишки. Зверек с возмущенным визгом взлетел на ближайшее дерево, долго и сердито цыкал. Защечные мешки, полные орехов, придавали полосатому грызуну забавный вид. Бурундук долго бранился на непрошеного посетителя, а затем улизнул, беспокоясь о своих запасах.

По следам, оставленным у кедрового дерева, нетрудно догадаться о тех лесных жителях, которые его регулярно навещают. У корней дерева валялось несколько пустых шишек, из которых были аккуратно выбраны все орешки, за исключением пустых. Это работа кедровки, которая первой снимает пробу урожая.

Насвшись, она набивает зоб и улетает в поисках укромного места, где прячет орехи. В местах забытых кладов кедровки потом вырастают могучие деревья.

К одной из шишек, вышелушенной не до конца, прилипло муаровое перышко, которое потерял глухарь. Значит, бородастый лесной отшельник тоже не прочь полакомиться вкусными орешками. А затем недоклеванную им шишку точили полевки — следы их зубов видать на твердой шлухе орехов. Посещало кедр и семейство кабанов, четкие отпечатки копыт которых остались на влажной земле.

Словом, звери и птицы устроили под кедром настоящую «лесную столовую».

Трубач

Сумерки в тайге наступают значительно быстрее, чем в открытой местности. Не успеет солнце зайти за горы, как в лесу разливается вязкая темнота. С наступлением сумерек затихает жизнь дневных животных. Перестают пересвистываться птицы, прекращается неумолчный стук дятла, даже мышь — и та не пискнет в траве. Ночные животные не покинули свои логова и гнезда, и звенящую тишину не нарушает ни единый шорох.

И вдруг в недрах леса рождается могучий звук. Он начинается с низкого басового тона, постепенно крепнет, набирает силу сирены и кончается высокой нотой, ликующей и победной. Звуча уже нет, но он все стоит в ушах. Кажется, этот дикий первобытный вопль исторгла из могучей груди сама тайга.

Через несколько минут звук повторился ближе. В нем чувствуется могучая сила и удаль, страсть и вызов. И вскоре этот вызов был принят. С соседней горы донесся ослабленный расстоянием крик другого зверя.

В тайге начался гон оленей-самцов, которые за право обладания самками устраивают жестокие турнирные бои.

II. ПОД ШАПКОЙ-НЕВИДИМКОЙ

Рассказываешь друзьям о том, что видел в лесу, а они не верят. Побасенки, дескать, охотничьи, знаем, мол, мы вас. Мы де сами на природе бывали, а подобного ничего не видывали.

Я бы этим скептикам посоветовал надеть шапку-невидимку. Раздобыть ее — нет ничего проще. Зимой — это чисто отбеленный маскировочный халат, летом, осенью и весной — зеленая куртка с темными разводами и старая солдатская шляпа-альпийка. Если к этому добавить еще терпение и умение вести себя незаметно и неслышно, то лесной мир обернется к тебе совсем иной стороной.

Танцы на снегу

Стоял мягкий зимний денек, какие в декабре встречаются не часто. С неба сыпал мелкий снег, заволакивая окрестности белой мутью. Вокруг царило безмолвие, не нарушаемое ни посвистом птиц, ни барабанной дробью дятла. Даже снег не скрипел под ногами. Лучше такой погоды для ходовой охоты не придумаешь.

Я спустился лесистым логом с невысокой сопки и, цепляясь за кустики караганника, подтянулся к краю обрыва, чтобы оглядеть окрестность. Высунулся — и едва не отпустил ветку, за которую держался, потому что перед глазами взметнулось рыжее пламя.

Через несколько мгновений я понял, что крупный лисовин меня не заметил и не думает удирать. Увлеченный своим делом, он подпустил на верный дробовой выстрел.

Подавив охотничье волнение, я прилег прямо на снег, укрывшись за шаровидным кустиком перекати-поля. Ярко-рыжий лисовин с темным крестом на лапках мелкой, крадущейся поступью прошел по краю жнивья, сделал стойку на задних лапах, резко припал к земле и вдруг быстро и беспорядочно запрыгал, норовя поставить все четыре конечности в одну точку. Вот он сунул узкую морду в снег, и в пасти на секунду мелькнула крупная полевка.

Лисовин облизнулся, крутнул головой по сторонам, поводил ушами, отороченными кромкой черного меха, и снова грациозными прыжками двинулся по стерне. Его яркая шуба на белом фоне выглядела очень контрастно, а прыжки напоминали движения неизвестного прекрасного танца. Впрочем, почему неизвестного? Ведь «фокстрот» в буквальном переводе с английского как раз и обозначает «лисий шаг».

Стало жаль поднимать ружье на этого красивого зверя, который подарил мне столько приятных минут и очень усердно очищал колхозные поля от грызунов. Я любовался им до

тех пор, пока он не кончил мышковать и не затрусил мелкой рысцой в сторону леса. Тогда, сложив губы трубочкой, я пискнул по-мышьиному, и лисовин остановился, словно наткнувшись на препятствие. Настороженный — весь внимание и слух — он иноходью двигался ко мне до тех пор, пока его трепещущие ноздри не уловили струйку запаха. Лисовин вывернулся в немыслимом прыжке и исчез в овраге, вскинув облачко снежной пыли.

Дружное семейство

Большая полоса сжатой пшеницы, покрытая пухлым снеговым одеялом, была пустынна. Лишь местами на ней темнели кучи соломы да пересекались в разных направлениях следы косуль. Я опустил бинокль и двинулся, не таясь, по краю поля, заросшему полынью.

На стерне, которая обрывалась у подошвы горы, наткнулся на участок сплошь взбитого и перекопанного снега. Пока разбирался в следах, в двадцати метрах от меня из-под снега показалось множество черных крупных точек. Они то исчезали, то появлялись вновь, и трудно было понять, что под снегом скрывается большой табун даурских куропаatok.

Я притаился за кустиком полыни и достал из-за пазухи бинокль. Белый маскхалат отлично маскировал на снегу, и куропатки скоро успокоились. Они, за исключением крупного самца с черной подковой на груди, исчезли в своих пещерах, и скоро оттуда начали взлетать фонтанчики снега — куропатки кормились. Ничто не указывало на присутствие табуна, только время от времени на месте кормежки проседал снег.

Старый куропач, который добровольно взял на себя обязанности дежурного, казалось, относился к ним совершенно наплевательски. Он застыл темной кочкой на снегу и даже не вертел по сторонам головой, втянув ее в перья. Но первое впечатление оказалось обманчивым. Куропач вдруг вытянулся, издал отрывистое «чир-лик» и нырнул в снег.

Я долго не мог понять причины его тревоги и готов был отнести ее за счет собственного неосторожного движения, пока не разглядел в бинокль кружащегося над вершиной горы сарыча-зимняка. Каково же должно быть зрение у этих птиц, если они разглядели в небе едва видимую точку. Мне же невооруженным глазом сделать этого не удалось: едва я опустил бинокль, белесый хищник растворился в мутном небе.

Воспользовавшись случаем, я хотел подобраться поближе к табунку. Но куропатки услышали мои шаги и тут же сменили тактику. Они бесшумно начали выныривать из снега, появляясь совершенно в неожиданных местах. Начав считать их, я скоро сбился, так как куропатки появлялись одновременно то тут, то там. Они переливались, струились по жнивью настолько незаметными движениями, что на спинках у некоторых даже не осыпались комки пухлого снега.

Я насчитал более двух десятков птиц, но неловко повернулся, и куропатки с треском взлетели. Распустив красные надхвостья, они на неподвижных крыльях спланировали и, укрываясь в складках местности, исчезли в овраге.

Через час я отыскивал их. Птицы, согревая друг друга, тесно сидели на пяточке выбитой от снега земли под развесистым кустом караганника.

Встреча с невидимкой

На поле, где кормился знакомый табун куропаток, я стал появляться регулярно. Птицы, если можно так выразиться, привыкли ко мне, и появилась возможность хорошо изучить их образ жизни. Я узнал, что в морозное время куропатки кормятся на жнивье весь день, определил часы вылета на кормежку, изучил их укрытия и повадки. Четкая сторожевая служба помогала им своевременно уходить от опасности. По следам удалось прочесть, как куропатки каждый раз оставляли с носом лисовина, пока тот не бросил тщетных попыток полакомиться одной из них.

Тем более велико было мое удивление, когда в один из выходных дней табун не подпустил меня даже на полсотни метров. Причину столь осторожного поведения мне удалось найти. На краю поля ветер разметал серые перышки, краснели капли крови. Но на взбитом смерзшемся снегу не удалось найти никаких следов. На следующий день я не нашел табунка на обычном месте, зато в полыни наткнулся на останки еще одной куропатки.

Я ждал в засаде около двух часов, пока куропатки снова не появились на поле. На этот раз они не прилетели, как обычно, а пришли пешком, вели себя нервно, кормились урывками, в снег не зарывались. Неожиданно табун без видимой причины с тревожными криками разом взмыл в воздух, но тут же куропатки попадали в снег.

Я знал этот их прием: куропатки с разбегу ныряют под

снеговое одеяло, пробегают под ним несколько метров и за-
таиваются. На целине остается только овальная ямка, и нет
никакой возможности обнаружить куропатку — они взлетают
в совершенно неожиданных местах.

Пытаясь найти виновника их испуга, я оглядел очень тща-
тельно окрестности, но ничего подозрительного не обнаружил.
Через полчаса из-под снега несмело показалась голова куро-
патки. Она тревожно вытягивала шею и чиликала, когда раз-
дался протяжный свист.

И тут все смешалось: мельканье белого полотнища, снего-
вые взрывы, испуганные крики куропаток и струйка взметнув-
шихся в воздух перышек. Когда я пришел в себя от неожидан-
ности, то увидел, что большая полярная сова уселась непода-
леку на бугорок и крючковатым клювом теревит свою жертву.

Я потянул с плеча ружье, но осторожная хищница взмыла
в воздух, не выпуская из когтей добычу. После первого вы-
стрела она качнулась, но продолжала лететь, и только второй
снаряд дробы оборвал ее полет. Но и смертельно раненная,
она защищалась отчаянно, мертвой хваткой сомкнув стальные
когти на одежде.

Из этой совы было сделано чучело, и огромная белая пти-
ца стоит сейчас на моем книжном шкафу, напоминая о птичь-
ей трагедии.

Ледяные розы

Козьи следы привели к таежному ручью, который сковали
жесткие морозы. Кремовая на фоне белого снега вода засты-
ла уступами, напоминая мраморную лестницу, ведущую в та-
инственные чертоги лесных обитателей. Так и манило пройти
по ней, чтобы избежать блуждания по трущобам, и я зашагал
по твердому покрытию ручья, стараясь не поскользнуться.

Звери тоже остерегались ледяной поверхности. По следам
было видно, что косули и маралы, самые маленькие олени са-
янской тайги — кабарожки — избегали ступать на предатель-
ское зеркало льда.

Попытки мороза одеть ручей ледяной броней были без-
успешны. Под напором источников эта броня трескалась, и
дымящаяся вода растекалась широкими наледями, чтобы
снова замерзнуть. Я вышел к широкому лесу, где наледь еще
курилась паром, и остановился пораженный. По всей поверх-
ности молодого ледка выросли на незначительном расстоянии
друг от друга огромные кристаллы, с удивительным мастер-
ством выкованные искуснейшим чеканщиком — морозом.

Местами ледяные хлопья смыкались в плотные розетки, поразительно напоминая по форме, цвету и рисунку знаменитые чайные розы. Это удивительное превращение завершил солнечный луч, который вдохнул в ледяные цветы жизнь.

А за поворотом я спугнул стаю воронов, которые пиروвали на останках крупного гурана — самца сибирской косули. По следам на кромке льда, которые не затоптали беспокойные птицы, удалось определить, что гурана выгнала на лед и задрала разбойница-рысь.

На ровной поверхности остались глубокие бороздки — следы трехсантиметровых рысьих когтей.

Что ж, розы без шипов не бывают.

III. ПРИРУЧЕННЫЕ ОЛЕНИ

«Отстой»

След широких охотничьих лыж вьется по каньону, который прорезала среди скал своенравная горная речка. Она настолько беспокойна, что не замерзает даже в самые сильные морозы. У широких полынней на перекатах, в которых ярится тяжелая свинцовая вода, часто встречаются следы выдр и их младших собратьев — норок. Местами через реку проложили настоящие тропы росوماхи, чьи следы схожи с небольшими медвежьими.

На припорошенном снегом льду под высокой отвесной скалой — паутина крестиков, оставленных лапами сорок, воронов, соек. Кругом валяются обглоданные кости, клочья серой шерсти, а в стороне лежит маралий череп с пустыми глазницами, украшенный мощными рогами с шестнадцатью отростками.

— Волки с «отстоя» свалили, — поясняет мой спутник, опытный таежник. — Ох, и много же они зверья губят за зиму...

Через несколько поворотов под скалой нашли уже два скелета. А потом еще, еще... За два десятка километров пути встретились в общей сложности останки восьми маралов. Последний зверь был съеден лишь наполовину.

Мы вскарабкались кружным путем по камням на скалу, чтобы разобраться в следах.

.. Марал уходил от волков неширокими прыжками, видно, устал от долгой погони по тайге. Перед скалой он умерил прыжки, шагом прошел по узкому гребню, а затем рывком

вскинул свое тело на вершину скалы, где была площадка не шире письменного стола. Пять хищников держали марала в осаде более суток, о чем говорили волчьи лежки на снегу, множество круглых шариков маральего помста. Затем волкам, видимо, надоело ждать, и они начали атаковать уставшего зверя, прыгая на «отстой» одновременно с двух сторон. Ключки шерсти, кровь на камнях, глубокие ямы от волчьих тел в снегу говорили о том, что схватка была продолжительной и жестокой. Не однажды волки отлетали прочь от мощных ударов рогов. В конце концов, порезав маралу сухожилия на ногах, волки столкнули его в пропасть. Он так и застыл на льду — с неловко подвернутой головой, переломанными ногами.

По словам спутника, роковая тяга маралов к «отстоям» редко помогает им спастись, если это не крепкий сытый зверь, а к «отстою» не ведут крутые подходы. Тогда туго приходится волкам, трупы которых охотники порой находят на льду. Но такие «отстой» редки, и волки, получив там несколько раз отпор, избегают их, если есть более легкая добыча.

Весенняя песенка

Мороз еще ярится, но с каждым днем все явственней приметы весны. Удлинился день, солнце ласкает кожу, темнеют колеи дорог, на крышах появились сосульки.

В полдень, набродившись по глубокому снегу, я прислонился к бронзовому стволу сосны. Прямо перед глазами на отставшей чешуйке коры лежал посеревший комочек снега. Пока я отдышал, он незаметно стал уменьшаться в объеме, пока совсем не исчез, превратившись в пар, минуя жидкое состояние. А на его месте заблестела капелька смолы. Я тронул ее пальцем, и она упруго подалась, размягченная отвесными солнечными лучами.

В это время и донеслась до слуха песенка большой синицы. Не обычное зимнее «пинь-пинь-черр», а длинные звонкие рулады. Казалось, искусный мастер стучит крохотным серебряным молоточком по маленькой наковальне. Безыскусная песенка пленяла не только своей простотой, но и тем азартом, с которым пернатый певец выводил свои трели.

Эту песню синицы поют, когда смягчается зима и наступает пришивинская «весна света». Птицы безошибочно, каким-то неведомым людям чутьем узнают ее приметы и никогда не обманутся в своих предсказаниях.

Прирученные олени

Я люблю заезжать в сторожку знакомого лесника, которая стоит далеко от поселка. И в каждый приезд здесь бывают интересные «лесные новости». Однажды лесник повел меня на берег речушки, курившейся паром тальцов и широких наледей. Попетляв по гущине тальника и черемушника, он вывел к широкой полынье, по краю которой четко отпечатались двойные следы, похожие на колонковые, но крупнее.

— Неужто соболь сюда ходит?— изумился я.

— Нет, это водяной зверек,— возразил лесник.— Норка называется. Однажды я скараулил ее — коричневая, похожа на выдру, только намного меньше ее. Ума не приложу, откуда она взялась, отродясь здесь таких зверей не видывал.

В другой раз лесник прямо с крыльца сторожки показал в бинокль огромную стаю косачей, кормящихся на овсяном поле.

— Совсем было вывели эту птицу химией,— сожалеюще проговорил он.— А вот недавно стая из тайги прикочевала, летают по утрам на овсянице...

В последний приезд лесник повел меня к стожку зеленого сена, накошенного на лесной опушке в каких-то трехстах метрах от сторожки. Стожок походил на большой уродливый гриб, вершина которого была закутана снеговой шапкой. Он был настолько объеден со всех сторон, что шляпка его чудом держалась на тонкой ножке. Когда мы подошли ближе, я в мешанине взбитого снега различил характерные оленьи следы, россыпь круглых шариков помета, желтые пятна.

— Совсем ручные стали маралы,— сообщил лесник.— Их снегом с гор согнано, сейчас по долинам в ельниках держатся.

Он посыпал сено крупной отволгшей солью и пояснил:

— Любят они это дело, за уши не оттащишь...

Слушал я его, а на душе становилось приятно от сознания того, что есть такие люди на земле. Мой знакомый никогда не забудет позаботиться о зверье. Летом песку мелкого речного привезет в ельник, чтобы рябчики купались, солонцы сделает, осенью сена поставит маралам два-три стожка, веников зеленых наготовит для косуль, осиннок подвалит для зайцев...

Побольше бы таких людей, тогда не оскудеет природа!

Синяя птица

Дикие скалистые голуби, развернув всея хвостов с темными поперечными полосами, грелись на оголенных камнях, подставив зобы солнцу. Они сидели неподвижно, и я с биноклем в руках подобрался ближе, насколько возможно, чтобы не спугнуть их.

Не успел я пересчитать голубей, как, словно в сказке, появилась она — предмет моих вожделенных поисков — неуловимая «синяя птица». Я не заметил, откуда она спланировала на скалу, настолько неожиданным был взмах широких крыльев в поле зрения бинокля. Поскольку голуби не взметнулись в испуге, стало ясно, что у гости мирные намерения.

Замерев от волнения, я с жадным интересом разглядывал карминно-красные лапы, изогнутый клюв цвета вечерней зари, блестящие пуговики глаз. Оперение птицы — о чудо! — отдавало сочной, переходящей в черноту синевой. Такой иссиня-черный тон называют цветом воронова крыла. Птица была размером с голубя, только выглядела стройнее. Не успел я полюбоваться на нее, как она сорвалась с гортанным криком и немислимим зигзагом исчезла между скал.

Дома я долго листал определитель птиц, пока не наткнулся на портрет незнакомки. Но он был так далек от оригинала, который красочным видением стоял в моих глазах. Не мудрено, что я видел его десятки раз, но так и не узнал в нем «синюю птицу». И название она носит загадочное и красивое — альпийская галка или клушица.

Альпийские галки зимуют у нас в южных отрогах хребта Танну-Ола, на западе республики. Птицы эти доверчивы и, если их не пугают, иногда посещают чабанские стоянки и скотные дворы. Гнездятся они в неприступных скалах, где не ступает нога человека. Может быть, поэтому мы редко встречаем их?

IV. МАЛИНОВЫЙ ЗВОН

Живая молния

Селезень шилохвостки — птица очень осторожная, «строгая», как говорят охотники. Он сидел на краю лужи, заполненной снеговой водой, и его длинная шея была вытянута вверх березовым колышком. Не допустив меня и на триста метров, селезень легко взмыл в полуденное небо и стал кругами набирать высоту. Я залюбовался птицей, которая чет-

ким крестообразным силуэтом выделялась на фоне белого облака.

И вдруг явственно ощутил, как что-то нарушило эту мирную картину, хотя все вокруг и оставалось без изменений. Разве селезень-шилохвость стал чаще махать крыльями и круче набирать высоту. И тут я понял, что заставило меня насторожиться. Это был свист, который начался на низкой ноте и постепенно нарастал, становясь пронзительным и острым.

Селезень, словно его ударили палкой, нелепо разбросал крылья и начал падать. По воздуху поплыло облачко перьев. Когда раздался глухой стук от удара утиной тушки о землю, рядом с местом падения, словно материализовавшись из воздуха, часто замахал крыльями сокол. Сделав круг над добычей, он сел рядом. По характерной гордой посадке столбиком, серо-стальному оперению я узнал в хищнике сапсана, которого орнитологи с гордостью называют русским соколом.

Сапсан неохотно взлетел от добычи, когда я подошел буквально на двадцать шагов, и начал кружить с резким пронзительным криком «кья-кья-кья». Я осмотрел утку. Она была убита наповал с одного удара. На спинке было два продольных разреза, будто сделанные острой бритвой, начисто отделившие ребра от хребта. Мне и раньше доводилось видеть уток, ставших добычей сапсана, и все они были убиты таким же очень точным приемом.

Приходится удивляться, насколько точно сокол рассчитывает свой удар, чтобы его длинные задние когти лап, плотно прижатых к брюшку, прошли рядом с хребтом, не отклонившись ни на миллиметр. А ведь пикирует на добычу сапсан со скоростью около 360 километров в час. Он настолько стремительно падает с неба, что делается невидимым глазу, а до слуха доносится только пронзительный свист. Порой голодный сапсан, увлеченный погоней за добычей, бьет ее слишком низко над землей, и тогда становится жертвой своего азарта, так как не может погасить скорость и разбивается о землю.

Русский сокол — подлинное украшение наших ландшафтов. Он очень редок и взят под охрану во всем мире.

Попугай северных лесов

Вертолет, на котором мы летали учить с воздуха диких копытных животных, приземлился на лед таежного озера, раскинувшегося в широкой котловине среди гольцовой зоны.

гор. Весна здесь делает только первые робкие шаги. Кругом двухметровые снега, и только у комлей приземистых кедров, искореженных студеными ветрами, появились первые прогалины.

Но жизнь и здесь уже бьет ключом. Как только перестал грохотать мотор, до слуха донеслись нежные трели. Стайка пестро окрашенных птиц порхала по деревьям, затеяв гонку друг с другом. Порой они, как попугай, повисали вниз головой. Обращали на себя внимание их кривые, крестообразные загнутые половинки клюва. По этому признаку клестов не спутаешь ни с какими другими птицами. Характерна для них также малиновая яркая окраска самцов и скромная серо-зеленая одежда самочек.

Удивительная птица — клест. Питается он исключительно семенами деревьев хвойных пород, в основном ели, ловко выщипывая их из-под плотно прижатых чешуек шишек. Для этой цели природа и наделила клеста своеобразным универсальным инструментом — кривым клювом. Интересна эта птица и тем, что при хорошем урожае еловых шишек выкармливает свое потомство среди глубокой зимы. Мороз этим птицам не страшен — был бы корм. Конечно, самка весь период высиживания не слетает с гнезда.

И еще одной особенностью отличаются клесты. Питаясь семенами хвойных, они как бы бальзамируют свое тело, и оно приобретает способность противостоять гниению. Тело старого погибшего клеста может лежать на моховой подстилке в тайге, не разлагаясь, годами.

Я сфотографировал эту доверчивую птицу, которая, возможно, за свой короткий век не видела человека.

Храбрецы

Я заряжал в машине фотоаппарат, когда раздались пронзительные надоедливые крики черных ворон, стая которых облюбовала росшие неподалеку кусты. Увлеченный своим делом, я не обратил внимания на крики, хотя в них звучали тревожные нотки. От моего занятия меня отвлек глухой удар в лобовое стекло машины. Затем что-то с царпаньем и скрежетом проехало по крыше кабины, и в заднем стекле нарисовались пестрые маховые перья.

Я ничего не успел предпринять — настолько все было неожиданным. А когда, открыв дверцу, выскочил из кабины, ястреб-тетеревятник стремительно улетал к лесу, сопровож-

даемый эскортом агрессивно настроенных ворон. Ястреб — сильный и смелый хищник, от него нет спасения ни тетереву, ни утке, на которых он нападает прямо в воздухе. Несдобровать бы и воронам, напади на них ястреб. Но тут вступило в силу численное превосходство. Обнаруженный во время воровского облета угодий, ястреб был с позором изгнан воронами с их гнездового участка. Он был измучен надоедливой погоней и нырял в кусты, но вороны выкуривали его и оттуда. Вероятно, ястреб и пытался укрыться в машине, обманутый прозрачностью стекол.

А спустя час, я наблюдал другую картину. С пронзительным «чи-вы» на ворону пикировал сверху крошка-чибис. Вот на помощь ему пришло несколько собратьев, и под их дружным натиском ворона была изгнана с чужого гнездового участка.

Я долго наблюдал за чибисами. Мимо пролетел журавль, и чибисы начали пикировать на него, пока он, невозмутимо махая крыльями, не пересек невидимую границу участка. А когда появился болотный лунь — гроза всего живого на болоте, — маленькие храбрецы дерзко атаковали и его. Делая лихие пируэты, чибисы смело шли на таран, заставляя луня увертываться резкими нырками. Какая уж тут охота, если о его появлении маленькие горлодеры кричат на всю пойму. И лунь вынужден был стыдливо убраться прочь.

Во время гнездования некоторые птицы необычайно храбры. Они смело нападают на своих врагов, заметно превосходящих их в силе и ловкости, когда те появляются поблизости от гнезда.

Доверчивость

С прилета утки очень осторожны. Они не допускают на открытом месте человека на добрую сотню шагов. Взять красную утку — огаря, который селится в наших степях около соленых озер. Он очень наблюдателен и в сезон охоты ни за что не подпустит охотника на дробовой выстрел. Но кончается весенний сезон охоты по перу, и огарь доверчиво кружит над самой головой.

Нынче весенняя охота закрыта, и осторожные с прилета птицы быстро осмелели. Я подошел с фоторужьем к берегу поросшего камышом озерца, и передо мной открылась удивительная картина. На открытой воде в пятнадцати шагах беззаботно плескались чирки-свистунки, чуть поодаль держались недоверчивые кряквы, яркостью нарядов соперничали се-

лезни-широконоски. Птиц спугнуло только мое настойчивое к ним внимание, желание подойти поближе, на верный «фотовыстрел». Они снялись и улетели. Тогда я сел на кочку и, не маскируясь, стал ждать. Через несколько минут чирки вернулись и плюхнулись в воду рядом. Я шевелился, но они не обращали внимания на меня, увлеченные ухаживанием за скромненькой серенькой самочкой. Блестя изумрудными головками, они тоненько вызванивали серебряными колокольчиками.

Через полчаса озеро буквально кишело дичью. Тут были и белобокие гоголи, и голубая чернеть, и длинношеее шилохвосты, и чирки-трескунки с белыми полосами на щеках, и широконоски с шоколадными грудками. Мимо царственно пролетел журавль. Я ухватился за аппарат. Заметив мое движение, журавль недовольно скрипнул, чаще замахал крыльями, но с курса не свернул.

Как же немного надо, чтобы восстановить доверие птиц — пусть еще не полное — к человеку: всего одну весну встретит их без выстрела!

Малиновый звон

Весь вечер дул холодный ветер, а к ночи вызвездило и ударил крепкий заморозок. К солнцевосходу мороз набрал силу, и все озера и лужи покрылись прочным двухсантиметровым льдом. Казалось, мороз убил все живое. Утки убралась на речки, где течение не дает застыть корочке льда, лысухи забились в тростниковые крепи. Даже чибиосы, что постоянно плачут над сырой луговиной, не было видно.

Я шел по закованной морозом земле и слушал жаворонков, которые купались в лучах утреннего солнца. Их трели звенели над поймой не переставая.

Солнце поднялось выше и стало заметно припекать. Потемнели верхние кромки полей на склонах крутых увалов, заговорили ручьи, под ногами начала проступать сырость. И тут до моего слуха донесся нежный перезвон, словно кто-то невидимой рукой трогал невидимые же струны. Я прислушался. Таинственная музыка нарастала, звучала все громче и продолжительнее, как будто неведомый музыкант входил в темп импровизации, трогая клавиши электрооргана. Чистые, прозрачные, хрустальные звуки нарастали и крепились, и тут я понял, что вызвало их к жизни.

Талая вода натекла на лед небольшого озера, и он, про-

седая от ее тяжести, змеился трещинами. Каждая трещина, разбегаясь по льду, рождала звук. Лед искрился на изломе малиновыми бликами, и сама музыка казалась малиновой. Это подметил еще гениальный Скрябин, что каждый звук вызывает у человека определенные цветовые ассоциации.

Вода наступала, неведомая мелодия ширилась, становилась сочнее. А мне казалось, что это само солнце играет своими лучами на золотых гусях весны.

Анатолий ОСТАПЧУК

ТОПОЛЯ НАД РЕКОЮ

Они стоят уже много лет, накрепко вцепившись корнями в круто сбсгающий к воде берег, и каждый из них кажется втрое мощнее оттого, что растет рядом с двумя другими. Весной в их пышных кронах шумят сильные ветры, летом живет в густой листве прохлада, напоенная холодком студеной енисейской волны. Они бывают хмурыми в пасмурный день и веселыми в лучах полуденного солнца, кажутся изумрудными на рассвете и серебряными в вечернюю зарю.

Здесь часто можно встретить художников с мольбертами, людей, просто пришедших отдохнуть. Но лучше всего тут побыть одному. Прислониться к шершавому стволу дерева и долго смотреть на причудливо синеющие вдали горы, на плывущие в небе сказочные армады облаков.

У трех тополей над Енисеем не звучат беззаботный смех и веселье. Они долетают сюда эхом шумного дня, сверкающего солнцем над водой пруда в городском парке культуры и отдыха. Лодки, красные, синие и желтые надувные круги, разноцветные мячи, бронзовые спины, головы в панاماх, шапочках и косынках — все слилось в один яркий беспокойный поток радости отдыха и общения с природой. Здесь уже ни о чем не хочется думать, здесь неодолимо тянет к воде, горячему песку на пляже, в шумную компанию ребятишек, гоняющих по лужайке большую автомобильную камеру.

Лето... Такое разное даже на небольшом кусочке земли и прекрасное именно этим. В какую другую пору года можно так близко и полно познать окружающий мир, увидеть его во всем великолепии жизни. Он зовет к себе настойчиво, властно, и, познавая его, мы познаем себя.

Что, кажется, может быть особенного в этом маленьком желто-синем цветке, выросшем из зерна, посаженного челове-

ком. Тонкий стебелек, нежные лепестки — так, никакой пользы, скажет кто-нибудь небрежно. Но согласятся с ним, уверен, немногие. И в этом цветке тоже воплощается красота нашей земли, самобытной природы и неповторимых красок самого прекрасного времени года — лета.

Три тополя над Енисеем, блеск летнего дня над прудом у парка и маленький цветочек в бережно освобождающих его от сорной травы пальцах человека — все это лето. Наше особенно, кызыльское лето, которое так богато красками, теплом, радостью и бесконечно новыми открытиями даже в, казалось бы, знакомых местах.

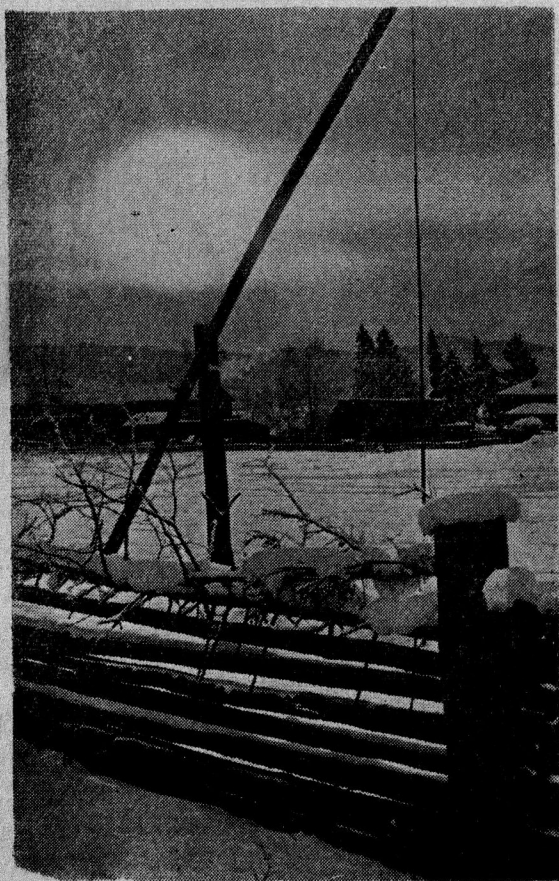
МГНОВЕНИЕ ЗИМЫ...

Много уже написано о зиме. Так много, что, кажется, ничего про нее больше не скажешь. Но каждый день, даже каждый час зимы имеет свою прелесть. И только в мгновении можно уловить ее. В тот недоступный нашему влиянию миг, когда солнце, мороз и туман гармонически сольются, дополняя друг друга.

Съежились от колючего холода на опушке березы. Тесно прижались друг к другу оголенными ветвями, слушают звонкую пустоту остывшей дали. Кажется, тронь их — и зазвенят они, как хрусталь, ударь — упадут к ногам сухими шершавы-

ми льдинками. Солнце не греет березы своими лучами. Только бледным, розовым светом чуть касается белых стволов, словно успокаивая их и ободряя перед зимней стужей. Минута-другая — и все пропадает. Остаются серый снег, серые стволы, дрожащий за ними розовый туман со светлым пятном на горизонте. Хозяин-холод обходит свои владения. Идет по лесу, шагает в село, зло скрипит под ногами людей, загоняя их в теплые избы. И только с луной он находит общий язык. Нравится ему, видно, когда ее яркий безжизненный диск повисает над землей бесстрастным наблюдателем. Тут-то уж и дает холод волю своему строптивому характеру, гуляет по улицам в обнимку с морозом, и дарят они вместе луне свои бриллианты и самоцветы.

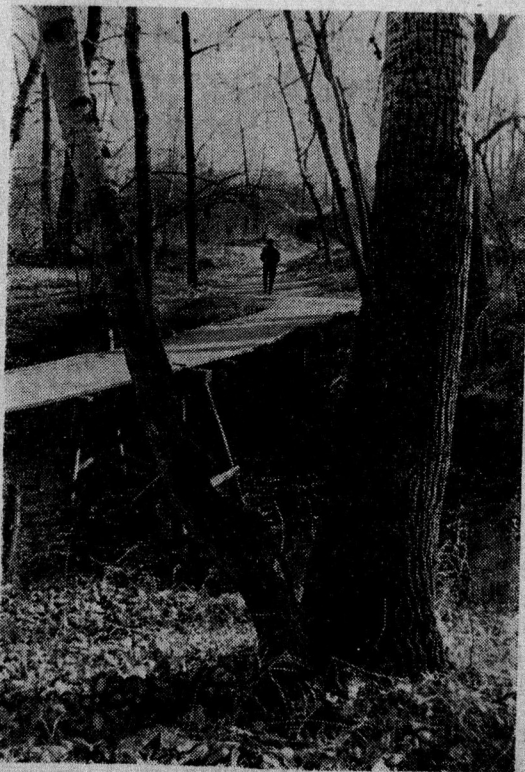

ОСЕННИЕ МОТИВЫ

Обычное утро

В запотевшее окно смотрит серое небо. Из открытой форточки резко тянет холодом, доносятся веселые ребячьи голоса и чей-то нарочито сердитый возглас:

— Вот уж я вам, шельмецы, всыплю сейчас...

Пожилая женщина в теплом платке и фуфайке подметает улицу. После каждого взмаха рук на желто-буром хрустящем ковре у ее ног появляются темные овальные дорожки. Кажется, что она делает их специально, чтобы хоть чем-то разрядить эту однообразную монотонность осенней раскраски.

У края газона лежат уже собранные в кучу листья. Трое мальчишек, бросив на асфальт тротуара портфели, шумно барахтаются в них, хватают охапками, высоко подбрасывают над головой.

Женщина то и дело оборачивается, грозит им метлой, шалуны с визгом разбегаются, но через минуту снова плюхаются с разбегу в мягкую шуршащую кучу.

Из-за угла высокого здания в конце улицы робко выглядывает поздний луч утреннего солнца. Розовеют голые ветви тополей, румянятся щеки ребят, под ноги прохожих ложатся мягкие тени.

Удивительно просторной и светлой вдруг становится улица. Но ни опоздавшие солнечные лучи, ни укрывший ее за ночь лиственный ковер, неожиданно вспыхнувший яркой желтизной, не возвращают ей недавнего тепла и изумрудной прелести. Полновластной хозяйкой тут сделалась осень, уже отпыхавшая в тайге и на берегах Енисея, прошедшая по городу с ветром и снегом и тихо замершая теперь в ожидании зимы.

Школьный звонок позвал ребят на уроки. Стихли за окном шелест и голоса, остался только сладковатый запах горящей листвы.

На чистой земле под тополями темнеет лишь несколько пятен серого пепла, перечеркнутых тенями стволов. До самого снега будут напоминать они о буйном наряде ушедшего леса.

Непрощенный гость

В распахнутую дверь, ослепив белизной, рванулся яркий поток света. Снег! На земле, крышах, на еще не опавших ветвях деревьев — мягкий, пушистый снег.

Неистощимы причуды осени. Утром — солнце, днем — снег. Клонятся к земле ветви от его тяжести, прячут с непривычки лица в воротники пальто люди, перетирают неожиданный сюрприз погоды колеса машин на мостовой.

А он падает и тает, наполняя воздух лишь ему присущим запахом свежести и влаги, срывая сразу увядшие листья и убивая последние цветы на газонах. Завтра его не будет, к полудню снова пригреет солнце, но то, что погибло, уже не вернется к жизни.

Снежная белизна нестерпимо режет глаза. Белое — на ярко-желтом, белое — на красном, голубом, синем. Снег вкрадчиво ложится на краски, которые обычно не встречают его. Он словно мстит им за это, поглощая и уничтожая своей ослепительной белизной.

— Ну и погодка выдалась нынче, — услышал я на улице обрывок разговора.

— Ой, красота-то какая, — громко вскрикнула в группе девушек, вышедших из института, молоденькая студентка.

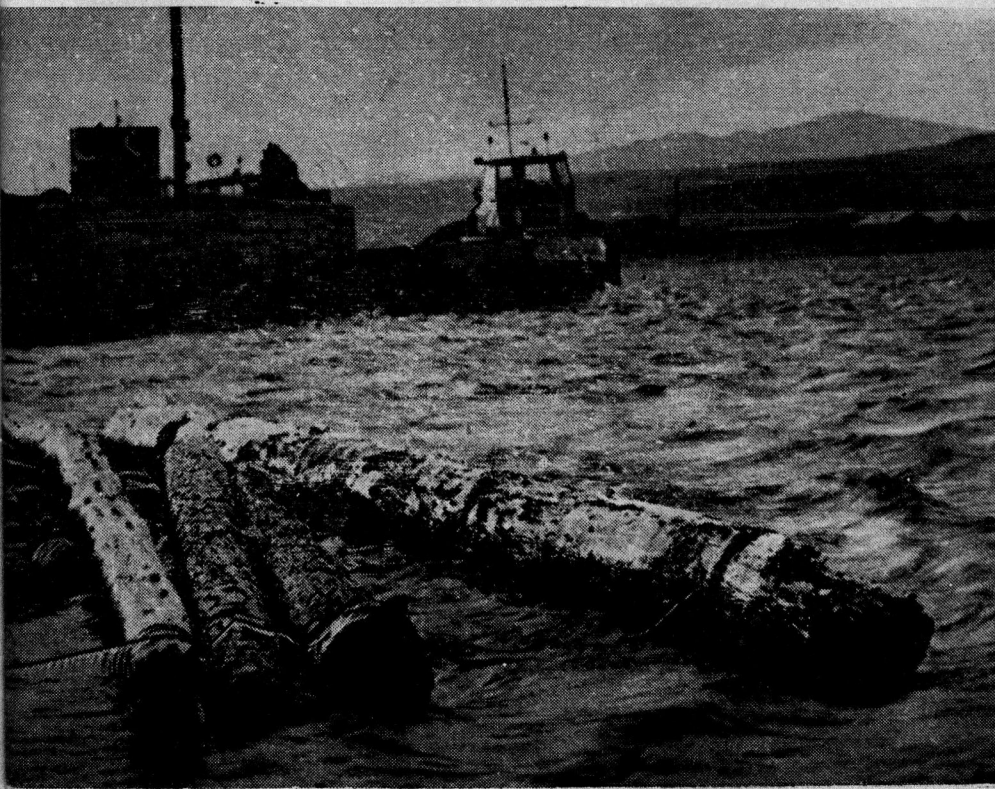
— Что ни говори, Никитич, а непрощенный гость всегда не ко времени, — голосом, не допускающим возражений, сказал в автобусе своему товарищу один из пассажиров. — Ну скажи ты, пожалуйста, на кой этот снег сейчас нужен. Хлеб ведь еще не везде убран. Горе одно...

А снег все шел, причудливо украшая город белым убранством, и таял, будто действительно знал, что никому сейчас не нужна его холодная, жестокая красота.

Ветер в лицо

Ветер обрушился на город, как всегда, неожиданно. Пронес над ним гучи пыли, рванул, закружил в вихре последнюю, еще державшуюся на деревьях листву. Он дул и завывал в проводах почти весь день — холодный, резкий, пронизывающий, как само дыхание сверкающих на горизонте снежных Саян.

Потемнел и ошетинился белыми барашками Енисей. Бесильный в своей ярости против ветра, он остервенело ударил в камни на берегу, накрыл их черно-серой ледяной волной, с

глухим стоном заплескался у бортов теплоходов и лодок. Словно отблеск пожара, упал на клокочущую воду багровый свет уходящего солнца.

Дик и безлюдно стал берег. Казалось, что не река, а море, терзаемое штормом, бьется в него, накрывая брызгами, которые тут же, на выброшенных бревнах, тонких стальных тросах и краях валунов, превращались в ледяные сосульки.

Ветер гнал прочь от воды, забивал дыхание. И вдруг я заметил, что не один. Навстречу мне шел молодой парень — в плаще, без головного убора. Шел и улыбался. Чему? Этому дикому разгулу природы? Своим мыслям?

— Спички есть?

Спичек не было. Была зажигалка. Он взял ее покрасневшей от холода рукой, ловко прикрыл огонек от ветра, отвернув лицо, с наслаждением затянулся.

— Спасибо!

— Пожалуйста!

С минуту я смотрел ему в спину, потом шагнул следом. Он дошел до края причала, остановился и, обернувшись в мою сторону, почти крикнул:

— Смотри, силища какая!

Ветер не утихал. Он рвал на нас одежду, свистел в теплоходных снастях, швырял под ноги водяные брызги и откуда-то с другого берега принесенные сухие листья.

— Здесь всегда осень такая?

— Нет. Тихая обычно.

— А жаль, — снова улыбнулся парень и ушел, неопределенно махнув рукой на прощание.

Кто он? Моряк или просто человек со странностями? Но можно понять его состояние. Ведь ветер в лицо, буря, и ты один с ними... И есть ощущение борьбы и пусть маленькой, но победы над самим собой, над своим, казалось, неодолимым желанием убежать, спрятаться в тепле и ждать затишья. Пусть дует нам ветер иногда и в лицо.

Предзимье

Молчалив и спокоен в эти дни лес. Застыли перед долгим затишьем лиственницы, тополя, березы. Их голые ветви уже тронули первые утренние заморозки.

Скоро зима. В тихий солнечный день нет-нет да промелькнут вдруг в воздухе легкие снежинки, хрустнет под ногой ранним утром ледок в луже.

Октябрь — середина осени. Месяц тепла и холода. В лесу, парке и скверах, на городских улицах все кажется последним — и прозрачные солнечные дни, и увядшие цветы, и пожелтые листья. Но с осенью легче прощаться, чем с летом. Ближе к зиме — значит, ближе к весне.

Тихо в голом лесу. Очень тихо. В полдень еще бывает тепло. А ночами кажется, что мерзнут уже над ним и далекие звезды. День ото дня слышнее здесь голос зимы.

ЛЮДИ, СОБЫТИЯ, КНИГИ

Антон КАЛЗАН

ЧЕЛОВЕК И ИДЕАЛ

(О положительном герое тувинской литературы)

Многонациональная советская литература — одно из важнейших средств коммунистического воспитания — оказывает очень сильное, специфическое, ничем не заменимое идейно-эстетическое воздействие на формирование духовного мира миллионов людей. Сегодня трудно найти такого человека, который не испытал бы на себе влияния идей, мыслей, выраженных в произведениях советских писателей.

Из литературных произведений мы черпаем важнейшие социально-политические и нравственные принципы эпохи. Для многих читателей лучшие образцы советской литературы стали настоящими духовными ориентирами, по которым они сверяют свои действия, помыслы, убеждения. Невозможно учесть и проследить конкретные формы и пути воздействия произведений литературы на человека, но нам хорошо известна по собственному опыту или личным наблюдениям покоряющая сила искусства слова.

Каждая демократическая, передовая литература, тем более литература социалистического реализма, успешно выполняет свою воспитательную роль прежде всего эстетическими идеями, воплощенными в образах положительных героев. Проблема положительного героя есть проблема, поставленная самой жизнью и вытекающая из партийной и народной сущности литературы. Советский писатель — сын нашего великого времени, гражданин социалистического общества, выразитель коммунистической партийности — в своем творчестве поддерживает проявление добрых, революционных начал в характерах, поведении, деяниях людей, чтобы они через художествен-

ные образы преемственно становились органической частью психического склада каждого нового поколения.

Создание образа положительного героя давно стало хорошей, укоренившейся традицией в тувинской литературе. В рамках одной статьи, конечно, невозможно даже вкратце осветить все аспекты данного вопроса. Мы делаем только попытку проследить на отдельных примерах эволюцию становления положительного героя и коснуться некоторых теоретических сторон проблемы.

Тенденция к изображению положительного героя в тувинской литературе обозначилась еще в 30-х годах. Например, С. Пюрбю в известном стихотворении «Ленин» эпически величавым, эмоциональным языком создал яркий, монументальный образ вождя. Интересные образы были намечены в очерках С. Тока «Поездка в Каргы» и «Мои воспоминания». Однако такие факты в литературе того времени встречаются редко. Тогда тувинские писатели только начинали овладевать образным языком художественной литературы и у них было еще мало практического навыка в изображении характера человека.

С начала 40-х годов наступает новый этап в становлении тувинской литературы.

Цельный и масштабный образ положительного героя одному из первых удалось создать С. Пюрбю в поэме «Чечек», названной по имени главной героини. Читатель сразу полюбил героиню этой первой тувинской поэмы — простую девушку, дочь бедного арата. Презрение баев, умение отстоять человеческое достоинство, девичью чистоту, светлую любовь — эти черты характера Чечек, обрисованные социально заостренно и выразительно, возвышали ее личность, соответствовали народным идеалам о женской красоте, так поэтично и вдохновенно выраженным в народных сказках.

Как известно, в популярном произведении тувинской драматургии — пьесе В. Кок-оола «Хайыран бот» также фигурирует замечательный женский образ.

Однако нужно сказать, что в первом варианте пьесы, напечатанной в 1937 году, ее героиня Кара была показана в основном только как бессильное в враждебных ей общественных условиях трагическое существо, лишенное тех возвышенных качеств, которые появились потом в новом зрелом варианте пьесы, созданном в годы войны.

В этом варианте Кара уже показана не только жертвой феодальной среды, но и как натура сильная, жизнелюбивая,

смело и бескомпромиссно протестующая против предрассудков своего времени, против покорности, духовного рабства.

Кара наделена героическим духом, безудержным стремлением к свету, счастью, большим умом и любовью к жизни. Она пожертвовала собственной жизнью, бросив открытый вызов антигуманным устоям старой действительности, не желая быть вещью, рабыней. Кара — фигура героическая, возвышенная, зовущая к борьбе против всякой социальной несправедливости.

Под влиянием великих ратных и трудовых подвигов народа в годы Отечественной войны писатели Тувы острее и яснее сознавали свою ответственность перед обществом и глубже подмечали лучшие черты народного характера. Естественно, что в литературе тех лет появилось много замечательных образов, воплотивших в себе высокие нравственно-политические идеалы времени. Это ясно видно на примере творчества одного из ведущих писателей Тувы С. Сарыг-оола.

Прежде всего, назовем наиболее крупный и популярный поэтический образ военного времени — арата Саны-Моге из одноименной поэмы С. Сарыг-оола. Чем же эта поэма быстро и надолго завоевала симпатию массового читателя? Ответ на этот вопрос не может быть однозначным.

В первую очередь нужно заметить, что поэма «Саны-Моге» написана, несомненно, в период счастливого прилива писательского вдохновения. Наше внимание привлекает драматичный трудный жизненный путь героя, воспроизведенный исключительно ярко, впечатляюще и экспрессивно. Иной раз слезы катятся из глаз, когда читаешь горькие строки о тяжелой судьбе простых людей в старой Туве.

Но все это важно для лучшего понимания человеческого и гражданского облика Саны-Моге в новое время. Саны-Моге — это малограмотный старик, не имеющий ни одного класса образования. Но он прошел высшую школу жизни и глубоко понимает подлинно народную сущность новой демократической власти. Вот почему Саны-Моге является преданным солдатом этого строя, настоящим гражданином, проявляющим высокую патриотическую сознательность в трудное для великой родины социализма время.

В этой поэме Сарыг-оол впервые крупным планом и на высоком литературном уровне создал образ передового тувинского арата.

Настоящие люди из народа являются героями также первого крупного прозаического произведения писателя — повес-

ти «Подарок». Описывая самые будничные трудовые дела и устремления своих героев, Сарыг-оол опять же подчеркивает политическую сознательность рядовых людей.

И Хаяжик, и Илдирмаа чувствуют себя бойцами героической битвы с фашизмом и сознательно идут навстречу трудностям, чтобы осуществить свои благородные цели. Молодая женщина Илдирмаа одна уезжает в тайгу за мягким золотом, лицом к лицу сталкивается со смертью, но не отступает, а упорно и героически добывается своего. Нелегко также ее мужу Хаяжику надолго оставить семью, привычный домашний очаг, но он добровольно, по приказу собственной совести, идет работать на дальний золотой прииск, где становится передовым горнорабочим.

Герои повести в обыкновенных жизненных ситуациях проявляют гражданскую зрелость, прекрасные духовные качества: ясное понимание полезности и значимости своего скромного труда для победы над врагом, умение пожертвовать личным ради общего дела.

Эти новые нравственные черты тувинского арата, порожденные революцией, новой действительностью, С. Сарыг-оол подметил в жизни и как представитель литературы, служащей делу прогресса народа, сознательно решил художественно раскрыть и возвеличить их.

Поэма «Саны-Мого» и повесть «Подарок» — это типичные произведения военных лет, когда главным героем литературы выступил патриот Родины, отдающий все свои силы делу разгрома врага. Этот герой фигурирует во многих стихотворениях, рассказах, очерках того времени. То, что арат-патриот стал главным героем литературы, показывало идейную зрелость писателей Тувы.

Таким образом, в первой половине сороковых годов тувинские писатели хорошо поняли, что важнейший внутренний закон искусства социалистического реализма состоит в художественном воспроизведении высоких нравственных качеств человека, в выражении идеалов времени через образ положительного героя, в прославлении ведущего типа личности в обществе, выступающего маяком, примером для людей. Это было важное художественно-методологическое открытие в молодой литературе, свидетельство освоения ею горьковских традиций и заветов.

Положительный герой тувинской литературы, в своих принципиальных основах оставаясь единым, выражающим передовые партийные идеи, народные идеалы добра и красоты, до

сих пор претерпел определенную эволюцию согласно требованиям изменявшейся исторической обстановки.

Период коллективизации внес в литературу новый тип героя — активного строителя колхозной деревни с новым укладом жизни и быта. К изображению этого героя в прозаических и драматических жанрах в послевоенные годы одним из первых приступил О. Саган-оол.

Передовой человек периода коллективизации явился главным героем известной пьесы О. Саган-оола «Стремление».

Центральный персонаж пьесы Чуктер принадлежит к числу тех десятков молодых тувинцев начала 50-х годов, которые потом выросли в авангардную силу колхозной деревни. Душа этого парня окрылена революционно-созидательной атмосферой советской действительности. Характер Чуктера во многом поучителен для молодежи целеустремленностью, умением преодолевать жизненные преграды, трудности.

Коллективизация давно завершена, но безостановочный процесс обновления деревни продолжается. Жизнь колхозного села насыщена событиями, противоречиями, борьбой, проблемами. Сегодня твердо сформировался новый тип личности с новыми чертами характера, преодолевающий инерцию привычного мышления, устаревших взглядов, представлений. Вполне понятно, что в течение последних двадцати лет внимание тувинских писателей было постоянно приковано к созданию образа этого человека.

Этого героя мы видим в лице молодого сельского специалиста Хеймер-оола — центральной фигуры в романе О. Саган-оола «Одержимые».

Роман убеждает, что творчески, по-государственному мыслящий человек может найти интересные, важные дела на любом трудовом участке. Хеймер-оол живет активной, творческой деятельностью, вкладывает в работу всю душу. Его характеру органически присуще стремление максимально использовать доверенное общественное положение для пробуждения деятельного начала в людях, для организации их на большие дела.

Образ Хеймер-оола свободен от заданности, схематизма и подан в непосредственных проявлениях его человеческой сущности. Это есть несомненное художественное достоинство романа, творческий успех писателя, ибо известно, что положительный герой иногда в литературе выглядит как довольно правдоподобный, но условный манекен без живой человеческой плоти.

Важная черта современной литературы состоит в том, что герой колхозной деревни изображается прежде всего в связи с его трудовой жизнью. Это есть принципиально верное художественное направление литературы, порождающее немало творческих достижений.

Успех тепло принятой читателем повести К. Кудажы «Тихий уголок» в первую очередь объясняется именно тем, что красота человеческого облика героев здесь выводится из их отношения к труду. Романтизация труда является подкупающим качеством этой повести, написанной в лирической тональности.

Героя «Тихого уголка», молодого колхозного механизатора Эреса, можно назвать настоящим человеком. Кудажы удалось увлекательно рассказать об интересах, стремлениях молодого парня, о том, как он открыл для себя смысл жизни советского человека и нашел громадное духовное удовлетворение в трудовых буднях колхоза, в освоении целинных земель.

В коротких, но очень правдивых и содержательных рассказах «День рождения» и «О Кудереке» С. Пюрбю создал живые, западающие в душу образы сельских тружеников. Герои названных рассказов — это рядовые колхозники: один — чабан, другой — пастух телят. Писатель увидел у этих обыкновенных людей, занятых обыкновенными делами, прекрасные качества, большую человеческую душу и сумел все это обрисовать ярко и тепло.

По-моему, С. Пюрбю в образах Кудерека и Эрес-оола сумел с художественной убедительностью и лаконизмом, свойственным поэзии, передать такие передовые, типичные черты характера простого тувинского труженика наших дней, как преданность общественному делу, честное исполнение своих обязанностей, на порученном ему участке колхозного производства. Конечно, в сердечном отношении этих людей к животным угадывается традиционный тувинский национальный характер, но названные выше нравственные качества героев — это порождение нашего времени.

В связи со становлением рабочего класса Тувы в тувинскую литературу уже давно пришел рабочий-герой. Если раньше этот герой был представлен лишь в отдельных рассказах (вспомним, например, рассказы «Тот же Маскажик» Сарыг-оола, «Парень из сумона» Саган-оола), то в шестидесятых годах образ передового рабочего уже показывается в масштабных произведениях. Среди них очерковая повесть С. Тока «Чего не видел отец, увидит сын», поэма М. Кенин-Лопсана «От-

тук», романы «Родные люди» О. Саган-оола, «Сын железа» А. Даржаа.

В каждом из этих по-своему интересных произведениях, исполненных в разных художественных манерах и уровнях, показан социально-нравственный облик современного тувинского рабочего.

Рабочий класс Тувы вырос в ведущую силу экономической и политической жизни нашей республики. Факт рождения и становления тувинского рабочего класса имеет глубокий историко-политический смысл. Все это, конечно, требует от писателей глубокой и широкой разработки темы о рабочем классе.

К сожалению, тувинская литература в этой области значительно отстает от действительности. Поэтому понятно, какое актуальное значение имеют те сравнительно немногочисленные произведения, в которых фигурирует рабочий-герой. Они, раскрывая типичные черты характера современного тувинского рабочего, несут в себе большую идейно-воспитательную нагрузку и, можно сказать, проповедают рабочую профессию.

Возьмем, например, поэму М. Кенин-Лопсана «Оттук». Размером она не велика, но по содержанию весома и принадлежит к лучшим поэмам, созданным тувинскими поэтами. Кенин-Лопсан с трогательным лиризмом рассказывает о том, как сын вчерашнего кочевника вырос до передового рабочего, управляющего современной сложной техникой. Правдиво и сильно раскрыто чувство рабочей гордости героя. Поэма заставляет читателя смотреть на жизнь, на происходящие в ней процессы глазами передового рабочего. Это есть большое достоинство произведения — поэтизировать рабочий склад мышления и чувствования. А у героя поэмы Оттука настоящий рабочий характер, рабочее мировосприятие.

Изображение положительного героя в связи с важными актуальными проблемами современности является плодотворным направлением литературы, породившим немало творческих успехов писателей.

Хочется с похвалой отозваться об интересном, проблематичном рассказе С. Сюрюн-оола «Два письма». В нем остро, с использованием очень выразительного сюжета, поставлен вопрос о честности, принципиальности молодого человека. Со времени написания рассказа прошло значительное время, но он и сегодня звучит актуально, жизненно.

Моральная тема на высоком профессиональном уровне разрабатывается в пьесе С. Пюрбю «Любовь надо беречь». Драматург поднимает очень актуальный вопрос о праве человека

на большое счастье, не стесненное узкими семейными рамками.

Молодая девушка Нина честно и искренне доверила свою первую любовь понравившемуся ей человеку, несмотря на заметную возрастную разницу, и думала, что нашла свое счастье. Однако светлые ожидания девушки неожиданно для нее натолкнулись на отсталые нравственные убеждения мужа. Но при помощи хороших людей, прежде всего благодаря поддержке матери — замечательной женщины — сельской фельдшерицы, героиня сумела отстоять свои права на большую, озаренную глубоким смыслом жизнь.

Образ Нины — это хорошо знакомый нам тип современной тувинской девушки, мечтающей о хорошей, красивой, содержательной жизни и умеющей бороться за нее. Эти сильные черты характера, давно пустившие свои корни в жизнь, через обобщенный художественный образ должны получить еще большее общественное признание и распространение. Таково призвание литературы: открыть в жизни передовые, имеющие будущность силы, тенденции, трансформировать их в типизированные образы и тем самым помочь им пустить прочные корни и ростки в сознании людей.

Проблема положительного героя во весь рост стоит и в произведениях, посвященных исторической тематике. Литература социального реализма призвана также поддерживать преемственность социально-исторического опыта поколений. Отсюда возникает у писателя желание художественно рассказать новым поколениям людей обо всем прекрасном, возвышенном, героическом в историческом прошлом народа.

Так, например, в известном историко-хроникальном романе «Слово арата» С. Тока постоянно обращается к практическому решению вопроса о положительном герое. Это является важнейшей художественной частью трилогии, без которой невозможно представить образное воплощение ее историко-философской концепции.

Как известно, первая часть «Слова арата» вышла самостоятельной повестью еще в 1943 г. Уже тогда критика горячо отозвалась об образе матери Тас-Баштыг. В последующих главах этот образ был расширен и углублен и превратился в заметное явление не только в тувинской, но и советской литературе.

В реалистическом образе Тас-Баштыг Тока громко воспел тувинскую мать, благородство ее души. Для Тас-Баштыг до предела ясен смысл существования на земле, а смысл этот

она видит в полной отдаче себя, своих сил, любви детям. Ее жизнь наполнена борьбой. Ради жизни и будущего своих детей она все время героически борется с жестокой действительностью, не позволяет себе падать от ее беспощадных ударов. Эта героическая черта в характере Тас-Баштыг очень близка нам — людям семидесятых годов XX века. На примере образа Тас-Баштыг мы еще раз убеждаемся, что любовь, только любовь к людям поднимает человека на благородные дела, порождает героический дух.

В «Слове арата» фигурирует много героев из народа, и мы можем с определенной долей условности сказать, что в этом произведении есть большой обобщенный образ положительного героя, имя которому — народ.

Жанровое своеобразие историко-хроникального автобиографического романа, конечно, вызвало известную эпизодичность в изображении большинства героев. Но, несмотря на частую сменяемость образов, «Слово арата» содержит ряд ярко выписанных, западающих в душу и пробуждающих глубинные добрые чувства характеров (Вера, Чолдак-оол, Тарбаган, Ванька, Ведсней Сидоров, Курседи и др.). Этим героям присущи свойственные людям труда сердечная простота, чувство локтя, дружбы, участие в революционной перестройке действительности и т. д. Можно смело утверждать, что эти герои из народа посеяли в душе современных поколений тувинцев много добрых семян.

Помимо всего прочего следует иметь в виду, что в трилогии существует неисчезающий образ героя-повествователя — живого свидетеля и участника всех описанных событий. Этот образ не выпячен, а подан скромно, без претензий. Герой-повествователь есть частица народа, растущая вместе с ним. В нем всегда кипит активное отношение к жизни, гражданская заинтересованность в решении ее актуальных проблем и природная душевная потребность всегда быть среди народа. Все это делает образ героя-повествователя дорогим и поучительным для нас.

Художественной силой, убедительной образностью в показе истинно человеческого в человеке характеризуется и другое крупное полотно тувинской прозы, посвященное также исторической теме, — диалогия С. Сарыг-оола «Повесть Ангыр-оола».

Вспомним хотя бы двух охотников — стариков Чарык-Чаака и Тойлу из первой книги, с которыми случайно встретился в холодной осенней тайге изголодавшийся и измучившийся мальчик Ангыр-оол. В этом эпизоде Сарыг-оолу уда-

лось с огромной художественной силой раскрыть большую человеческую душу простого тувинского арата.

Человек, согретый теплом человеческого сердца, становится сильным и увереннее шагает по земле. Именно такое значение имела встреча маленького Ангыр-оола со своими земляками в глухой тайге. В том, что Ангыр-оола отличает сильная любовь к народу, мы видим непосредственное влияние большого, доброго сердца народа, не раз открывавшегося перед ним во время частых встреч вот с такими хорошими людьми, как охотники Чарык-Чаак и Тойлу.

«Повесть Ангыр-оола» пробуждает в читателе глубокое чувство любви и уважения к трудовому народу, чувство почтения перед ним. Этот сильный идейный заряд произведения воплощен во многих образах положительного плана.

Ангыр-оол принадлежит к лучшим литературным героям тувинского читателя. Через этот типичный образ писатель показал нам многие характерные явления народной жизни. Ангыр-оол близок современному читателю многими сторонами своего характера: природной любознательностью, жизнелюбием, общительностью, рано пробудившимся чувством протеста против социальной несправедливости. Это последнее качество зреет и в дальнейшем приводит молодого парня на путь борцов за народную власть. Постепенный и закономерный приход к герою революционной сознательности в «Повести» показан не условно, схематически, а исторически конкретно, убедительно, с тонкой психологической мотивировкой. В образе Ангыр-оола немало таких ценных человеческих качеств, которые могут быть унаследованы современной молодежью.

Завершая краткий анализ двух больших произведений на историческую тематику в плане статьи, мы повторяем, что историческое прошлое народа давало и будет давать литературе много материалов и образов для эстетического выражения наших высоких идеалов.

Главное состоит в позиции художника, в его идейно-политической, философской подготовленности, умении разглядеть в обыкновенных людях и явлениях проявление прекрасного. Между тем, иной раз бывает так, что отдельные критиканствующие настроенные лица не могут найти положительного факта, заслуживающего поэтизации, возвеличивания средствами искусства не только в прошлой жизни, но и даже в нашей советской действительности.

Раз у нас речь пошла об исторической тематике в литературе, хочется сказать, что в нашей литературе еще мало получил отражение героизм тувинских добровольцев в минувшей

войне. Образ тувинского добровольца — это замечательный образ, достойный высокохудожественного воплощения не только в форме очеркового жанра, как пока в основном обстоит дело (С. Пюрбю, С. Тока, С. Сюрюн-оол), а в более обобщающих жанрах, как, например, роман, повесть или пьеса.

Очень важен вопрос о положительном герое в детской литературе, который имеет немало специфики. В рамках этой статьи мы не смогли коснуться его. Вместе с тем подчеркиваем, что положительный герой в тувинской детской литературе уже заслуживает самостоятельного теоретического рассмотрения.

Таким образом, мы сделали первую попытку осветить некоторые стороны проблемы положительного героя в тувинской литературе. Всем известно, что эта проблема, занимающая в литературе центральное место, очень широкая, многосоставная, и в одной статье невозможно осветить все ее аспекты. Также невозможно охарактеризовать все заслуживающие внимания произведения, а таких, помимо названных, немало, что свидетельствует об идейно-художественном возмужании нашей молодой литературы.

Иногда возникает справедливое желание получить обобщенный ответ на практически актуальные вопросы: кто же такой положительный герой, каковы его отличительные признаки? Кто, какой тип человека современности, который живет рядом, бок о бок с нами, может стать положительным героем литературы?

Очень трудно давать формулировочный ответ на эти вопросы, ибо невозможно и нельзя давать рецепты к образу положительного героя, к обстоятельствам, которые позволяют ему проявить себя достойным гражданином своего времени.

Однако можно и необходимо попытаться выяснить некоторые принципиальные качества положительного героя и найти общие знаменатели для героев, выступающих со страниц разных произведений на различные темы.

Прежде всего хочется обобщенно сказать, что положительный герой есть такой человек, который своими действиями, поступками, складом мыслей и чувств, всей системой мировоззрения, отношением к людям, обществу, жизненным проблемам, иначе говоря, своим характером, всей своей сущностью выражает благородные идеалы общества, его передовые тенденции.

Положительный герой советской литературы есть человек труда. Конечно, сфера проявления благородных качеств человека касается всех сторон жизни, всех общественных связей

личности. Но высокие человеческие свойства ее проявляются прежде всего в труде, в борьбе за создание насущных жизненных благ. Вспомним многих понравившихся нам героев лишь одной тувинской литературы (Саны-Мого, Илдирмаа, Хаяжик, Тас-Баштыг, Ангыр-оол, Кудерск, Лопсанчап, Тумен-Хоо, Оттук и многие другие) и мы заметим, что невозможно представить прекрасный нравственный облик, человеческое достоинство героев без тех огромных, беспрерывных трудовых усилий, благодаря которым они приносят людям пользу, радость, показывают пример жизни. Лицо, не сопричастное к общему делу, не может стать достойным героем литературы.

Труд человека всегда подразумевает борьбу — борьбу, во-первых, за преодоление «сопротивления материала» и, во-вторых, за создание наиболее подходящих в данном случае условий для осуществления общественного труда и подсказанных им новых идей. Сознательная активность, инициативность и несгибаемая воля к цели являются очень важными атрибутами героя-труженика.

В наше время во всех государственных и общественных делах участвуют широкие массы. Непрерывно растут ряды тех, кто из принципиальных гражданских и партийных побуждений стремится внести свою долю в решение больших и малых жизненных проблем. Общественная, трудовая активность — типичная черта советского характера. Положительный герой современности — это человек борьбы. Коммунизм строится постоянной борьбой против сопротивления старого, за создание нового и поэтому воспитание в советских людях активных, борцовских начал представляет собой важнейшее требование эпохи к творческим работникам.

Положительный герой современности — это не выдающийся одиопочка, стоящий над обществом, а человек коллектива. Он вырастает из коллектива, аккумулирует его волю, знания, мнения и в то же время сохраняет свою индивидуальность. Слитность с коллективом, через него — со всем обществом, страной есть важнейшее социально-историческое условие проявления положительного героя. Реалистическое раскрытие этой истины представляет собой сложную, но важнейшую творческую задачу писателей.

Положительный герой должен изображаться во всей своей живой человеческой непосредственности и привлекательности. Без такого ощущения, которое создается правдивым воспроизведением характера, внутреннего мира человека, образ может стать в лучшем случае лишь довольно правдоподобной

схемой. На практике же иногда случается так, что герой, по замыслу автора, выписан как положительный, во всем выдержан, правилен, но он не трогает читателя, не возбуждает живые струны его души. Такие умозрительные образы, которые рождаются из общих представлений и не вынашиваются их создателями достаточно глубоко и долго, вряд ли имеют право называться положительными героями.

Мы можем обобщенно называть типичные черты положительного героя, вместе с тем в каждом отдельном случае необходимо судить о нем конкретно, учитывая его национально-исторические, социальные, возрастные и другие особенности. Только при соблюдении этого условия можем избежать нередко возникающего наивного вопроса: может ли положительный герой иметь отрицательные качества?

Конечно, герои таких произведений, как «Слово арата» или «Повесть Ангыр-оола», с точки зрения этических и иных представлений современного человека, имеют немало «недостатков». Но авторы этих произведений, справедливо показывая исторически конкретные черты своих героев, заостряют внимание на их высокой нравственной сущности.

Для взрослого в действиях детей или подростков много наивного, но писатель, у которого героем выступает мальчик, не должен избегать показа этого. Руководитель с высшим образованием и немалым опытом практической работы также заметит немало слабостей, например, у молодого комсомольского вожака, но писатель, сделавший героем своего произведения такого молодого организатора, вряд ли может создать полноценный, убеждающий читателя образ без показа этих «отрицательных черт».

Более того, положительным героем в литературе нередко выступают характеры довольно сложные, противоречивые. В практике тувинской литературы это можно видеть на примере пьесы С. Тока «Тонгур-оол», где герой показан в заблуждениях и прозрении. Вообще при изображении процесса роста положительного героя вскрытие противоречий его характера становится важной творческой задачей писателя. Классическим примером глубоко реалистического воспроизведения диалектики характера, его развития является образ Давыдова из «Поднятой целины» М. Шолохова.

Таким образом, писатель-реалист, отражающий жизнь правдиво, с историко-этнографическими, бытовыми и иными деталями, не избегает показа конкретно-исторических атрибутов героя в их относительности, которые в иных условиях могут быть восприняты как «недостатки».

При создании образа положительного героя не должен стоять схематический вопрос о какой-то пропорции положительного и отрицательного. Главное заключается в всестороннем правдивом раскрытии прогрессивной сущности характера человека с исторической, национальной, социальной, возрастной достоверностью. Вместе с тем следует подчеркнуть, что герой должен быть цельным,— законы искусства не терпят существования в одном образе взаимоисключающих, принципиально несовместимых свойств. Так, например, недопустимо, чтобы герой одновременно был добрым человеком и злодеем.

Проблема положительного героя неотделима от проблемы художественности. Идеино-эстетическая ценность образа определяется не только хорошим замыслом писателя, но и соответствующим художественным воплощением его. Каждый писатель находит в жизни своего героя. Пока он не встретился с героем, не полюбил его, нет смысла писать. Но надо не только найти героя, необходимо еще превратить его из явления жизни в явление искусства. А для этого требуется большое мастерство, навыки писательской работы, разносторонние знания, талант и вдохновение. Реализация благородных замыслов писателя сопровождается огромной и очень сложной творческой работой. Без этого на практике возникают вместо живых характеров те условно-схематические образы, о которых мы упомянули выше.

Открытие положительного героя в эстетическом плане также представляет собой нелегкое дело, хотя его прототипы в жизни встречаются очень часто и везде. Нельзя представлять дело так, будто писатель отправляется в поиски героя так, как геологи, вооруженные современными поисковыми средствами, ищут земные богатства.

Писатель должен быть вооружен личным опытом жизни, идейно-теоретическими знаниями и, главное, большим гражданским сердцем, которое позволяет ему разглядеть в человеке глубоко человеческое, благородное, делающее его положительным героем.

Только при наличии активного, заинтересованного отношения к явлениям действительности, при наличии тесных связей с жизнью народа и при непосредственном участии в решении ее проблем писатель сумеет обнаружить настоящих героев современной литературы.

Вспомним замечательные слова Ф. Энгельса о титанах искусства Возрождения: «Но что особенно характерно для них, так это то, что они почти все живут всеми интересами своего

времени, принимают участие в практической борьбе... и борются кто словом и пером, кто мечом, а кто и тем и другим».¹

Каждому творческому работнику необходимо всегда помнить эти слова гениального мыслителя, теоретика марксизма, ибо настоящее произведение искусства рождается не из честолюбивого желания, а из горячего гражданского, партийного кинения сердца, которое не дает покоя писателю, пока он не выскажет обуревавшие его мысли и чувства, из сильной потребности души сказать людям что-то заветное, пужное.

Важная закономерность общественного развития состоит в том, что прогрессивные тенденции в поведении, характерах, действиях, помыслах людей, их разносторонний нравственный опыт всегда становятся достоянием новых поколений. У каждого человека развито желание восхищаться прекрасным и перенять лучшее, что есть в практике других людей. Вот почему проблема положительного героя есть объективная художественная необходимость, известная творчеству всех народов, всех времен.

В наше время с новой силой возникает вечно живой вопрос: как надо жить человеку, каким должен быть он? Литература каждым своим положительным образом дает ответ на этот всегда актуальный вопрос.

Положительный герой занимает центральное место в литературе социалистического реализма, главная задача которой заключается в воспитании нового человека с коммунистическим мировоззрением. Чем больше создал писатель положительных образов, тем богаче, содержательнее и весомее его творчество.

СОВРЕМЕННОСТЬ И ТВОРЧЕСТВО МОЛОДЫХ ЛИТЕРАТОРОВ

В феврале 1971 года был проведен двухдневный семинар молодых литераторов республики. К нему давно и тщательно готовились Тувинский обком ВЛКСМ и Союз писателей Тувинской АССР.

Семинар открыл вступительным словом председатель Союза писателей О. К. Саган-оол.

— Мы проводим семинар молодых писателей во второй раз,— сказал Олег Карламович,— чтобы помочь начинаю-

---

¹ М. Маркс и Ф. Энгельс об искусстве. М., 1957, стр. 346—347.

щим поэтам, прозаикам, драматургам и критикам. Каждый, кто хочет писать, должен знать современный облик нашей страны, нашей республики, чтобы быть ей полезным. Важно, чтобы каждый начинающий писатель правильно понимал цель и назначение советской литературы, чтобы его творчество было идейным, славило Родину и человека труда.

Подробному разбору творчества свыше двух десятков авторов разных возрастов, профессий и литературного стажа были посвящены доклад «Современность и задачи молодых литераторов Тувы» Ю. Ш. Кюнзегеша и выступления ведущих писателей республики.

— В эти предсезонские дни труженики краев, областей и республик ежедневно рапортуют великой Родине и партии о своих замечательных достижениях во всех отраслях экономики и культуры, — говорил Ю. Кюнзегеш. — С большими успехами вышли на рубеж новой пятилетки и работники советской литературы и искусства.

Примечательной особенностью литературного процесса в последние годы был выход в свет крупных произведений тувинской национальной прозы, поэзии и драматургии.

К жанру автобиографической повести, как и «Слово арата», относится дилогия С. Сарыг-оола «Повесть Ангыр-оола». Обе повести реалистичны. По времени описываемых в них событий, по характеру отбора жизненного материала, по композиции — безрадостное детство, сиротская доля, произвол баев и чиновников, прозрение юных героев, революционная ситуация в стране и, наконец, сознательная борьба за лучшую жизнь своего народа, т. е. воспроизведение типичных характеров в типичных обстоятельствах — эти произведения довольно близки. Но творческая манера авторов совершенно индивидуальна — в каждой строчке, в сравнениях и метафорах, в описании пейзажа или портретной характеристике отрицательных и положительных героев можно безошибочно узнать почерк каждого из них.

К исторической тематике обращены произведения уже другого плана: пьеса «Самбажык» В. Кок-оола — об антифеодальной борьбе народа в XIX веке, повести «Хлеб» К. Кудажы, «Глушь» С. Сюрюн-оола, пьеса «Красный поток» С. Пюрбю, воссоздающие эпизоды времен гражданской войны в Туве, и роман «Стремнина великой реки» М. Кенин-Лопсана, в основном рассказывающий о событиях предвоенных и военных лет.

Современной сельской тематике посвящены роман «Удаль молодецкая» А. Даржаа, роман «Одержимые» и ряд пьес

О. Саган-оола, повесть «Тихий уголок» и пьеса «Проделки Долумы» К. Кудажи. В них отражены глубинные процессы обновления облика полупатриархальной кочевой тувинской деревни в ходе коллективизации сельского хозяйства, механизации труда хлебороба, в ходе превращения индивидуальных скотоводческих аалов в крупные социалистические животноводческие хозяйства.

Морально-этическую тематику, вопросы любви и дружбы разрабатывают Д. Бегзи в «Повести о друзьях», С. Пюрбю в пьесе «Надо беречь любовь», где основными героями выступают представители молодой интеллигенции со всеми проблемами, ибо «жизнь есть сплошное и непрерывное движение, изменение...» — такова, как говорил А. М. Горький, исходная точка социалистического реализма...

Возникли крупные промышленные центры республики. Молодой рабочий класс Тувы во весь голос заявил о себе на стыке двух пятилеток. Но, к сожалению, тема рабочего класса в тувинской литературе до сих пор еще недостаточно разработана. В поэзии — поэма «Оттук» М. Кенин-Лопсана, о строителях и разведчиках чаданского угольного разреза; в прозе — романы «Родные люди» О. Саган-оола, «Детище железа» А. Даржаа, о молодых строителях и рабочих, впервые попавших в рабочий коллектив. Для появления этих крупных произведений прозы и поэзии о рабочем классе принципиальное значение имели рассказы О. Саган-оола «Парень из сумона», «Крепче скал», повесть «Подарок» и рассказ «Все тот же Маскажык» С. Сарыг-оола, которые как бы прокладывали мост к созданию произведений об индустриальном будущем республики.

Крупным достижением тувинской поэзии стали поэмы «О времени и современниках» С. Пюрбю, «Только один час» К. Кудажи. Сергей Пюрбю в свободной форме рассказа от первого лица опозитизировал трудную и счастливую судьбу поколений послереволюционного периода. Старший брат лирического героя поэмы Маадыр-оол, бывший батрак Чалба-мейрена и партизанский разведчик, погиб от рук белобандитов. Убит на поле боя с восставшими феодально-байскими элементами на Хемчике и его друг Сарыгбай. Во время Великой Отечественной войны храбро сражался и отдал свою жизнь за Родину его сын — Оруспай. Казалось бы, слишком много смертей, но поэма в целом звучит оптимистически, все исторические явления, положенные в основу поэмы, оцениваются с позиции современности.

Эта лирико-философская поэма охватывает почти полувекую историю трех поколений. Сюжет ее метафоричен. Он движется развёртыванием метафоры, логическим и эмоциональным напором. В основе ее — сила, история, движение времени. Важнейшую роль в ней играют образные обобщения, лирические ассоциации, драматическое начало.

Совершенно в ином сюжетном плане построена поэма К. Кудажи «Только один час». Если поэма С. Пюрбю, безусловно, эпическая, то в поэме К. Кудажи слились лирическое и эпическое. Поэт раскрыл спокойное мужество, честность и деловитость, стремление к бескорыстному служению людям, цельность характера в образе будущего врача Оолака, утверждая идеал современного молодого человека.

Тематическое и жанровое разнообразие, богатство изобразительных средств языка, индивидуальные приемы письма — собственный почерк каждого писателя, большой круг разрабатываемых проблем, четко написанные характеры положительных и отрицательных героев поэтических и прозаических произведений наших писателей — говорят о зрелости тувинской литературы.

Сегодня активно работает в наших рядах большая группа молодых авторов. Их наши литературоведы называют «третье поколение». Среди них меньше прозаиков, а драматургов почти нет. Основной костяк нашей молодой литературы составляют поэты.

За последние годы они выпустили в свет 18 книг стихов и прозы. Кроме того, произведения литературной молодежи широко печатаются в альманахе «Улуг-Хем», на страницах республиканских газет «Шын» и «Тувинская правда». Особая роль в деле воспитания и выращивания молодых литераторов принадлежит, конечно, газете «Тыванын аныктары», которая из номера в номер дает стихи и рассказы школьников, студентов, рабочей и сельской молодежи.

Покойный Тюлюш Кызыл-оол был известен как поэт и прозаик. В последние годы он написал две книги прозы: «Драгоценное сокровище», в которой опубликованы рассказы для детей, и «Берегись козла», которая увидела свет уже после безвременной гибели автора. В ней автор собрал сатирические и юмористические рассказы и фельетоны. Сам факт того, что такая книга появилась, — отрадное явление для нашей литературы. Монгуш Олчей-оол написал «Рассказы Хоорэра» в духе народного юмора, охотничьих анекдотов.

За эти годы вышли книги «Песни рабочего» В. Саган-оола,

«Молодые сердца» К. Сат, «Чаа-Суур» С. Таспая, «Щедрость матери» В. Шаравии, «Красная ива» З. Намзырай. На читинском семинаре молодых писателей Сибири положительно отзывались о стихах Людмилы Санчай, которая пишет на русском языке.

С рассказами для детей выступает автор книжки «Милая Уранмаа» Х. Ойдан-оол. Маленькую повесть «Алдын-оол и Эникпен» написал Б. Ондар. Со своими первыми книжками стихов для детей выступили К. Экер-оол («Мои цветы», «Капуста в небесах»), О. Дарыма («Отгадайте»), А. Допчаа («Милые дети») и Ч. Кара-Куске («Капельки»). Таким образом, некоторые сдвиги в деле создания детской литературы стали очевидны. Но, к сожалению, большой литературы для маленьких граждан нашей республики мы еще не создали. Нельзя сказать, что наши писатели не пишут для детей. Леонид Чадамба уже с 40-х годов писал стихи для детей, которые вошли в учебники для начальных школ и были изданы отдельной книгой под названием «Поколения». С. Сарыг-оол, С. Пюрбю тоже выпустили детские книжки.

С рассказами в газетах и альманахе «Улуг-Хем» выступает Кок-оол Чамыян, Николай Ооржак, Светлана Миндрия, со стихами и поэмами — Л. Санчай, А. Даржай, Х. Кускун-оол, Суттуг-оол Куулар, Танов Монгуш, Чинмит Оолет, Биче-оол Доюндуп. Чаш-оол Куулар инсценировал сказку «Оскус-оол». Даржай Шоома перевел на тувинский язык поэму «Дядя Степа и Егор» С. Михалкова.

Совсем недавно начал писать Александр Даржай, самый молодой из всех начинающих авторов. Он пишет лирические стихи о любви и дружбе, размышляет о судьбе и счастье человека. В альманахе «Улуг-Хем» появилось его лирическое стихотворение «Где же ты?» В нем Александр Даржай рассказал о том, как неизвестный водитель спас ребенка от верной гибели.

Пока еще ищет себя и Владимир Серен-оол. Он с большой тщательностью работает над словом, о чем говорят опубликованные восьмистишья. В них он удачно использует форму народных песен и частушек; обремененный в старую форму стих благодаря поискам автора приобрел новое содержание. Поэт старается овладеть искусством поэтического анализа и синтеза. Он стремится передать одухотворенность мира природы, показать гармонию человека с ней.

В произведениях молодых заметно возросло требование к идейно-художественному уровню своего творчества. Но произ-

ведения молодых писателей и поэтов не свободны еще от недостатков. Приведем два-три примера.

В стихотворении Ч. Кара-Куске «Халдып олур, шымда!» сами стихи в строфах ритмически организованы отлично, но уже в третьей строфе автор начинает повторять себя. Слова: **харлыг, дурген, шымда** — в двенадцатистрочном стихотворении повторяются по два раза, а четыре строчки в нем почти одинаковые. Такое повторение не продиктовано ни развитием мысли, ни сюжетом стихотворения. Наоборот, повторение мешает в целом воспринимать стихотворение. Ч. Кара-Куске — способный поэт, опытный журналист. Если судить по книге «Капельки», он плодотворно учится, ищет новые формы стиха. Но пугает удивительное однообразие формы стихотворений, невнимание автора к поэтическим тропам — к сравнениям, метафорам и т. д.

Небрежное отношение к слову всегда приводит к ошибкам. Вот, например, стихотворение «Моя поэзия» А. Арапчора, который имеет уже практику и опыт.

Эштиң багын сурап сүрбес
Эриг баарлыг поэзиям —
Аймак сөөк дээр ылгал билбес
Ашпас чырык сылдыстарым.

Поэт хотел определить назначение поэзии. В приведенной строчке он пишет: «...поэзия моя, ты не ищешь плохое в товарище» — это само по себе неправильно. В следующей строфе поэзия определена как «острое оружие против коварства и зла». Суждения поэта противоречивы. Поэт более прав, когда в назначении поэзии видит оружие борьбы. Обо всем происходящем в мире наша поэзия образно рассказывает с позиций социалистического реализма, с позиции советского человека.

В полноценном искусстве нет бессодержательной формы и не может быть неоформленного содержания.

«Эриг баарлыг поэзиям —
Ашпас чырык сылдыстарым»,—

пишет А. Арапчор в том же стихотворении. Поэт чрезмерно перегрузил эти стихи формально поэтической образностью, не обращая внимания на смысл.

Советские поэты упорно трудятся над словом. Ярослав Смеляков говорил, что в свое время он проходил школу эпитета у Э. Багрицкого. А. Твардовский в поэме «За далью—даль» стремится к выбору слов обычных, подчеркнуто скромных. Од-

нако эпитеты Твардовского очень точны и выразительны. Он редко обращается к эпитетам, выражающим высокую степень какого-либо качества, причем такое обращение всегда особенно мотивировано образной мыслью.

А мы любим и часто употребляем эпитеты только превосходной степени: если день, то обязательно *прекрасный*, солнце — *светлое*, Саяны — *высокие*, Енисей — *полноводный*, жизнь — *новая* и т. д.

Владимир Маяковский образно говорил, что «слова ветшают», из-за частого употребления. Вышеприведенные сами по себе хорошие слова стали штампами, которые мешают поэту выразить образную мысль, мешают читателю воспринимать красоту мира, деяния человека.

Сегодня жизнь требует от нас повышения идейно-художественного уровня своих произведений, более полного использования и изобразительно-живописных возможностей поэтического слова, усовершенствования художественного мастерства литературы. Обращаясь к нашей действительности, литераторы художественно осваивают важнейшие темы и проблемы современности.

В целом творчество молодых поэтов и прозаиков — еще одно выразительное свидетельство успехов современной тувинской литературы — наследницы богатого опыта традиций мировой и советской литературы.

Новое качество приобретает гражданственность, партийность нашей литературы и ее историзм. Эти качества обогатились в своем эстетическом содержании, получили подтверждение опытом истории и личным опытом художников.

В нашу эпоху, говоря словами Маяковского, «по всей вселенной ширится шествие мыслей, слов и дел Ильича». Это еще раз подчеркивает важность для молодого литератора четкой партийной позиции, необходимость сознательной борьбы за общенародные коммунистические идеалы.

С докладом «О проблемах создания положительного героя в тувинской литературе» выступил критик, кандидат филологических наук А. К. Калзан. (Тезисы доклада А. К. Калзана публикуются в этом номере альманаха «Улуг-Хем»).

Выступления ведущих писателей были проникнуты искренним желанием помочь младшим товарищам раздумьями о судьбах молодой литературы нашей республики, о путях тех, кто идет на смену первым ее зачинателям.

За последнее время Тувинское книжное издательство выпускает все больше книг, на обложках которых стоят совер-

шенно новые для читателя имена. Этому только можно порадоваться.

— Очень важна для литераторов всех поколений трудовая, рабочая тематика,— сказал С. Б. Пюрбю.— Живо, ярко и образно отобразить труд человека, не сбиваясь на сухость и схематичность,— вот задача, стоящая перед молодым литератором. Из всех поэтов, творчество которых мне поручено разбирать на семинаре, пожалуй, больше и лучше других пишет Ондар Охемчик. Могу назвать его стихотворение «Среди передовиков», написанное с умелым использованием фольклорных традиций. Однако О. Охемчику необходимо избегать однообразия, элементов схематизма, добиваться большой индивидуализации каждого образа.

— Меня тревожит однообразие тематики, образного строя, формы произведений многих участников семинара,— продолжает мысль предыдущего оратора старейший поэт республики С. А. Сарыг-оол.— Например, в стихотворениях Хертека Кускун-оола неплохо выдержаны традиции народной песни, частушки, но из восьми стихотворений, посвященных девушкам, не возникает ни одного ясно видимого девичьего образа. С. А. Сарыг-оол порекомендовал молодым поэтам обратиться к определению поэзии, данному еще В. Белинским. Ведь уже в XIX веке прогрессивные литераторы понимали поэзию как проявление гражданственности автора!

Отрадно, что в литературу приходят сами люди труда, такие, как секретарь комитета ВЛКСМ совхоза «Улуг-Хая» Кара-оол Натпий-оол. Но в творчестве его преобладает любовная лирика. Хотелось бы, чтобы в стихи молодого автора весомо вошла тема труда. Нередко, как правильно отметил К. К. Кудажу, касаясь трудовой тематики, начинающие литераторы увлекаются перечислением внешних деталей, названиями машин, механизмов. Например, в одном стихотворении Кыргыза Кошгар-оола, посвященном труду шофера, названы и бензин, и автол, и кабина, и кузов, и различные детали автомашины, которые буквально заслонили человека. В других произведениях этого же автора небрежное отношение к языку проявляется еще основательнее: в них можно встретить и натурализм, и жаргонные словечки.

Призыв к настойчивой работе над языком своих произведений прозвучал в выступлениях А. Д. Даржаа, С. С. Сюрюноола и самих участников семинара: М. Б. Доржу, М. Юндешоола и других.

Разбору творчества молодых литераторов, пишущих на

русском языке, посвятила свое выступление С. В. Козлова

— Радостно наблюдать за тем, как постепенно имена писателей обретают определенную весомость, популярность, — сказала она.— Кто в Туве сегодня не знает, например, Монгуша Доржу, Салчака Молдурга, Монгуша Олчей-оола! Как оригинальные литературные критики проявили себя Александр Даржай и Серен-оол Чыргал-оол. Несомненно, растет от года к году поэтическое дарование Монгуша Доржу. С. Козлова положительно отозвалась о произведениях некоторых авторов, пишущих на русском языке, — Валерия Тутатчикова, Нины Чыргал и других.

Секретарь Тувинского обкома КПСС В. И. Попов рассказал участникам семинара о перспективах развития промышленности Тувы.

Самым основным вопросом, который был поднят на семинаре, был вопрос о высокой идейности литературного творчества и не только начинающих авторов. Мысль об идейности, партийности, народности каждого произведения, о служении писателя партии и народу проходила красной нитью в выступлениях секретаря обкома КПСС К. С. Шойгу, секретаря обкома ВЛКСМ А. К. Канзая, в заключительном слове председателя правления Союза писателей Тувинской АССР О. К. Саган-оола.

Мария ХАДАХАНЭ

АЛЬМАНАХУ «УЛУГ-ХЕМ» — 25 ЛЕТ

В первом номере тувинского литературно-художественного альманаха «Улуг-Хем», вышедшего в 1946 году, было только пять писательских имен. За эти годы вышло в свет двадцать девять номеров на тувинском и одиннадцать номеров на русском языке. В число постоянных авторов вошло тридцать-сорок человек литературного актива.

Что представляли собой первые номера альманаха? Это были тоненькие сборники стихов. Не было никакого разделения на жанры. Уделялось большое внимание переводу с русского языка. Печатались произведения Н. Хикмета, М. Исаковского, С. Михалкова, Л. Ошанина, Н. Грибачева, А. Жарова, С. Щипачева, М. Светлова, С. Маршака, Н. Тихонова, М. Рыльского, В. Лебедева-Кумача. В объединенном седьмом-восьмом номере «Улуг-Хема» 1954 года половину занимают переводы классиков: Пушкина, Лермонтова, Чехова, Шевченко, Абая, Франко, Л. Украинки, Маяковского и др.

Интересен и такой опыт. Молодые тогда поэты Ю. Кюнзегеш и М. Кенин-Лопсан перевели стихи Байрона непосредственно с английского языка. Школа перевода была школой учебы, способствовавшей установлению собственного стиля, усвоению выразительных художественных средств. Молодые писатели глубже и конкретнее узнали сущность литературной работы, учились отбору тем, явлений образов, сюжетостроению, композиции.

Через альманах прошло три поколения писателей. Кроме зачинателей литературы, в нем активно выступают Ю. Кюнзегеш, С. Сюрюн-оол, О. Сувакпит, М. Кенин-Лопсан. С 1953 года в альманахе появляются критические статьи Л. Тогуи-оола, Л. Гребнева, А. Калзана, несколько позже — Д. Куулара и Д. Кысыгбая. Постепенно книга превращается в солидное издание со всеми литературными разделами. Ручеек становится рекой.

Можно смело сказать, что все наиболее значительные произведения тувинской литературы прошли через страницы альманаха: трилогия С. Тока, пьесы, поэмы, рассказы С. Сарыг-оола, О. Саган-оола, С. Пюрбю, драмы В. Кок-оола, поэмы М. Кенин-Лопсана, киносценарий «Люди голубых рек» и либретто «Чечек и Белекмы».

В редколлегии альманаха в разное время были О. Торгал-оол, Н. Курбатский, И. Плоткина, Л. Гребнев, М. Мендуме, С. Сонам, П. Горелов и др.

В середине пятидесятых годов в литературу пришло третье пополнение: К. Кудажи, Т. Кызыл-оол, А. Даржаа, А. Арапчор, М. Олчей-оол, Е. Танова, С. Молдурга. Многие из них теперь имеют свои сборники произведений.

Плодотворно развивается тувинская поэма, повесть, литература для детей, критика.

В числе литературного актива — учителя, студенты, журналисты, рабочие, колхозники — строитель В. Саган-оол и старый колхозник К. Чолбеяк; Д. Бегзи, В. Шаравии, С. Бюрбе, Х. Серээ, К. Аракча, М. Эргеп, Б. Карашпай, Ч. Чап, К. Экер-оол, Ч. Кара-Куске; женщины: З. Намзырай, З. Чигир-оол, С. Юмбу и др. Этот список можно было бы продолжить. Однако не количеством авторов, а качеством произведений определялось лицо альманаха.

Русский номер альманаха выходил реже — один раз в два года. За это время вырос и окреп творческий актив литераторов, пишущих на русском языке: М. Пахомов, В. Ермолаев, С. Козлова, А. Емельянов, Н. Сердобов, В. Журавлев и др.

Интересно проследить эволюцию переводчиков с тувинского языка от С. Гудзенко и М. Скуратова, Ф. Фоломина и А. Ойслендера до О. Дмитриева и Е. Храмова. Большой вклад в развитие переводов внесли и местные переводчики С. Козлова и А. Емельянов.

Изменился и внешний облик тувинского альманаха. От скромной бледной обложки до яркого многоцветного облика.

Последние номера украшены линогравюрами тувинских художников.

Несколько слов предыстории. Самому «Улуг-Хему» — 25 лет. Но если учесть предыдущие издания: первый итоговый сборник 1938 года, затем три номера журнала «Заря революции», а в годы войны «За родину» и «Боевой клич», — то скоро исполняется тридцать пять лет со дня выхода первого тувинского литературного издания.

Принцип интернационализма всегда был ведущей чертой «Улуг-Хема». Тема дружбы народов постоянно занимает и волнует воображение наших писателей. Рождаются любопытные элементы взаимодействия национальных культур. Появились тувинцы, пишущие на русском языке.

Не обойтись, однако, и без критических замечаний в адрес «Улуг-Хема». Не всегда требователен отбор произведений, много имен, которые потом не удерживаются, значит, есть элемент случайности. Нельзя публиковать любое первое стихотворение. До сих пор альманах выходил на общественных началах, теперь появился литконсультант, и дело пошло успешнее, без обычной спешки и аврала. Нужна постоянная забота о литературной смене, о привлечении и расширении актива переводчиков высокой квалификации. В альманахе почти совсем отсутствуют публицистика, сатира, уголок для детей, слаб отдел критики. Рецензии не смогут заменить проблемных статей. Литературный «Улуг-Хем» должен стать более полноводным, жить той же кипучей жизнью, что родилась на берегах великой сибирской реки с гордым именем Енисей.

КУЖУГЕТ ХЕНЗИГ-ООЛ

Знаменитый «ТУ-114», совершающий рейс Москва — Гавана, пролетел над г. Мурманском, расположенным на восточном берегу незамерзающего Кольского залива.

— Под нами простирается Баренцево море, рядом с ним — Норвежское море. Скоро, дорогие пассажиры, пролетим мимо Новой Земли и Земли Франца — Иосифа. А затем Северный Ледовитый океан и Полярный круг, — прозвучал голос стюардессы в репродукторе.

Кужугет, сидевший в среднем салоне, был в приподнятом, хорошем настроении. Он все время смотрел в иллюминаторы и любовался суровым пейзажем Заполярья. Он даже не заметил, что воскликнул на своем языке: «Как интересно лететь над Полярным кругом!»

Товарищ, сидевший рядом, удивленно посмотрел на него:

— Что ты сказал, Кужугет?

— Как интересно лететь над Полярным кругом. — сказал я по-своему, — ответил он.

— В этом салоне, кроме тебя, кажется, тувинцев нет. Ты, наверное, первый из тувинцев побывал в этих местах?

Пассажиры, сидевшие в этом салоне, прильнули к круглым иллюминаторам. Внизу было все белое, как облака; изредка виднелись огромные айсберги, нагромождения торосов.

Кужугету вспомнились места, где он родился, вырос, пас

овец и сарлыков: вечно покрытая снегом, величавая, как эти льды, Бай-Тайга, о которой поют в народе песни, бурный Хемчик, школьные годы и уроки географии.

Одно дело — изучать на картах и глобусах, а другое — видеть наяву с такой высоты. Однако, честно говоря, пролетать над Полярным кругом было ему не только интересно, но и несколько страшновато.

Всем пассажирам, пролестившим над Полярным кругом, вручили памятные билеты. Получил билет и Кужугет — представитель далекой Тувы, расположенной в самом центре географического азиатского материка. Он с интересом стал рассматривать его. В нем было написано: «Житель г. Кызыла, Тувинской АССР, Кужугет Хензиг-оол Балданович на самолете «ТУ-114» гражданской авиации СССР действительно пролетел над Полярным кругом». Дальше идут подпись командира экипажа самолета, число, месяц, год полета.

Вскоре мощный лайнер «ТУ-114» приземлился на одном из аэродромов Гаваны — столицы революционной Кубы. Гавана встретила улыбками, горячими объятиями, крепкими рукопожатиями и морем цветов.

После кратковременного отдыха — первый концерт, который открыл известный артист Афанасий Белов. Для того, чтобы посмотреть концерт советских артистов эстрады и Всесоюзного объединения Государственного цирка, пришли в театр многие жители Гаваны. Зал был переполнен. Один номер сменялся другим.

И вот прозвучала тувинская мелодия, на сцену вышел в национальной одежде коренастый смуглый молодой человек — народный артист Тувинской АССР, известный жонглер и эквилибрист Кужугет Хензиг-оол. В воздухе замелькали ступки, которыми он искусно жонглировал. За каждым его движением следили, затаив дыхание, то и дело раздавались бурные аплодисменты. Даже после того, как он покинул сцену, зал еще продолжал греметь. Он снова выбежал и поклонился темпераментным зрителям — кубинцам.

Первый концерт советских артистов закончился с большим успехом. Наутро кубинские газеты запестрели фотографиями артистов. Среди них были заслуженная артистка РСФСР Маргарита Назарова со львами, заслуженный артист Удмуртской АССР Иван Кудрявцев с медведями, группа воздушных акробатов Арнаутовых, заслуженная артистка РСФСР Кира Смирнова, талантливый артист А. Белов, народный артист Тувинской АССР Кужугет Хензиг-оол и др. С неослабевающим

успехом прошли концерты и в других местах острова Свободы.

Новый путь артистов эстрады и Всесоюзного объединения Государственного цирка лежал в Париж, который встретил их так же тепло и радушно. Почти месяц продолжались выступления во французской столице, которая была покорена мастерством советских артистов.

Об успехе наших артистов, завоевавших симпатии зрителей, писали в парижских газетах и передавали по телевидению. Среди газетных заголовков можно было увидеть и такие строки: «Талант сибиряка Кужугета Хензиг-оола из Тувы покорила парижан».

Газета французской коммунистической партии — «Юманиге» — писала в своей статье о выступлениях советских артистов, в частности, о Хензиг-ооле: «Французские зрители, увидев Хензиг-оола в яркой национальной одежде и познакомившись с его самобытным народным искусством, а также услышав тувинскую мелодию, узнали, хотя и частично, о далекой Туве и ее талантливых людях».

Следующие выступления наших артистов состоялись в Корейской Народно-Демократической Республике. О своей поездке в КНДР Кужугет Балданович вспоминает: «Когда я увидел жителей Пхеньяна, искусно носящих на голове корзины и другие вещи, то подумал, что мое выступление со ступками вряд ли вызовет такой большой интерес, как в других странах. Однако успех превзошел все мои ожидания. Мой номер также удостоился высокой похвалы корейских друзей».

Мы кратко рассказали о поездке и выступлениях Кужугета Балдановича Хензиг-оола только на Кубе и во Франции. Его выступления имели большой успех также в Индии, Бирме, Китае, Индонезии, Монголии, Венгрии, Польше и других странах мира.

На международном цирковом представлении, посвященном 50-летию Великого Октября, в г. Симферополе среди артистов цирка СССР, Чехословакии, Румынии, Югославии он также достойно представлял советское цирковое искусство. Хензиг-оол много выступал в Москве, Ленинграде, Киеве, республиках Средней Азии и Прибалтики, Сочи, Новосибирске, Иркутске, Владивостоке, в родном Кызыле и других городах нашей необъятной Родины, восхищая зрителей своим талантом и искусством.

«Успехом своих выступлений прежде всего я обязан, — говорит Хензиг-оол, — своему учителю и наставнику, народно-

му артисту РСФСР, руководителю тувинской группы Госцирка Владимиру Оскал-оолу, который открыл мне путь к цирковому искусству».

Указом Президиума Верховного Совета РСФСР Хензиг-оол за большие заслуги в советском цирковом искусстве удостоен почетного звания заслуженного артиста РСФСР.

ЧИТАТЕЛИ О КНИГАХ

Семен ОЮН

НА СРЕМНИНЕ НАРОДНОЙ ЖИЗНИ

Недавно на прилавках книжных магазинов появился изданный на русском языке, в авторизованном переводе Виктора Малюгина роман Монгуша Кенин-Лопсана «Стремнина Великой реки». Заглавие романа выбрано очень метко. Прославляя величавую реку Улуг-Хем, ее стремнину, автор поставил перед собой цель: показать единую, могучую стремнину жизни тувинского народа. Не случайно один из его героев, сопровождавший лучших скакунов, которых араты подарили фронту, впервые увидев Великую реку, вспоминает, как о ней поется в новой народной песне:

«Поднялась народная революция
и, словно стремнина Великой реки,
смыла вековую отсталость аратов»...

Именно в годы народной власти стремнина новой жизни Тувы стала могучей и стремительной. Без помощи старшего брата — русского народа — строительство этой новой жизни было бы немыслимо. И в грозные дни войны благодарный тувинский народ протянул Стране Советов руку братской помощи. Каждый арат хорошо знал, что другу надо помочь, когда он в беде. Наши отцы были уже достаточно умны и грамотны, чтобы разобраться, кто их истинный друг, а кто — коварный враг. Весь народ Тувы дружно принял участие в сборе подарков для Красной Армии. И это его движение тоже напоминало стремнину Великой реки. К началу сороковых годов в жизненном укладе тувинцев уже произошли коренные сдвиги. Обо всем этом нам напоминает роман М. Кенин-Лопсана.

Герой романа — народ. Но, помимо обобщенного образа

народа, есть в книге и центральный персонаж. Это пожилой арат Саадак, в молодости красный партизан, в недавнем (предшествующем времени действия романа) прошлом — активист, один из организаторов колхоза «Черемуха». Память его постоянно обращается к бурному прошлому. Однако от эпизода к эпизоду нарастает внутреннее беспокойство Саадака. Причина понятна: отведя на общий артельный двор несколько голов скота и сдав хозяйственный инвентарь, он оставил себе любимого скакуна — Сарала. Это была его ошибка, но ее можно бы поправить, если бы люди верно поняли, что сильнее сознательности оказалась для арата привязанность к любимому коню. Но Саадака исключили из артели. Он верил, что соседи поймут несправедливость своего решения и примут его обратно в «Черемуху». «Да, действительно, тот настоящий мужчина, кто не раз спотыкался на ледяной тропинке, но сумел удержаться и не стал жертвой собственного страха». Добрый, простой Саадак по-прежнему остается правдоискателем.

Автор не пожалел красок для изображения самоотверженного, вдохновенного труда Саадака во время весеннего сева и строительства оросительного канала.

Саадак — природенный мудрец. Люди избирают его председателем арбана — значит, он в своих крепких руках держит «красный повод народной власти». Он возглавляет бригаду строителей, возводящих клуб. И школа в сумоне тоже построена руками таких вот аратов. В картинах коллективного труда, щедро нарисованных в романе, мы видим, как пробуждается сознание народа.

Образ Саадака дан в развитии, черты его характера постепенно становятся все четче. Введя в роман образ знаменитого скакуна Сарала, Кенин-Лопсан добился, что у читателей возникает как бы двойной взгляд на описываемую жизнь, ситуации, характеры. Судьба Сарала тесно связана с судьбой его хозяина.

Затронута в романе и тема личных взаимосвязей людей. «Тетрадь любви» тесно связана с первой «Тетрадью весны», они дополняют друг друга. Идет повествование о любви двух молодых людей — Чанчыка и Тоглаа. Это люди нового времени. Столкнулись два характера, несхожие, но словно созданные друг для друга. Эта встреча не может пройти бесследно. И не случаен здесь образ половодья. Грозно и стремительно несла свои воды Хондергей. Чанчык перейдет эту бушующую реку, чтобы увидеть свою любимую. Любовь при-

дала ему смелости. Это символ хлынувшего горной рекой чувства, чистого, как прозрачный ручей.

С развитием действия романа зазвучал, усиливаясь, и основной мотив его — тема пробуждения и духовного роста героев. Тогдаа уезжает учиться, она кончает курсы медицинских сестер. Только после этого любящие соединяют свои судьбы и идут вместе навстречу новой жизни.

Самой главной из трех частей романа можно назвать «Тетрадь судьбы». Здесь действие становится напряженным.

Гневом встречает тувинский народ известие о нападении фашистской Германии на Советский Союз. Араты готовы на любые жертвы во имя помощи братскому народу, они понимают, что их счастье, их будущее неотделимы от счастья Советской России.

Очень ярки и интересны в романе образы народных вожаков. Председатель сумона Шыдыраа и секретарь партийной ячейки Самнаар-оол — стойкие и верные солдаты своей Родины. Вся жизнь их прошла на передовых рубежах борьбы за счастье народа, в который они верят неизменно. Даже будучи больным, коммунист Шыдыраа не оставляет работы. Он предстает перед читателем как непреклонный борец.

Полной противоположностью образам Саадака, Самнаар-оола и Шыдыраа является образ Чорттарака. Это карьерист, себялюбец, бездельник, праздно разъезжающий по аалам на коне. У него нет чувства чести и долга. В час испытаний, когда проверяется подлинная ценность человека, Чорттарак оказывается трусом. Его самоубийство — это поступок человека трусливого и бесчестного: он убивает себя, получив повестку из военкомата...

Волнует эпизод сбора и отправки подарков. На хошунном празднике, посвященном 20-й годовщине народной власти в Туве, старый арат Саадак призывает всех увеличить свою помощь фронту — отдать лучших коней. Хорошо описаны скачки, состязания борцов. Из трехсот скакунов первый приз завоевывает Сарала!

Первым и вручает зачинатель большого дела, прославленный охотник Саадак своего Сарала представителю Красной Армии. Следует его примеру и бедный арат Бай-Элбек, женщина Кундуспай. Самым достойным — Самнаар-оолу, Саадаку, Узун-Кулаку — доверил народ перегнать коней к советской границе и передать их Красной Армии; преодолевая трудности, араты с честью выполняют поручение земляков.

Подробно повествуется в романе о встрече двух старых партизан — Иннокентия и Саадака. Как поется в тувинской песне, «как бы ни были близки вершины гор, они не сойдутся, как бы далеко ни были два друга — непременно встретятся». Эта встреча боевых друзей символизирует братство русского и тувинского народов.

Достойным завершением романа можно назвать размышления об Улуг-Хеме — Великой реке: «Она спешит на север, чтобы донести братскую любовь тувинцев народам Советской страны. И эта любовь будет вечна, как стремнина Великой реки»...

Весь роман звучит как гимн трудолюбивому народу, прославляет нерушимую дружбу братьев — тувинцев и русских.

На мой взгляд, перевод «Стремнины Великой реки» на русский язык сделан очень своевременно. Видно, что переводчик и автор много поработали совместно, упорно трудились, чтобы произведение не утратило национального колорита.

САГАН-ООЛ

Олег

Карламович

Умер наш добрый друг, известный тувинский писатель, председатель правления Союза писателей Тувы, член правления Союза писателей РСФСР Олег Карламович Саган-оол.

О. К. Саган-оол родился в 1913 году в семье бедного ара-

та-кочевника. Рано осиротел. Учился на рабфаке, затем в Иркутском государственном пединституте.

С 1937 года началась трудовая деятельность писателя: учительствовал, был директором книжного издательства, председателем Тувинского радиокомитета, ответственным работником облисполкома.

С 1947 года на протяжении 25 лет О. К. Саган-оол возглавлял Тувинскую писательскую организацию.

Являясь писателем старшего поколения, Олег Саган-оол известен и любим в Туве. Диапазон его творческих интересов очень широк — поэт, прозаик, драматург и переводчик. Он автор нескольких книг стихов и пьес о современной жизни тувинского народа. Повести Олега Саган-оола «Человек из Баян-Тала», «Счастливая звезда» и романы «Одержимые», «Родные люди» пользуются заслуженной популярностью читателей. Он перевел на тувинский язык произведения Пушкина, Лермонтова, Горького, Шолохова.

Много сил и энергии отдавал писатель воспитанию литературной смены.

Верный принципам ленинской партийности литературы, коммунист О. К. Саган-оол являл собою пример беззаветного служения родному народу и делу развития национальной культуры.

Память о светлом человеке, о талантливом писателе, безвременно ушедшем от нас, останется в наших сердцах.

**СЕКРЕТАРИАТ ПРАВЛЕНИЯ СОЮЗА ПИСАТЕЛЕЙ СССР
СЕКРЕТАРИАТ ПРАВЛЕНИЯ СОЮЗА ПИСАТЕЛЕЙ РСФСР
ПРАВЛЕНИЕ СОЮЗА ПИСАТЕЛЕЙ ТУВЫ.**

СО Д Е Р Ж А Н И Е

Сергей Пюрбю. О времени и современниках. (Поэма) Пер. Емельянова	3
Олег Саган-оол. Одержимые. (Главы из романа). Пер. Чидаканэ	29
Байкара Ховенмей. Моя гордость. Пер. Скуратова	75
Зима. Пер. Скуратова	76
На вершине. Пер. Козловой	77
Свет. Пер. Козловой	77
Юрий Кюнзегеш. Раздумья в Москве. Пер. Разумовского	79
Послание девушкам Баку. Пер. Разумовского	81
«Отчего ты упрямилась, глаз свой скосив...» Пер. Разумовского.	82
Наскальные рисунки. Пер. Разумовского	82
Восемнадцатилетний человек. Пер. Разумовского	83
Сердце. Пер. Разумовского	84
«У любви твоей в плену я...» Пер. Разумовского	85
«Сколько лет тебе, крутой утес...» Пер. Разумовского	87
Донгак Бегзи. Повесть о друзьях. (Главы из повести). Пер. Рамазановой	87
Монгуш Кенин-Лопсан. Баллада о встрече с Лениным. Пер. Дмитриева	115
Подсвечник декабриста. Пер. Козловой.	118
Мать добровольца. Пер. Старининой	118
Березка. Пер. Старининой	119
Киноварь. Пер. Козловой	119
Прощай, художник! Пер. Старининой	120
Алдын-оол Даржаа. Прощание. Пер. Чиж	121
Две приметы. Пер. Чиж	122
Рождение песни. Пер. Чиж	122
Чайлаг. Пер. Чиж	122
Под осень. Пер. Чиж	125

Случай на охоте. Пер. Чиж	123
Медвежонок. Пер. Чиж	124
Сторож на скале. Пер. Чиж	125
Екатерина Танова. Москва. Пер. Козловой	126
Думы у шалаша. Пер. Козловой	127
Монгуш Олчей-оол. К ровеснице. Пер. Потемкиной	129
Глаза. Пер. Козловой	130
Чистый след. Пер. Козловой	130
Радость. Пер. Козловой	131
Бухгалтер. Пер. Козловой	131
Ондар Охемчик. Народ мой. Пер. Тутатчикова	133
Поедем, друг. Пер. Козловой	133
Странный ветерок. Пер. Тутатчикова.	134
Виктор Саган-оол. Косман-оол. Пер. Козловой	135
Анатолий Емельянов. Юность любви	136
Людмила Санчай. Грустная сказка.	140
К заре	140
Осенним днем	141
Здравствуй, день	142
Ветер	142
Зернышко	143
Валерий Тутатчиков. Земное отторжение.	144
Весна	146
Желтая листва во дворе.	146
Эдуард Грефилов. Зажигает огни городок мой бревенчатый.	148
Ровеснику	149
Письмо	150
«Оторвав от земли свой космический груз...»	151

Уголок для детей

Салим Сюрич-оол. Летс на чайлаге. Повесть. Пер. Ватагина	152
Марьям Рамазанова. Мого-Белек. (Из сказок бабушки . . . . .)	
Б ю р б э ж и к а)	180
Кускежик (Сказка)	187

Этюды о природе

Олег Гаврилов. Синяя птица.	191
Анатолий Остапчук. Тополя над рекою.	209
Мгновение знымы.	211
Осенние мотивы	213

Люди, события, книги

Антон Калзан. Человек и идеал. (О положительном героестувинской литературы).	218
Современность и творчество молодых литераторов	232
Мария Хадаханэ. Альманаху «Улуг-Хем» — 25 лет.	241
Тюлюш Кызыл-оол. Кужугат Хензиг-оол.	244
Семен Оюн. На стремнине народной жизни.	248
Некролог	252

УЛУГ-ХЕМ № 12

литературно-художественный альманах

Редакционная коллегия:
Сарыг-оол С. А. (ответственный редактор),
Хадаханэ М. А., Сюрюн-оол С. С., Пюрбю С. Б.,
Кюнзегеш Ю. Ш.

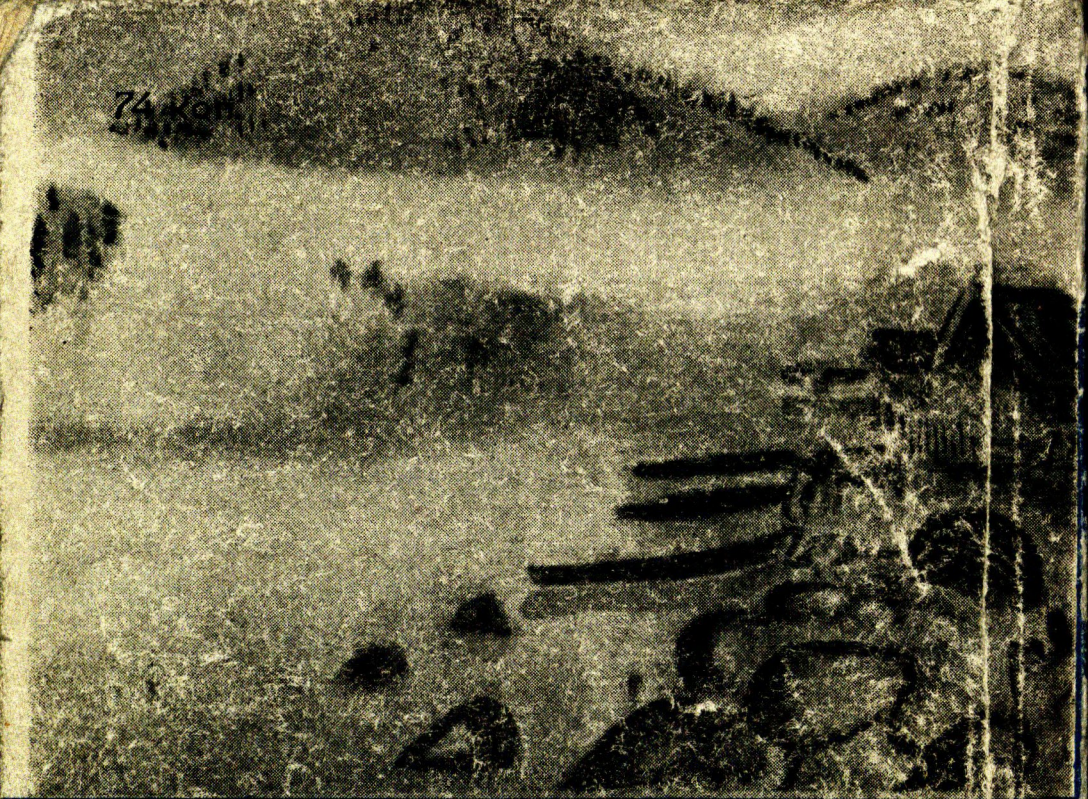
Редактор Бородина А. Д.
Художественный редактор Кузнецов И. Я.
Технический редактор Чернова А. А.
Корректор Тупицына Т. Е.

Сдано в набор 16/VI 1971 г. Подписано к печати 21/IX 1971 г. Формат
60×90^{1/16}. Бумага типографская № 2. Печ. л. 16. Уч.-изд. л. 13,94.
ТС 26252. Тираж 3000 экз. Цена 74 коп. Заказ № 2506.
Тувинское книжное издательство, Кызыл, Щетинкина и Кравченко, 57.

Типография Тувинского книжного издательства, Кызыл,
Щетинкина и Кравченко, 1.

74

James A. M. YERGEN TMAH

1911